ТЮТЧЕВСКИЙ СБОРНИК

(1873—1923)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЫЛОЕ»
ПЕТРОГРАД 1923

Петрооблит № 4489. — 1500 экз.

Российская Государственная Академическая Типография.

БЫЛОЕ

ЛЮБОВЬ В ЖИЗНИ И В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА.

I

Тютчев не оставил после себя, подобно Пушкину, дон-жуанского списка, но предание говорит нам, что поэт любил любовь, что он, вечно взволнованный страстью, до конца дней своих не мог утолить любовной жажды. Из длинного списка женских имен, желанных сердцу поэта, нам известны только четыре имени — Амалия, Элеонора, Эрнестина и Елена. Три иностранных имени и только одно русское! Но это единственное русское имя стало роковым для Тютчева. Им определилось всё самое значительное в его любовной лирике. И жизнь его, в дни духовной зрелости и старости, прошла под знаком этого имени, до сих пор — как это ни странно — вовсе не известного для нас, отделенных от дня смерти поэта всего лишь полустолетием. Правда, в „Материалах“ Р. Ф. Брандта и в последнем издании сочинений поэта под редакцией П. В. Быкова, со вступительной статьей В. Я. Брюсова, упоминается глухо без инициалов некая г-жа Денисьева, как особа, внушившая Тютчеву лучшие лирические его произведения, но это упоминание не дает нам никакого представления о личности возлюбленной поэта. К тому же сообщение о том, что Денисьева была классной дамой Екатерининского института, неверно. Те сведения, которые нам удалось теперь получить, о жизни и судьбе Елены Александровны Денисьевой, очень бедны и незначительны, но они могут быть положены в основу дальнейших исследований этой примечательной главы из биографии Тютчева. Главное, открыт путь, поставлены вехи. А тема достойна внимания не только наших историков литера-

туры и наших биографов. Она представляет интерес для всякого, кто не безразлично относится к личности Тютчева и к его судьбе [1]).

Припомним историю сердечных увлечений Тютчева. Первое имя, которое мы встречаем на страницах этой истории, — имя графини Амалии Максимилиановны Лерхенфельд. Юной графине было тогда всего лишь лет шестнадцать, а поэту двадцать один год, если 1824 год считать годом их взаимной любви. Графиня Амалия Максимилиановна фон-Лерхенфельд-Кеферин была дочерью княгини Турн-и-Таксис и побочной сестрой императрицы Александры Федоровны. Несмотря на нежные чувства, которые она питала к поэту, она вышла замуж не за него, а за первого секретаря русского посольства в Мюнхене, Александра Сергеевича Крюднер. Впоследствии она вторично вышла замуж за финляндского генерал-губернатора, члена государственного совета, графа Николая Владимировича Адлерберга (1819—1892). Время от времени графиня Лерхенфельд-Крюднер встречалась с Тютчевым и, сохраняя, повидимому, дружеские к нему чувства, оказывала ему услуги. Так, например, в 1836 году Амалия Максимилиановна привезла из Мюнхена в Петербург к князю И. С. Гагарину рукописи Тютчева, которые кн. Гагарин передал кн. П. А. Вяземскому для „Современника". В начале сороковых годов графиня Амалия Максимилиановна была дружна с всесильным при императоре гр. А. Х. Бенкендорфом [2]). Из письма Ф. И. Тютчева к его второй супруге Эрнестине Федоровне Тютчевой, от 9 сентября 1843 года, мы узнаем, что графиня, пользуясь своими отношениями с гр. А. Х. Бенкендорфом, оказала

---

[1]) Пользуемся случаем, чтобы выразить нашу признательность Л. А. Георгиевскому, который любезно поделился с нами сведениями о личности Е. А. Денисьевой, на сестре которой был женат А. И. Георгиевский.

[2]) См. Русск. Арх., 1903, III, стр. 489, 496, 647. — Русск. Арх. II, стр. 292; ср. „Записки" Д. Н. Свербеева, II, стр. 142; Остаф. Арх. СПб. 1908, III, примеч., стр. 618 и 619.—Гр. А. М. Лерхенфельд пленила сердце не только Тютчева, но, кажется, и Пушкина. Об этом см. М. А. Цявловский „Пушкин и гр. Фикельмон". Голос Минувшего 1922, № 2, стр. 116. — Об отношении Николая I к гр. Лерхенфельд (Крюднер) см. „Записки А. О. Смирновой" (не апокрифические, под ред. В. Каллаша). Там, между прочим, Смирнова пишет: „После покойный Бенкендорф заступил место Адлерберга, а потом и место государя при Крюднерше. Государь нынешнюю зиму мне сказал: „я уступил после свое место другому", и говорил о ней с неудовольствием, жаловался на ее неблагодарность и ненавистное чувство к России". „Эпоха Николая I". М. 1910, стр. 141 и 142.

поэту нужную ему протекцию. Мы не можем с достаточной уверенностью выяснить, какие именно стихи Тютчева внушены ему любовью к гр. Лерхенфельд. Есть основание думать, что к ней относятся три стихотворения мюнхенского периода — „К Н." („Твой милый взор, невинной страсти полный"...), „Я помню время золотое"..., „В толпе людей, в нескромном шуме дня"... Из этих трех стихотворений одно—„Я помню время золотое"...— во всяком случае надо отнести к Амалии Максимилиановне. И. С. Аксаков думал, что оно написано в первые годы мюнхенской жизни. Вероятнее, однако, что оно написано не ранее начала 30-х годов, т.-е. тогда, когда Тютчев был уже женат. По характеру и тону пьесы не представляется возможным предположить, что поэт говорит о недавних событиях. Всё стихотворение — лирическое воспоминание, а между тем влюбленность Тютчева в гр. Лерхенфельд имела место в эпоху мюнхенской жизни. Между прочим, в Мурановском архиве я нашел список этого стихотворения с датою — 1833. Не ошибся ли И. С. Аксаков? Стихотворение было напечатано в „Современнике" 1836 года и, кажется, до того нигде не появлялось. Существует в семейном архиве Тютчевых автограф первых трех строф этого стихотворения с некоторыми вариантами в тексте, но, к сожалению, без даты. То, что стихотворение это действительно относится к гр. Амалии Максимилиановне Лерхенфельд, подтверждается простым тематическим сопоставлением с стихотворением „Я встретил вас, и всё былое"... Последнее стихотворение с двумя буквами в заглавии К. Б.—относится к той же гр. Лерхенфельд, по свидетельству Я. П. Полонского, который объяснял, что буквы *К.* и *Б.* суть сокращение переставленных слов— „Баронессе Крюднер". Стихотворение „Я встретил вас, и всё былое"... датируется точно: Карлсбад, 26 июня 1870. В это время поэту было шестьдесят семь лет и даме его сердца около шестидесяти. Это не помешало ему сделать еще раз страстное признание:

Тутъ не одно воспоминанье,
Тутъ жизнь заговорила вновь,
И то же въ васъ очарованье,
И та жъ въ душѣ моей любовь.

В 1826 году Тютчев увлекся другою женщиною. Это была вдова Эмилия-Элеонора Петерсон, урожденная графиня Бот-

мер [1]). Тютчеву было тогда двадцать три года. Так же, как и графиня Лерхенфельд, она слыла красавицей. Семейное предание и сохранившиеся портреты подтверждают это. Гейне, познакомившийся с Тютчевыми в 1828 году, находил ее очаровательной. Возможно, что к ней относятся стихотворения Тютчева—„Вчера в мечтах обвороженных“..., „Люблю глаза твои, мой друг“..., „Уста с улыбкою приветной“..., „Cache-Cache“... Но это не более, как наши домыслы, основанные на приблизительном хронологическом совпадении написания стихов и любовных отношений поэта к невесте и потом жене. Расшифровать биографический смысл любовных стихов Тютчева, относящихся к мюнхенскому периоду, очень трудно. Несмотря на искреннюю любовь поэта к жене, возможны с его стороны и другие увлечения, имевшие место в те же годы. Остаются совершенно загадочными в этом отношении такие стихи, как —„Ты любишь, ты притворствовать умеешь“..., „Сей день я помню для меня“..., „Двум сестрам“... Особенно загадочно стихотворение „Так здесь-то суждено нам было“... В „Современнике“ 1838 года оно датируется 1 декабря 1827 года, а в „Современнике“ 1854 года есть помета: Генуя. В издании 1854 и 1868 г.г. даты вовсе нет. В изд. 1886 г. дата: Дек. 1837,—в изд. 1900 г.: 1 декабря 1837. И. С. Аксаков ссылается на „некоторые рукописные списки“, где стоит помета 1 декабря 1837 года. В Мурановском архиве имеется копия этого стихотворения в альбоме $12^1/_1$ на стр. 27, с некоторыми вариантами. Во второй строфе слово „прости“ вписано другою рукою—может быть, рукою самого поэта. Наверху справа на рукописи дата: 1 декабря 1837. Любопытно, что цифра три написана по первоначальной цифре два—такими же чернилами, как и слово „прости“. Очень возможно, что это исправление сделано самим поэтом, ибо если в данном случае трудно удостоверить его почерк, то на других страницах альбома встречается ряд исправлений почерком уже несомненно самого Ф. И. Тютчева. 1827 год Тютчев провел в Мюнхене. Значит, если верно указание на Геную, то стихотворение не относится к 1827 году. В этом году

---

[1]) Внук поэта, Ф.И.Тютчев, любезно сообщил нам, что в бумагах семейного архива он нашел заметку дочери поэта, Дарьи Федоровны, с копией надписи на могиле в Турине ее матери, Эмилии-Элеоноры, рожд. гр. Ботмер. Из этой надписи видно, что первая супруга Тютчева родилась в Мюнхене, в 1799 году и, значит, была старше поэта на четыре года.

Тютчеву, повидимому, не пришлось быть на морском берегу в декабре месяце, как об этом рассказано в стихотворении:

Прости... Чрезъ много, много лѣтъ
Ты будешь помнить съ содроганьемъ
Сей край, сей брегъ съ его полуденнымъ сіяньемъ,
Гдѣ вѣчный блескъ и ранній цвѣтъ,
Гдѣ позднихъ блѣдныхъ розъ дыханьемъ
Декабрьскій воздухъ разогрѣтъ.

Итак, в декабре 1837 года Тютчев был на берегу моря. Как он вообще провел 1837 год? В начале года он еще в Мюнхене. В письме к родителям от 12 января 1837 года (нов. ст.), посланном из Мюнхена, Тютчев, между прочим, пишет: „Voyez-Vous quelque fois m-me de Krudner? J'ai quelque raison de supposer, qu'elle n'est pas aussi heureuse dans sa brillante position que je l'eusse désirée. Pauvre chère et excellente femme. Elle ne sera jamais aussi heureuse qu'elle le mérite. Demandez-lui, quand Vous la verrez, si elle se doute encore que je suis au monde. Munich est bien changé depuis son départ“ (Муран. арх. ящ. $I^2/_1$). Письмо это еще не издано. Эта цитата свидетельствует о своеобразной „верности“ Тютчева: новые возлюбленныя не уничтожают в его сердце старых увлечений и привязанностей. Возникает даже вопрос, нет ли в этом письме косвенного указания на желание Тютчева вновь встретиться с m-me Крюднер. Он, повидимому, надеется, что его слова будут ей переданы так или иначе. К сожалению, нам пока не удалось установить, где была m-me Крюднер в декабре 1837 года. Если свидание в Генуе было не с нею, а с какою-то иною особою — не со второю ли его будущею женою, Эрнестиною Федоровною Дернберг (Пфеффель)? — то приходится установить тот факт, что в один и тот же год сердце Тютчева было занято по крайней мере тремя любовными увлечениями. С 9 мая по 3 августа Тютчев числился в отпуску. Это можно установить по данным Арх. Мин. Иностр. Дел, дело IV. 6. 1838. 25. Повидимому, Тютчев воспользовался своим отпуском для поездки в Россию. Из неизданного письма к родителям (Муран. арх., ящ. $I^2/_2$) мы узнаем, что поэт встретился с женою в Горнбахе и отправился в путешествие вместе с нею. Из данных Арх. Мин. Иностр. Дел (дело IV. 2. 1837. 5) нам известно, что 3 августа 1837 года Тютчев назначен на вакансию в миссию в Турине — старшим секретарем при миссии. 7 августа Тютчев

отправился дипломатическим курьером из Петербурга через Берлин и Мюнхен в Турин (Арх. Мин. Иностр. Дел, дело IV. 6. 1838. 25 и IV. 26. 1837. 48). Жену он оставил в России. В неизданном письме к родителям от 15 августа1837 года из Любека поэт пишет, между прочим: „Мне, признаюсь, иногда очень грустно за жену. Никто на свете не знает, кроме меня, как ей [тяжело] должно быть на сердце“... В Мюнхен Тютчев вернулся 25 августа, или 6 сентября по н. ст. Это видно из письма к родителям от 29 августа (10 сентября) 1837 г. (Муран. арх., ящ. I $^{2}/_{2}$). 13 ноября н. ст. Тютчев пишет из Турина родителям о своей жизни в тамошнем обществе, ему не интересном. В конце французского письма приписка по-русски: „Скажите, для того ли родился я в Овстуге, чтобы жить в Турине? Жизнь, жизнь человеческая, куда какая нелепость!“ (Арх., ящ. I$^{2}/_{2}$). В письме к родителям от 13 (25) декабря 1837 года Тютчев опять жалуется на скучную жизнь в Турине. В этом письме между прочим Тютчев сообщает, что *он ездил в Геную и что Генуя ему чрезвычайно понравилась.* Он вернулся в Турин в первых числах декабря. Итак, дата 1 декабря 1827 года, очевидно, фантастична. Первого декабря 1837 г. Тютчев был в Генуе. Жена его была в это время в России, а у него было любовное свидание с какою-то особою, с которою, как он тогда думал, ему суждено было проститься на всегда:

Такъ здѣсь-то суждено намъ было
Сказать послѣднее прости, —
Прости всему, чѣмъ сердце жило,
Что, жизнь убивъ, ее испепелило
Въ твоей измученной груди.

14 (26) мая 1838 года из Петербурга отплыл в Любек пароход, на котором Эмилия-Элеонора Тютчева с детьми ехала к мужу. Это был тот самый пароход „Николай I“, на котором ехал молодой И. С. Тургенев. Из его рассказа „Пожар на море“ нам легко представить себе то, что пережила тогда жена поэта.

„Я должен сознаться, — пишет И. С. Тургенев, — что бы там ни подумала мужская половина рода человеческого, что женщины в этом случае показали больше мужества, нежели мужчины. Бледных, как смерть, ночь застала их в постелях (вместо всякой одежды на них были накинуты только одеяла), и как ни был я не-

верующим уже тогда, но они показались мне ангелами, сошедшими с неба, чтобы пристыдить нас и придать нам храбрости". Петерсон-Тютчева оказалась одною из таких мужественных женщин. В письме от 17 (29) июня 1838 года из Мюнхена Тютчев рассказывает родителям о катастрофе и восхищается самообладанием своей жены. „Можно сказать без преувеличения, — пишет он,—что дети были дважды обязаны своею жизнью своей матери". Как известно, жена Тютчева, преодолев непосредственную опасность, все-таки в конце концов не ушла от судьбы. Она заболела — ее болезнь была последствием простуды и нервного потрясения во время пожара на пароходе — и она скончалась в Турине 9 (21) сентября 1838 года. Автор воспоминаний о поэте, помещенных в июльской книжке „Исторического Вестника" за 1903 год, сообщает по семейному преданию, что „Тютчев, проведя ночь у гроба первой жены, поседел от горя". 6 (18) октября 1838 года Тютчев писал из Турина к В. А. Жуковскому: „Есть ужасная година в существовании человеческом. Пережить всё, чем мы жили в продолжение целых двенадцати лет... Что обыкновеннее моей судьбы и что ужаснее. Всё пережить и всётаки жить... Есть слова, которые мы всю жизнь употребляем, не понимая, и вдруг поймем. И в одном слове, как в провале, как в пропасти, все обрушится. В несчастии сердце верит, т.-е. понимает, и потому я не могу не верить, что свидание с вами в эту минуту, самую горькую, самую нестерпимую минуту моей жизни, не слепого случая милость. Вы недаром для меня перешли Альпы. Вы принесли с собою то, что после нее я более всего любил в мире: отечество и поэзию. Не вы ли сказали где-то: в жизни много прекрасного и кроме счастия. В этом слове есть целая религия, целое откровение... Но ужасно, несказанно ужасно для человеческого сердца отречься навсегда от счастья" („Русск. Арх." 1903, 12, стр. 643). Как известно, Тютчев искал встречи с Жуковским, который в это время сопровождал наследника в его путешествии по Италии. Свидание Тютчева с Жуковским состоялось. В своем дневнике Жуковский отмечает несколько раз душевное состояние Тютчева. Жуковский сочувствует его горю. Но 14 (26) октября, когда они были вместе в Комо, Жуковский пишет, как будто недоумевая: „Он горюет о жене, которая умерла мученическою смертью, а говорят, что он влюблен в Мюнхене...". О ком же говорили тогда? Не о той ли особе, с которой было свидание у Тютчева в Ге-

ную в декабре 1837 г., т.-е. почти за год до кончины Эмилии-Элеоноры Петерсон-Ботмер?

Однако, Тютчев в одну ночь поседел у гроба жены. И сердце его было исполнено настоящею скорбью. По указанию И. С. Аксакова, стихотворение „Еще томлюсь тоской желаний..." относится к памяти Эмилии-Элеоноры Петерсон.

Еще томлюсь тоской желанiй,
Еще стремлюсь къ тебѣ душой
И въ сумракѣ воспоминанiй
Еще ловлю я образъ твой, —
Твой милый образъ, незабвенный,
Онъ предо мной вездѣ, всегда,
Недостижимый, неизмѣнный,
Какъ ночью на небѣ звѣзда.

Нам теперь известны два автографа и два списка этого стихотворения. Все они хранятся в семейном архиве Тютчевых. Один из двух списков находится в альбоме М. Ф. Бирилевой — и там же автограф, на стр. 5. Внизу страницы карандашом, может быть, рукою самого Тютчева дата — 1848. Второй автограф без вариантов на клочке бумаги. На оборотной стороне начало французского письма с датою на верху: $\frac{\text{27 Décembre 1848}}{\text{8 Janvier 1849}}$. Таким образом, почти несомненно, что стихотворение „Еще томлюсь тоской желаний" написано спустя десять лет после кончины Эмилии-Элеоноры Петерсон, когда Ф. И. Тютчев был уже в браке с Эрнестиной Федоровной Дернберг-Пфеффель. Эта новая любовь к Эрнестине Федоровне не помешала, оказывается, поэту, если верить сообщению И. С. Аксакова, снова вернуться к любовным воспоминаниям, связанным с образом ушедшей возлюбленной.

Любопытно, что одно из прекрасных стихотворений Тютчева, правда, на французском языке, посвященное барону Мальтицу, женатому на сестре Эмилии-Элеоноры Петерсон, Клотильде, до сих пор вовсе не было известно, а между тем оно представляет немалый психологический интерес [1]). Оно датируется по рукописи 4 апреля 1838 года, т.-е. недели за две до катастрофы с пароходом „Николай I". Автограф в письме, адресованном —

---

[1]) Владелец автографа, — внук поэта, Н. И. Тютчев, — любезно предоставил нам рукопись для опубликования, за что и приносим ему нашу благодарность.

„A Monsieur Monsieur le Baron de Maltitz [le] sécrétaire de la légation de Russie. A Munich [1]). К стихотворению присоединены следующие строки: „Adieu, que je suis enfant, que je suis faible. Tout ce jour aujourd'hui je n'ai fait que Vous lire et penser à Vous. — Mes amitiés à Clothilde. Puisse-t-elle être heureuse et Vous aussi. T. Tutcheff".

А самый текст стихотворения таков:

Nous avons pu tous deux, fatigués de voyage,
Nous asseoir un instant sur le bord du chemin —
Et sentir sur nos fronts flotter le même ombrage,
Et porter nos regards vers l'horizon lointain —

Mais le temps suit son cours et sa pente inflexible
A bientôt séparé ce qu'il avait uni —
Et l'homme, sous le fouet d'une pouvoir invisible
S'enfonce, triste et seul, dans l'espace infini —

Et maintenant, ami, de ces heures passées,
De cette vie à deux, que nous est-il resté?
Un regard, un accent — des débris de pensées —
Hélas, ce qui n'est plus a-t-il jamais été.

Итак, 9 (21) сентября 1838 года скончалась Эмилия-Элеонора Петерсон, а через семь месяцев Тютчев уже ходатайствовал перед министром о разрешении ему вторично жениться на вдове баронессе Дернберг, а не Дернгейм — кстати сказать — как неверно сообщал И. С. Аксаков и как повторяли за ним другие биографы. 15 апреля 1839 года Тютчев получил разрешение жениться на баронессе Дернберг, урожденной Пфеффель. Однако ему было отказано в отпуске в виду отсутствия сардинского посланника Кокошкина. Об этом имеется справка в Арх. Мин. Иностр. Дел (дело IV. 10. 1839. 20) [2]). Тем не менее брак этот

---

[1]) Бар. Аполлон (Аполлоний) Петрович фон-Мальтиц (1795 — 1870), сын русского посла в Карлсруэ, брат небезызвестного немецкого поэта Фридриха Мальтица (1794 — 1857), также состоявшего на русской службе. Аполлон Мальтиц переводил и писал стихи, хотя был менее известен, чем брат. И. В. Киреевский давал о Мальтице лестный отзыв в 1830 году, называя его „человеком отменно серьезным, молчаливым, умным". Известны любопытные письма В. А. Жуковского к А. Мальтицу, в которых Жуковский отзывается сочувственно об его стихах и переводах. „Русский Библиофил". СПб. 1912. Ноябрь-декабрь, № 7 и № 8.

[2]) Справки из Арх. Иностр. Дел любезно нам предоставлены Д. Д. Благим.

состоялся в конце июня 1839 года в Берне, в Швейцарии. Самовольная поездка Тютчева в Швейцарию, повидимому, находится в связи с его сватовством. Эрнестине Федоровне Пфеффель было тогда двадцать девять лет. Она родилась 8 (20) апреля 1810 года, а умерла 17 (29) апреля 1894 года, пережив Ф. И. Тютчева на двадцать один год.

Эрнестина Федоровна была на-половину француженка. Родители ее были родом из Эльзаса. Фамилия баронов Пфеффель была довольно известна. Отзывы современников и портреты баронессы Пфеффель свидетельствуют о том, что она была красивая женщина. В письмах к жене, большая часть которых уже опубликована в „Старине и Новизне", Тютчев постоянно делится с нею не только житейскими впечатлениями, но и мыслями о политических событиях и теми религиозно-философскими идеями, которые у него возникали в связи с этими событиями. К сожалению, мы не располагаем ее письмами к поэту. По семейному преданию, она их сожгла. Но в настоящее время найдены и будут в ближайшее время разобраны ее письма к брату, Карлу Пфеффелю, а также ее дневники и записные книжки. Только после изучения этих документов можно будет восстановить образ этой, кажется, незаурядной женщины, с характером твердым, несколько холодным, но внушающим к себе уважение. Стихов поэта, ей посвященных, немного, и восстановить по ним характер их любовных и брачных отношений очень трудно. Три французские стихотворения, посвященные поэтом Эрнестине Федоровне — „Que don lui faire au déclin de l'année?" (1847), „Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées..." (1850) и „Des premiers ans de votre vie..." (1851) — лишены того лирического волнения, которое так пленительно и остро в других любовных стихах Тютчева. Иное значение имеют три стихотворения, написанные поэтом — первое в начале или середине пятидесятых годов и два другие в год его смерти — относящиеся также к Эрнестине Федоровне. Первое стихотворение (четверостишие) как будто заклинание — мучительный вопль сердца о пощаде:

Все, что сберечь мнѣ удалось
Надежды, вѣры и любви,
Въ одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!

Второе и третье — признания, похожие на раскаяние, как будто внушенные ужасом перед лицом смерти:

Все отнялъ у меня казнящій богъ:
  Здоровье, силу воли, воздухъ, сонъ,
Одну тебя при мнѣ оставилъ онъ,
  Чтобъ я ему еще молиться могъ.

Эти четыре строчки написаны в феврале 1873 года, когда Тютчев уже лежал недвижно в постели, разбитый параличом. В том же году написано и знаменательное стихотворение — „Не знаю я, коснется ль благодать...“ с таинственным подзаголовком — „Pour vous, à dechifrer toute seule“:

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болѣзненно грѣховной,
Удастся ль ей воскреснуть и возстать,
Пройдетъ ли обморокъ духовный.

Но если бы душа могла
Здѣсь, на землѣ, найти успокоенье,
Мнѣ благодатью ты бъ была —
Ты, ты, мое земное провидѣнье.

Расшифровать до конца это стихотворение могла во-истину одна только Эрнестина Федоровна Тютчева, и тайну этого стихотворения она унесла в могилу, но отчасти мы угадываем теперь эту тайну. Мы знаем теперь о любви Тютчева к иной женщине — что, повидимому, и было тем событием, которое сделало отношения Тютчева к его жене противоречивыми и мучительными. Любопытно, что новая любовь не вытеснила из души поэта его привязанности к жене. Эрнестина Федоровна, — согласно семейному преданию, — ни разу даже не обнаружила того, что она знает о романе мужа. В рукописном отделении Румянцевского Музея хранятся подлинники писем поэта к жене. Многие из этих писем не были опубликованы ни в „Русск. Арх.“, ни в „Стар. и Нов.“. Эти интимные письма свидетельствуют о любви к жене и о духовной верности поэта, несмотря на то, что в это же время у него была связь с Е. А. Денисьевой.

II.

В 1850 году, когда Ф. И. Тютчеву было сорок семь лет, а Эрнестине Федоровне сорок, поэт сблизился с Еленой Александровой Денисьевой, воспитанницей и племянницей Анны Дмитриевны Денисьевой, которая была тогда инспектрисой Смольного института, где учились две дочери Тютчева—Дарья и Екатерина. Ф. И. Тютчев встретился и познакомился с Еленой Александровной Денисьевой в доме ее тетки. Денисьевы были старинного дворянского рода, у деда ее были поместья, но отец Елены Александровны разорился и жил где-то в провинции, служа исправником. Елена Александровна рано потеряла свою мать и называла свою тетку maman не только по институтской привычке. Она воспитывалась на Николаевской половине Смольного института, но Анна Дмитриевна Денисьева смотрела на нее, как на свою дочь.

Ф. И. Тютчев увлекся Еленой Александровной, но еще более увлеклась им сама Елена Александровна. Ей было тогда, кажется, двадцать пять лет[1]). Анна Дмитриевна Денисьева и ее племянница были известны тогдашнему петербургскому обществу, и то, что этот роман поэта был забыт уже следующим поколением, представляется нам загадочным.

Я позволю себе привести уместную здесь выдержку из письма ко мне графа П. С. Шереметева, который, по моей просьбе, любезно согласился расспросить свою мать, графиню Екатерину Павловну Шереметеву, об ее знакомстве с Ф. И. Тютчевым. „Они жили тогда, — сообщает со слов своей матери гр. П. С. Шереметев, — в Царском на Малой улице в большой даче Сибора [гр. С. Д. Шереметев и его супруга Е. П. Шереметева], прямо против ворот дворца. Однажды кн. П. А. Вяземский пришел обедать к моей матери и привел с собою Тютчева, приехавшего невзначай к нему в Царское. Так как обеда у Вяземских в этот день не было, то он и привел его. Они вошли вдвоем. Тютчев вошел со словами: „Ne me prenez pas pour un tarta-a-ar“, произнося слова с большой растяжкой и разумея пословицу: незваный гость хуже татарина. Моя мать хорошо помнит, что в этот вечер она была не в духе, и причиной был именно Тют-

[1]) Год рождения Е. А. Денисьевой нам пока не удалось установить.

чев. Не то, что он пришел без зова, разумеется, а у него была история, о которой тогда много говорили. Он увлекся институточкой, некоей Денисьевой, которая также влюбилась и вскоре (?) умерла чахоткой. Все это очень возмущало мою мать, и она не могла даже скрыть своего негодования и была весьма мало любезна. Тютчев был уже старик. Мой отец был недоволен и говорил, что вся эта история нисколько ее не касается. Тютчев очень любезничал, стараясь обратить внимание на хозяйку дома, а ее коробило, что старичок рассыпается в любезностях. Ей было тогда 18 лет". Весь этот рассказ, несмотря на некоторые неточности, очень характерен для отношения тогдашнего светского общества к любовной истории Тютчева. Если молоденькая графиня Екатерина Павловна Шереметева считала возможным и нужным не скрывать своего возмущения поведением старика Тютчева, легко себе представить, в каком положении была в обществе Елена Александровна Денисьева. Ей пришлось расстаться со многими из своих прежних знакомых. Вскоре у нее родилась дочь Елена, а через восемь лет мальчик Федор и, наконец, за несколько месяцев до ее кончины, уже в 1864 году, сын Николай.

В нашем распоряжении находятся сейчас копии двенадцати писем Е. А. Денисьевой к сестре ее, Марии Александровне, и к ее мужу, Александру Ивановичу Георгиевскому. Письма датируются 1863 и 1864 годом — последнее письмо написано за два месяца до ее смерти. В этих французских письмах образ Е. А. Денисьевой рисуется не слишком ярко. Их мало и, повидимому, они все написаны в часы усталости от страшной болезни, но все-таки некоторые черты ее характера угадываются сквозь эти строки. Она религиозна. „La semaine passée nous avons fait nos dévotions, la petite et moi, je n'étais pas encore remise des fatigues et des émotions qui accompagnent toujours cet acte si on l'accomplit sérieusement..." Она нежная мать. „A quoi sommes nous bonnes, nous autres femmes, si ce n'est à mettre au monde ces chers petits anges, pour les adorer ensuite, même quand ils perdent leurs ailes..." Но она ухаживает за Федором Ивановичем Тютчевым, как за ребенком — даже тогда, когда больны ее дети. „Je suis depuis huits jours occupée à le soigner. Il a été très sérieusement malade, j'ai été fort inquiète, je passais les jours et les nuits auprès de lui (car sa famille est absente) et je n'allais voir mes pauvres enfants malades que pour un couple d'heures dans la journée". В дру-

гом письме от 31 мая 1864 года она пишет, что много плакала после отъезда сестры, которая навестила ее в Петербурге: „Федор Иванович en rentrant m'a trouvée toute en larmes..." И далее: „Mon Боженька [Ф. И. Тютчев!] s'ennuie, toutes ses connaissances partent, les uns après les autres et votre société qu'il aime tant, cher Alexandre! lui manque beaucoup. Je voudrais me remettre au plus vite pas tant pour moi que pour lui. C'est mon Louis XIV inamusable". Она не лишена литературных интересов. Больная, в постели, она всё еще продолжает интересоваться книгами: „Une lettre de George Sand à propos du dernier livre de Victor Hugo — son chef-d'oeuvre de style, dis à ton mari de la lire — c'est dans la Revue des Deux Mondes..." Е. А. Денисьева внесла в жизнь поэта всю глубину, страстность, духовность и беззаветность, свойственные русской душе и русскому сердцу. И в стихах Тютчева вместе с этою любовью возникло что-то новое, открылась новая глубина, какая-то исступленная стыдливость чувства и какая-то новая суеверная страсть, похожая на страдание и предчувствие смерти.

Жизнь Е. А. Денисьевой сложилась, повидимому, несчастно. Любовь ее к поэту была исполнена горечи и разочарования — не в нем: его она, если верить стихам Тютчева, любила „искренно и пламенно". Разочарование было в жизни вообще, которая оказалась суровой и безжалостной. Люди не простили ей ее „беззаконной" любви. В одном стихотворении 1852 года, которое, очевидно, относится к ней, поэт говорит:

Чему молилась ты съ любовью,
Что какъ святыню берегла, —
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
Въ святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайнъ, и жертвъ, доступныхъ ей...

И сам поэт чувствовал себя недостойным того цельного и светлого чувства, которое возникло в сердце его возлюбленной. Вероятно, и она порою укоряла поэта за двойственность его отношений к ней. Мы можем об этом догадываться по таким,

например, признаниям Тютчева, относящимся также к 1852 году (второму году их любви):

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Повѣрь, изъ насъ, изъ двухъ завиднѣй часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя смотрю съ досадою ревнивой.

И, жалкій чародѣй передъ волшебнымъ міромъ,
Мной созданнымъ самимъ, безъ вѣры я стою
И самого себя, краснѣя, сознаю
Живой души твоей безжизненнымъ кумиромъ.

Страдания своей возлюбленной Тютчев переживает, как свои, влагая в ее уста то, что она должна была ему сказать:

Онъ мѣритъ воздухъ мнѣ такъ бережно и скудно.
Не мѣрятъ такъ и лютому врагу...
Охъ, я дышу еще болѣзненно и трудно,
Могу дышать, но жить ужъ не могу.

К Е. А. Денисьевой относятся и те стихи Тютчева, которые стали вечной формулой любви:

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй...

В этом стихотворении вся история последней любви поэта. Тут все автобиографично, все — живой голос мучительной и суеверной страсти. Поэт как бы ищет для нее самых последних, самых крайних и самых точных выражений. Он их нашел в 1854 году — в своих неумирающих стихах „Последняя любовь".

Любовь Тютчева к Е. А. Денисьевой длилась четырнадцать лет, но внешняя семейная жизнь поэта оставалась прежней. Эрнестина Федоровна была попрежнему — в глазах общества — женою Ф. И. Тютчева, тогда как та, которой он посвящал свои лирические признания, занимала в этом обществе положение очень тягостное и двусмысленное.

Двусмысленность этого положения отразилась на судьбе дочери Тютчева и Денисьевой. Девочка (ее звали Еленой) воспитывалась в известном петербургском пансионе г-жи Трубà. Фа-

милию Леля носила Тютчевой. Все дети Е. А. Денисьевой были Тютчевым усыновлены. И вот вскоре после смерти матери, когда девочке было тринадцать лет, ей пришлось покинуть пансион. Некая светская дама, мать сверстницы и подруги Лели, спросила девочку, как поживает ее „maman“, разумея под „maman“ Эрнестину Федоровну Тютчеву. Повидимому, после разъяснившегося недоразумения, светская дама дала понять девочке ложность ее положения. Тогда Леля Тютчева убежала из пансиона к Анне Дмитриевне Денисьевой и объявила, что больше в пансион не вернется. С нею случился нервный припадок. Она заболела скоротечной чахоткой и скончалась на пятнадцатом году в начале мая 1865 года. На другой день после ее смерти умер ее маленький брат Коля, которому тогда было года полтора. Вырос только один Федор Федорович Тютчев, беллетрист, который был моложе сестры, кажется, на восемь лет. Он скончался недавно, во время войны с Германией, до революции.

Елена Александровна Денисьева умерла 4 августа 1864 года. Комментатор последнего издания стихов Тютчева неверно сообщает, что Е. А. Денисьева умерла в Ницце, где она была вместе с Ф. И. Тютчевым. Поэт уехал заграницу уже после смерти Е. А. Денисьевой, которая скончалась в Петербурге и похоронена на Волковом кладбище.

Ф. И. Тютчев открыл нам тайны ее предсмертных минут в стихотворении — „Весь день она лежала в забытьи“...

Восьмого августа 1864 года, т.-е. через три дня после смерти Е. А. Денисьевой, Тютчев писал из Петербурга в Москву к Александру Ивановичу Георгиевскому: „Все кончено... Вчера мы ее хоронили... Что это такое? Что случилось? О чем это я Вам пишу — не знаю... Во мне всё убито: мысль, чувство, память, всё... Я чувствую себя совершенным идиотом. Пустота, страшная пустота. И даже в смерти не предвижу облегчения. Ах, она мне на земле нужна, а не там где-то... Сердце пусто, мозг изнеможен. Даже вспомнить о ней, вызвать ее живую в памяти, как она была, глядела, говорила, и этого не могу. Страшно, невыносимо... Писать более не в силах, да и что писать...“ [1]).

---

[1]) Оригинал этого письма, как и вообще переписка Ф. И. Тютчева с А. И. Георгиевским, любезно переданы мне Львом Александровичем Георгиевским. Пользуюсь случаем, чтобы выразить ему мою благодарность. Вся переписка будет опубликована самим Л. А. Георгиевским — с весьма ценными комментариями, извлеченными им из записок его отца.

Тринадцатого августа к тому же корреспонденту Тютчев пишет: „О приезжайте, приезжайте, ради бога, и чем скорее, тем лучше. Благодарю, от души благодарю Вас. Авось либо удастся Вам, хоть на несколько минут, приподнять это страшное бремя, этот жгучий камень, который давит и душит меня… Самое невыносимое в моем теперешнем положении это то, что я с всевозможным напряжением мысли, неотступно, неослабно всё ду- 7
маю о ней, и всё-таки не могу уловить ее… Простое сумасшествие было бы отраднее… Но… писать об этом я все-таки не могу, не хочу; как высказать этакий ужас…“.

Сын поэта и Е. А. Денисьевой сообщает письмо Тютчева к неизвестному корреспонденту, относящееся к тому же времени: „Мое душевное состояние ужасно. Я изнываю день за днем всё больше и больше в мрачной бездонной пропасти… Смысл моей жизни утрачен, и для меня ничего больше не существует… То, что я чувствую, невозможно передать словами, и если бы настал мой последний день, то я приветствовал бы его, как день освобождения… Дорогой друг мой, жизнь здесь на земле невозможна для меня. И если „она“ где-нибудь существует, она должна сжалиться надо мной и взять меня к себе…“.

Эти строки нашли себе и лирическое выражение:

Ангелъ мой, гдѣ бъ души ни витали,
Ангелъ мой, ты видишь ли меня?

А. А. Фет рассказывает в своих воспоминаниях о свидании с Тютчевым: „Безмолвно пожав руку, Тютчев пригласил меня сесть рядом с диваном е с, на котором он полулежал. Должно быть, его лихорадило и знобило в теплой комнате от рыданий, так как он весь покрыт был с головою темносерым пледом, из-под которого виднелось только одно изнемогающее лицо. Говорить в такое время нечего. Через несколько минут я пожал ему руку и тихо вышел. Вот что позднее рассказывал [И. С.] Тургенев о своем свидании с Тютчевым в Париже:—Когда Тютчев вернулся из Ниццы, где написал свое известное—„О этот юг, о эта Ницца“ — мы, чтобы переговорить, зашли в кафе на бульваре и, спросив себе из приличия мороженого, сели под трельяжем из плюща. Я молчал всё время, а Тютчев болезненным голосом говорил, и грудь его сорочки под конец рассказа оказалась промокшею от падавших на нее слез…“.

6 (18) октября 1864 года Тютчев писал из Женевы к А. И. Георгиевскому: „... Память о ней — это то, что чувство голода в голодном, ненасытимо голодном. Не живется, мой друг Александр Иванович, не живется... Гноится рана, не заживает. Будь это малодушие, будь это бессилие, мне все равно. Только при ней и для нее я был личностью, только в ее любви, в ее беспредельной ко мне любви, я сознавал себя... Теперь я что-то бессмысленно живущее, какое-то живое, мучительное ничтожество. Может быть и то, что в некоторые годы природа в человеке теряет свою целительную силу, что жизнь утрачивает способность возродиться, возобновиться. Все это может быть; но поверьте мне, друг мой Александр Иванович, тот только в состоянии оценить мое положение, кому из тысячи одному выпала страшная доля — жить четырнадцать лет сряду, ежечасно, ежеминутно, такою любовью, как ее любовь, и пережить ее... Теперь все изведано, все решено; теперь я убедился на опыте, что этой страшной пустоты во мне ничто не наполнит. Чего я ни испробовал в течение этих последних недель, и общество, и природа, и наконец, самые близкие, родственные привязанности; Саша [кн. А. М. Мещерская], ее участие в моем горе. Я готов сам себя обвинять в неблагодарности, в бесчувственности; но лгать не могу: ни на минуту легче не было, как только возвращалось сознание. Всё это приемы опиума, минутою заглушают боль, но и только. Пройдет действие опиума, и боль всё та же...“.

И далее к Марии Александровне Георгиевской, сестре Елены Александровны Денисьевой: „... Ah oui, il n'y a pas pour moi que ceux qui l'ont connue et aimée, bien qu'à present tout le monde me parle d'elle avec un vif interêt—trop tard—hélas!—trop tard. Une de celles qui m'a parlé d'elle avec le plus de sympathie, c'est dernièrement la grande duchesse Hélène qui m'a même promis son appui pour ma petite Lolla qu'elle verra chez mad. Trouba à son retour à Pétersbourg... Ah, si ce n'étaient *ses* enfants, je sais bien où serait maintenant ma place. Rien n'est changé, Vous le voyez — je suis toujours au lendemain de sa mort...“.

8 (20) декабря 1864 года Тютчев писал из Ниццы Я. П. Полонскому, с которым у него были, по свидетельству А. А. Фета, отношения самые интимные: „Друг мой Яков Петрович. Вы просили меня в вашем последнем письме, чтобы я написал вам, когда

мне будет легче, и вот почему я не писал к вам до сегодня. Зачем я пишу к вам теперь, не знаю, потому что на душе все то же, а что это — то же — для этого нет слов. Человеку дан был крик для страдания, но есть страдания, которых и крик вполне не выражает... С той минуты, как я прошлым летом встретил вас в Летнем саду и в первый раз высказался перед вами о том, что мне претило — и досей минуты, если бы год тому назад всё мною пережитое и перечувствованное приснилось мне, с некоторою живостью — то мне кажется — я, не просыпаясь, тут же бы на месте и умер от испуга. — Не было, может быть, человеческой организации, лучше устроенной, чем моя, для полнейшего восприятия известного рода ощущений. — Еще при ее жизни — когда мне случалось при ней, на глазах у нее, живо вспомнить о чем-нибудь из нашего прошедшего, — я помню, какою страшною тоскою отравлялась тогда вся душа моя — и я тогда же, помнится, говорил ей: „Боже мой, ведь может же случиться, что все эти воспоминания—все это, что и теперь, уже и теперь, так страшно, придется одному из нас [повторять] одинокому — переживши другого — но эта мысль пронизывала душу — и тотчас же исчезала. А теперь? Друг мой, теперь все испробовано.— Ничто не помогло, ничто не утешило — не живется — не живется — не живется... Одна только потребность еще чувствуется. Поскорее торопиться к вам, туда, где еще что-нибудь от нее осталось, дети ее, друзья, весь ее бедный домашний быт, где было столько любви и столько горя, но все это так живо, так полно ею — так что этот бы день, прожитый с нею, тогдашнею моею жизнью, я охотно бы купил, но ценою — ценою чего? Этой пытки, ежеминутной пытки — этого удела — чем стала теперь для меня жизнь... О, друг мой Яков Петрович, тяжело, страшно тяжело, я знаю, часть этого вы на самом себе испытали, часть — но не все — вы были молоды, вы не четырнадцать лет... Еще раз меня тянет в Петербург, хотя и знаю и предчувствую, что и там, но не будет по крайней мере того страшного раздвоения в душе, какое здесь... Здесь [даже?] некуда — и приютить [своего?] горя... Мне бы почти хотелось, чтобы меня вытребовали в Петерб. именем нашего комитета, к чему, кажется, есть и причина — вследствие нездоровья гр. Комар. — что он бедный? Очень, очень отрадно будет мне с вами увидеться, милый мой Яков Петрович. Скажите то же от меня и Майкову. — Обоих вас от души благодарю за вашу дружбу, и много, много

дорожу ею... господь с вами. — Простите, и до близкого свидания. Ф. Тютчев“ [1]).

10 (22) декабря 1864 года, из Ниццы, Тютчев пишет А. И. Георгиевскому: „Друг мой Александр Иванович! Роковая была для меня та минута, в которую я изменил свое намерение ехать с вами в Москву... Этим я себя окончательно погубил. Что сталось со мною? Чем я теперь? Уцелело ли что от того прежнего меня, которого вы когда-то, в каком-то другом мире, — там при ней знали и любили — не знаю. Осталась обо всем этом какая-то жгучая, смутная память, но и та часто изменяет — одно только присуще и неотступно, это — чувство беспредельной, бесконечной, удушающей пустоты. О, как мне самого себя страшно... Но погодите... Я теперь продолжать не в состоянии. Сколько времени я носился и боролся с мыслью, писать ли к вам или нет... Горе, подобное моему, это та же проказа. И нуждаешься в людях, и дичишься людей. Невольно чувствуешь, что нельзя, не должно, не позволительно приближаться к ним, рассчитывать на их сострадание, что есть такие болезни, которые просто отталкивают участие и должны замкнуться и совершить до конца свой процесс внутри человека...“.

Через три дня Тютчев снова пишет А. И. Георгиевскому. На этот раз письмо представляет интерес не только психологический и биографический: в нем есть указания, драгоценные для историка литературы, и в нем есть любопытный материал для суждения об отношении Тютчева к своим собственным стихам, вопрос, поставленный И. С. Аксаковым и до сих пор удовлетворительно не разрешенный.

„Вы знаете, как я всегда гнушался этими мнимо-поэтическими профанациями внутреннего чувства, этою постыдною выставкою напоказ своих язв сердечных..., — пишет Тютчев, — боже мой,

---

[1]) Письмо это находится в архиве Я. П. Полонского и хранится в рукописном отделении Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Я пользовался материалами этого архива, а также материалами архива Аполлона Майкова, при любезном содействии Б. Л. Модзалевского и М. Л. Гофмана, коим приношу мою благодарность. Считаю своим долгом выразить также мою признательность Ю. Н. Верховскому, который сделал мне некоторые полезные указания. — Гр. Комар[овский] — повидимому, сослуживец поэта по Комитету Иностр. Цензуры. Вероятно, это Егор Евграфович Комаровский (1803 — 1875), сын Евграфа Федотовича Комаровского (1769 — 1843), известного екатерининского и александровского царедворца, оставившего записки, опубликованные в сборнике „Осьмнадцатый Век“ и в „Русском Архиве“ 1867 года.

боже мой! Да что общего между стихами, прозой, литературой, целым внешним миром и тем... страшным, невыразимо-невыносимым, что у меня в эту самую минуту в душе происходит, — этою жизнью, которою вот уже пятый месяц я живу и о которой столько же мало имею понятия, как о нашем загробном существовании, и она-то — вспомните же, вспомните о ней — она — жизнь моя, с кем так хорошо было жить, так легко и так отрадно, она же обрекла теперь меня на эти невыразимые адские муки. Но дело не в том. Вы знаете, как при всей своей высоко поэтической натуре или, лучше сказать, благодаря ей, она в грош не ставила стихов, даже и моих, и только те из них ей нравились, где выражалась моя любовь к ней, выражалась гласно и во всеуслышание. Вот чем она дорожила, чтобы целый мир узнал, чем она для меня: в этом заключалось ее высшее—не то, что наслаждение, но—душевное требование, жизненное условие души ее... Я помню, раз как-то в Бадене гуляя она заговорила о желании своем, чтобы я серьезно занялся вторичным изданием моих стихов, и так мило, с такою любовью созналась, что, как отрадно было бы для нее, если бы во главе этого издания стояло ее имя (не имя, которого она не любила, но она), и что же — поверите ли Вы этому? — вместо благодарности, вместо любви и обожания, я, не знаю почему, высказал ей какое-то несогласие, нерасположение: мне как-то показалось, что с ее стороны подобное требование не совсем великодушно, что, зная, до какой степени я весь ее („ты мой собственный“, как она говорила), ей нечего, не зачем было желать и еще других печатных заявлений, которыми могли бы огорчиться или оскорбиться другие личности. За этим последовала одна из тех сцен, слишком Вам известных, которые всё больше и больше подтачивали ее жизнь и довели нас: ее — до Волкова поля, а меня — до чего-то такого, чему и имени нет ни на каком человеческом языке. О! Как она была права в своих самых крайних требованиях, как она верно предчувствовала, что должно было неизбежно случиться при моем тупом непонимании того, что составляло жизненное для нее условие. Сколько раз она говорила мне, что придет для меня время страшного, беспощадного, неумолимо-отчаянного раскаяния, но что будет поздно. Я слушал и не понимал; я, вероятно, полагал, что как ее любовь была беспредельна, так и жизненные силы ее неистощимы, и так пошло, так подло на все ее вопли и стенания отвечал ей этою глупою фра-

зою: „Ты хочешь невозможного“. Теперь Вы меня поймете, почему же эти бедные, ничтожные вирши и мое полное имя под ними я посылаю к Вам, друг мой Александр Иванович, для помещения хотя бы, например, в „Русском Вестнике“.

К этому письму были приложены три стихотворения: „Утихла биза... легче дышит...“; „О этот юг, о эта Ницца...“; „Весь день она лежала в забытьи...“.

3 (15) февраля 1865 года Тютчев написал из Ниццы А. И. Георгиевскому письмо о рескрипте на имя мин. внутр. дел П. А. Валуева от 29 января 1865 года по поводу возбужденного в московском дворянском собрании вопроса о созыве народных представителей. А в конце письма он возвращается к прежней теме: „Что же до стихов, о которых вы упоминаете, то вот вам мое последнее слово... Итак, я желаю, чтобы стихи были напечатаны, как они есть. Вчера я отправил в редакцию новую пьесу, искаженную в „Дне“. Она будет третьею, а четвертою та, которая непосредственно к ней относится. Полного моего имени выставлять не нужно, только букву **Т.** Я не прячусь, но и выставлять себя на показ перед толпой не хочу. Для сочувствующих одного намека довольно“.

Одновременно с этим письмом Тютчев послал письмо в редакцию „Русского Вестника“: „Прилагаемая пьеса „Как хорошо ты, о море ночное...“ напечатана была без моего ведома, в самом безобразном виде, в 4-м № „Дня“. Если редакции угодно, то да благоволит она присоединить ее, если еще не поздно, к трем, мною отправленным в редакцию через А. И. Георгиевского, так чтобы она была третья, а не то эта пьеса может быть напечатана отдельно в другом номере... Я, бог свидетель, нисколько не дорожу своими стихами, теперь менее, нежели когда-нибудь,— но не вижу необходимости брать на свою ответственность стихов, мне не принадлежащих“.

„Как хорошо ты, о море ночное...“ было напечатано в четвертом номере „Дня“ — 22 января 1865 года — в искаженной редакции.

Это стихотворение было перепечатано в исправленной редакции в февральской книжке „Русского Вестника“ за 1865 год (т. LV, № 2) вместе с тремя другими стихотворениями — „Весь день она лежала в забытьи...“, „Утихла буря... легче дышит...“ и „О этот юг, о эта Ницца...“. Стихи были подписаны одною буквою **Т.**

И. С. Аксаков был тогда в затруднительном положении: он был связан некоторыми обязывающими отношениями с официальной семьей Тютчевых. Анна Федоровна Тютчева была его невестой. Начало примечательной переписки между И. С. Аксаковым и Анною Федоровною было напечатано в четвертом томе издания С.-Петербургской Публичной Библиотеки „И. С. Аксаков в его письмах“ (от 14 июня до 26 июля 1865 года). Конец переписки (от 6 августа 1865 года до 5 января 1866 года) еще не опубликован. Вот в одном из этих неизданных писем, от 2 октября 1865 года, И. С. Аксаков пишет, между прочим, по поводу появившегося в августовской книжке „Русского Вестника“ (т. LVIII, № 8) стихотворения Тютчева „Певучесть есть в морских волнах“: „В „Русском Вестнике“, в последней книжке, напечатаны стихи Феодора Ивановича. Прекрасные стихи, полные мысли; не нравится мне в них одно слово, иностранное: протест. Но не правда ли, это странно и забавно, что мы с Катковым точно в перегонку играем? или лучше сказать — выходит, что я точно забегаю вперед и вырываю у твоего отца стихи, а Катков не двигается с места, твердо уверенный, что его от него не уйдет. Тут Дарья почти силой вытаскивает от отца стихи для меня, а там они сами, без принуждения, да попадают в редакцию. Те же, которые не знают особенных отношений Ф. И. к редакции „Русского Вестника“, но знают, по истории „Дня“ и по слухам о моем знакомстве с тобой, о твоем славянофильстве, очень удивляются, встречая стихи Ф. И. в „Русском Вестнике“, и спрашивают: каким образом эти стихи там, а не у вас? Это спрашивают, кроме маменьки и сестер, и Бартенев и вся моя Пятница. Теперь, в виду близкого конца „Дня“, не стоит и поднимать об этом речи, но признаюсь — я не люблю делиться с другими редакциями моими сотрудниками, потому что предполагается, что мой сотрудник признает мое знамя. Конечно, Ф. И. стоит вне партий и определенных направлений, как поэт, „следующий теории свободного искусства“,—но всё же пусть сестра Дарья не выпрашивает у него стихов для „Дня“. Если он сам пришлет — другое дело, я их помещу, но добиваться не надо. Тем более, что лучшие стихи достаются на долю не мне“.

Теперь для нас ясны те „особенные отношения Ф. И. к редакции „Русского Вестника“, о которых говорит И. С. Аксаков. Александр Иванович Георгиевский, женатый на Марии Александровне Денисьевой и связанный дружбою с Тютчевым, был

деятельным и ближайшим сотрудником Каткова по редакции „Русского Вестника".

12 января 1866 года состоялось бракосочетание Анны Федоровны Тютчевой с И. С. Аксаковым в Москве. Таким образом, установилась более прочная связь Аксакова с Тютчевым. Их переписка, также до сих пор не опубликованная, представляет немалый интерес, но она совершенно чужда нашей сегодняшней теме. Впрочем, некоторые отзвуки отношений Тютчева к Е. А. Денисьевой мы находим в биографии Анны Федоровны Аксаковой. Ей пришлось одно время принимать участие в воспитании Федора Федоровича, сына Тютчева и Е. А. Денисьевой. (О судьбе Ф. Ф. Тютчева см. воспоминания Е. А. Лебедевой. „Богословский Вестник" 1916, № 10—12, стр. 297).

Каково было отношение Анны Федоровны к отцу, к его связи с Е. А. Денисьевой, мы узнали из одного документа, до сих пор вовсе не известного. Это — драгоценный отрывок из любопытнейших записок, которые вела весьма прилежно Анна Федоровна. Цитируемый нами отрывок относится к августу месяцу 1864 года. В это время Анна Федоровна была за-границей. Вот что она впоследствии записала: „J'ai communié à Schwalbach. Le matin de ma communion je me suis réveillée à six heures du matin et je me suis levée pour prier. J'ai dû prier avec une intensité particulière pour mon père et Hélène D. A la messe leur pensée aussi m'est revenue très vivement. Quelques semaines après j'ai su que précisement à cette heure et ce jour Hélène D. était morte. J'ai revu mon père en Allemagne. Il était dans un état voisin de la folie. Par quels jours de torture morale j'ai passé! Plus tard je l'ai retrouvé à Nice dans un état moins excité, mais toujours plongé dans cette même douleur de regrets poignants, dans cette désolation de la perte des joies terrestres sans le moindre rayon d'aspiration vers les choses du ciel, attaché de toutes les forces de l'âme à la passion humaine dont l'objet a disparu. Et cette douleur s'exaspérant dans le désespoir, inaccessible aux consolations religieuses, amenait cette âme naturellement douce et équitable à l'irritation, à l'aigreur, à l'injustice envers sa femme et nous tous. Je voyais ma plus jeune soeur qui demeure avec lui souffrir horriblement. Tant de souvenirs et d'impressions pénibles du passé se sont réveillés en moi. Je me suis sentir plongée dans une souffrance sans issue. Je ne pouvais plus croire que Dieu viendrait en aide à cette âme dont la vie a été dépensée en passion humaine et illégitime".

(„Я причащалась в Швальбахе. В день причастия я проснулась в шесть часов и встала, чтобы помолиться. Я чувствовала потребность молиться с особенным усердием за моего отца и за Елену Д. Во время обедни также мысль о них с большою живостью снова явилась у меня. Несколько недель спустя я узнала, что как раз в этот день и в этот час Елена Д. умерла. Я увиделась снова с отцом в Германии. Он был в состоянии, близком к помешательству. Какие дни нравственной пытки я пережила! Потом я встретилась с ним снова в Ницце, когда он был менее возбужден, но всё еще повергнут в ту же мучительную скорбь, в то же отчаяние от утраты земных радостей, без малейшего проблеска стремления к чему бы то ни было небесному. Он всеми силами души был прикован к той земной страсти, предмета которой не стало. И это горе, все увеличиваясь, переходило в отчаяние, которое было недоступно утешениям религии и доводило его, по природе нежного и справедливого, до раздражения, колкостей и несправедливости в отношении к его жене и ко всем нам. Я видела, что моя младшая сестра, которая теперь при нем, ужасно страдала. Сколько воспоминаний и тяжелых впечатлений прошлого воскресло во мне. Я чувствовала себя охваченною безысходным страданием. Я не могла больше верить, что бог придет на помощь его душе, жизнь которой была растрачена в земной и незаконной страсти“).

III

Тютчев много любил в своей жизни,— но как он любил? Первая любовь Тютчева, если его увлечение графиней Лерхенфельд можно считать первою любовью, была, кажется, самым чистым и нежным чувством поэта. Это было „золотое время“ любви Тютчева. В старости он, как известно, вернулся к любовным воспоминаниям и даже сделал в стихах новое признание шестидесятилетней красавице, но вся эта нежная лирика не сочетается у Тютчева с таинственным и высоким опытом неземной любви. Беатриче Данте была юная флорентийская дама, однако мы не сомневаемся, что в обличье этой особы поэт увидел то вечно-женственное начало, которое позволило ему написать Божественную Комедию. Графиня Лерхенфельд так и остается в глазах поэта мюнхенской красавицей, и он не видел в ней ничего иного.

Все прочие любовные увлечения Тютчева не оставляют сомнения в том, что поэт искал в них совсем не тех откровений, какие чаровали душу Данте. Эти увлечения значительны и глубоки, но совсем по-иному.

Страсть, темная и слепая, вот что влечет к себе Тютчева неудержимо. Это все тот же хаос, „темный корень“ бытия. Здесь нет места для целомудренной любви. Пусть будет обман, притворство, измена — только забыть себя в страсти, ослепнуть в сумраке хотя бы и преступной любви; даже сомнительная и порочная любовь, любовь, купленная ценою обмана, влечет к себе поэта:

Ты любишь, ты притворствовать умѣешь:
Когда въ толпѣ, украдкой отъ людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мнѣ отвѣтъ даешь и не краснѣешь.

Муж для него лишь „ненавистный страж“, а любовница прекрасна, потому что „тайным радостям узнала цену“. Не стыдливые розы „с их чистою душою ароматной“ пленяют поэта —

... Въ палящій лѣтній зной
Лестнѣй для чувствъ, приманчивѣй для взгляда
Смотрѣть въ тѣни, какъ в кисти винограда
Сверкаетъ кровь сквозь зелени густой.

И как ему, поэту, не быть сладострастным в любви к женщине, когда и природа его пленяет, как волшебная и страшная очаровательница, вовсе не добрая. Он любит странною любовью „во всем разлитое таинственное зло“. Кто она, эта природа? Усладительница „последней нашей муки“. Природа загадочна. Кто-то знает, быть может, тайну времени — прошлое, настоящее, будущее...

Но твой, природа, міръ о днях былых молчитъ,
Съ улыбкою двусмысленной и тайной.

Данте верил, что любовь победила смерть. Мертвая Беатриче для него жива. Он только теперь до конца постигает ее райское очарование. Не то Тютчев. Он в слепом ужасе от разлуки, которая ему кажется безысходной. Он кричит в отчаянии: „Пу-

стота, страшная пустота! И даже в смерти не предвижу облегчения. Ах, *она мне на земле нужна, а не там где-то*...".

Тютчев не преодолел своего ужаса перед смертью:

Усопшихъ образъ тѣмъ страшнѣй,
Чѣмъ въ жизни былъ милѣй для насъ...

Он, поэт, и сам знает, что его любовь опасна, что она влечет за собою или смерть или злую жизнь.

Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва!
Его своимъ ты не зови,
И пуще пламеннаго гнѣва
Страшись поэтовой любви...

И это не слово, не поэтическая реторика, а самая несомненная и подлинная правда: „Он не змеею сердце жалит, а, как пчела, его сосет...".

Поэта соблазняет всё то, что изнемогает и падает —

Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Всё увядающее, немощное, хилое — болезненно притягивает к себе сладострастное сердце. И мило то, что, быть может, „в последний улыбнется раз". Любовь Тютчева убийственна и самоубийственна:

И кто въ избыткѣ ощущенiй,
Когда кипитъ и стынетъ кровь,
Не вѣдалъ вашихъ искушенiй, —
Самоубiйство и любовь.

Самоубийство и любовь — вот соблазн Тютчева, вечный соблазн небытия и забвения. Любовь, это — „поединок роковой", борьба неровная двух сердец. В любви нет ничего вечного. „Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье...". И тот, кто любит, как поэт, лишь „жалкий чародей перед волшебным миром", им созданным самим. Он любит „без веры", „с досадою ревнивой". Он „бесчеловечно губит" свою возлюбленную, — такая любовь

оставляет после себя „злую боль ожесточенья“, „без отрады и без слез“:

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей,
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй.

В глазах той, которую любит поэт, он видит „волшебную страстную ночь“. Такой взор поэту нужен —

Какъ наслажденье, утомленный
И, какъ страданье, роковой.

Тютчеву не нужна бессмертная любовь. „На мне, я чую, тяготеет вчерашний зной, вчерашний прах“, — вот его признание. Тютчев знает, что есть очарование „молнии небесной...“.

Но есть сильнѣй очарованье:
Глаза потупленные ницъ,
Въ минуты страстнаго лобзанья,
И сквозь опущенныхъ рѣсницъ
Угрюмый, тусклый огнь желанья...

Это ли не сладострастье! „Уста с улыбкою приветной“ для Тютчева не символ вещий вечной любви, а лишь залог наслаждения —

Все къ наслажденію манитъ.

И это сладострастие поэта — по собственному признанию Тютчева — было земным сладострастием.

Нѣтъ моего къ тебѣ пристрастья
Я скрыть не въ силахъ, мать-земля,
Духовъ безплотныхъ сладострастья,
Твой вѣрный сынъ, не жажду я.

На склоне лет поэт любит „суеверней“. В любви попрежнему нет веры, но зато сама любовь „суеверна“ — в ней и блаженство, и безнадежность. Не вечного и не бессмертного искал поэт в любви, и когда умерла та, которую он любил, ему пришлось сказать о себе ту же правду о последнем одиночестве:

И я одинъ съ моей тупой тоскою
Хочу сознать себя и не могу...

Георгий Чулков.

Октябрь 1922.

Ф. И. ТЮТЧЕВ.

(Странички из литературных воспоминаний).

Еще в первый год моего пребывания в Петербурге, когда чуть ли не каждый день приносил мне всё новые и новые знакомства среди писателей, наталкивая меня на самые интересные встречи, известный критик, философ Николай Николаевич Страхов познакомил меня с Аполлоном Григорьевым, „соперником Добролюбова“, как любовно аттестовал его Страхов, подводя меня к нему в редакции журнала „Время“ братьев Достоевских. Это было в 1861 году, и в ту пору я усердно читал критические статьи „почвенника“ „Времени“, о чем тотчас при знакомстве с Григорьевым и сказал ему. Со своей обычной доброй улыбкой он крепко пожал мне руку, со словами „поговорку узнаю южанина“, и стал беседовать со мною о литературе. Он, мимоходом, делал замечательно меткие характеристики писателей, в особенности поэтов.

— Смерть люблю поэзию,— говорил он с воодушевлением.— Как только доберусь до книжки журнала, сейчас набрасываюсь там на стихи. А вы? — „Мы одним миром с вами мазаны!“ — откровенно ответил я ему. Он сильно располагал к откровенности и вообще производил обаятельное впечатление.

— А кого любите из поэтов больше всего?—допрашивал меня Григорьев, и когда я, назвав несколько имен, упомянул Тютчева, Аполлон Александрович как-то просиял весь, потрепал меня по плечу и воскликнул: — Это мой божок! При первой

возможности подарю вам знакомство с ним... Увидите, что это за умница... Оригинал, острый язык, даровит во всех смыслах... Политик, литературу иностранную изучил до тонкости... Однако светский лентяй, скромник, поэтического дарования своего не ценит, словно пишет стихи мимоходом, между прочим... Создает замечательный перл, а говорит небрежно: „J'ai fait quelques petites rimes“.

Цитирую это по выписке из моего дневника, который я вел до 1878 года и позднее, до и после моей высылки из Петербурга „за потрясения основ“.

„На ловца и зверь бежит!“ — знакомство мое с Тютчевым, сверх ожидания, состоялось довольно скоро, и я во-очию убедился в справедливости отзыва о нем Григорьева. Здесь я сделаю маленькое отступление. Мне хочется поговорить о Григорьеве, этом удивительном человеке, которому я обязан целым рядом литературных знакомств, очень видных, кстати сказать, и с Лесковым, которому я посвящу много страниц в моих воспоминаниях, думаю, небезынтересных.

Григорьев сильно полюбился мне со дня первой встречи с ним. В свою очередь и он почувствовал ко мне большое расположение. Оно не прекращалось, не умалялось ни тогда, когда у Григорьева был период его скорбного недуга — тяготения к спиртным напиткам, ни тогда, когда у него разливалась желчь у трезвого, разбитого пошлостью житейских сумерек, затравленного его слепыми недоброжелателями, отягченного долгами и другими материальными, злыми обстоятельствами. Нельзя было не любить эту благородную, чуткую, готовую на самопожертвования, мягкую, почти женственную, ярко-даровитую натуру. Казалось, в период запоя дарование его гибло совсем, но период проходил, и оно воскресало и выявлялось с прежней силой. Под аккомпанемент гитары, с ним почти неразлучной, он образно декламировал свои поэтические экспромты, положенные на его же музыку, тут же созданную, своеобразную. Припоминается один из таких экспромтов „странствующего романтика“, как называл себя Григорьев.

Рассветом голубым ты теплилась мне в горе,
В минуты черные печали роковой,
Улыбкою даришь средь зол в житейском море
И поддаешь огня мне в страсти огневой.

Бодришь меня, когда беспошлинно-безданно
Томят враги, и я дрожу под их крестом
Вся непосредствённа, как отклик первозданный,
Манишь меня к себе и взором, и перстом.
Мне не была во век ты грустною обузой,
Когда мельчает дух, как бездн морских пески,
О, милая моя и верная мне Муза,
Ты, вот пришла ко мне, когда я полн тоски!...

При мне появились на свет и две популярные импровизации „странствующего романтика“: „Больная птичка запертая“ и „Твои движенья гибкие, твои кошачьи ласки“. Приведенное стихотворение „Рассветом голубым“ не вошло ни в один из сборников стихотворений Григорьева и появляется здесь впервые. Редко когда записывал он свои экспромты и вообще относился к ним с таким же небрежением, как Тютчев. Если и записывал, то, большей частью, терял. Я хорошо помню, что однажды, когда я „спасал“ Григорьева, увозя его из „Вяземской Лавры“ с Сенной, мне удалось вынуть из его тряпкообразного пиджака листки с начатой его поэмой „Искушение последнего романтика“. Случайно запомнились мне четыре первых строки:

Надорванный и непостижный век,
Безгранным хàосом рожденный,
Тобой несчастный создан человек
В своем величьи убежденный...

Я вернул эти листки протрезвившемуся автору, но вскоре он сел в „долговое отделение“, и они попали в горевшую печь „по нечаянности“, как передавал мне сам Григорьев.

Расхищал он этого рода свое добро так же, как деньги. Они словно мозолили ему руки, и он раздавал их, направо и налево, и друзьям, часто мнимым, и встречному и поперечному, забывая о раздачах. Забывчивость его относилась и к вещам критика-поэта, и к пище. Только сильный голод пробуждал Григорьева. Он не ел, а как-то глотал куски, изготовленные его квартирной хозяйкой или в скверном кабачке, большей частью, на Большой Зелениной улице. Немудреная жизнь Григорьева слагалась черезчур просто, полная неожиданных сюрпризов, безграничных разочарований, горестей, мелких и крупных, и горечи.

*

Пора, однако, вернуться к Тютчеву. При свидании с поэтом я обратился к нему с целым рядом вопросов, касающихся его стихотворений. Я спросил его, почему, не долюбливая Наполеона, он в одном из них все-таки говорит: „И ум людей *великой тенью* полн“ и вообще как будто со скорбью упоминает о кончине его. Тютчев взглянул на меня со снисходительной улыбкой, скривившей его губы, и протяжно ответил мне:

— Неужели вы не поняли, что тут говорит во мне самый упорный, неизменный *монархист*, — он сделал ударение на последнем слове, — и что для меня всякий монарх несравненно лучше десяти диктаторов и республиканских президентов!

В политических взглядах поэта выражалась его большая нетерпимость, ничем и никем не поколебимая. Другой вопрос мой касался уже не политики, а лирики.

— У вас, в прекрасном, известном стихотворении сказано: „поют деревья“. Как надо понимать это?

С прежней и еще бóльшей усмешкой он дал такой ответ:

— Вы сами давно стихи пишите, а не хотите знать, что тут дело идет о весне, когда *поёт* вся природа гимны ей... Этот мелодичный говор, лепет древесной листвы разве не напоминает вам какого-нибудь напева? Да, наконец, на деревьях есть пернатые певцы. Ими и поют дерева, как гудящими громкими волнами поет море!...

Мои, очень может быть, наивные вопросы видимо не понравились Тютчеву. Он был тогда на высоте своей славы, и тут он, пожалуй, не мог не смотреть на меня сверху, являя и в данном случае свою нетерпимость. Он вел довольно рассеянную, обычную светскую жизнь, часто забывая о домашнем очаге; засиживался в ресторанах, устраивал катанья, деятельно посещал театры, преимущественно французский и немецкий, мало тяготел к русскому. Как-то встретил я поэта в партере французской сцены и как бы упрекнул его, что он не был в Александринке, в спектакле, когда шли „Шутники“ Островского. Он сухо ответил мне:

— Я признаю его „Кузьму Минина“ и еще кое-какие вещи, только не из купеческого быта, расхваленные тесным муравейником драматурга. Купцы, это—что-то ограниченное, пошловатое... Нет, уж увольте от них. В дневнике моем значится: „Тютчев, после краткого разговора моего с ним, круто повернул и направился к какой-то ложе“. Зато вскоре, при следующем

свидании мне совсем посчастливилось. Тютчев в то время был страшно удручен потерями дочери и особы, горячо им любимой. Я выразил ему мое соболезнование. Он почти со слезами благодарил меня и сказал: „Нет пределов моему страданью, и нет выше моей любви к той, которая дала мне столько счастья! Испытали ли вы такое состояние, когда всё существо проникается, каждая вена, этим всеобъемлющим чувством? „И если загробная жизнь нам дана",—как говорит Боратынский,—я утешаю себя только загробным свиданием!... Но ведь это утешение все-таки не примиряет с действительностью...". Радость бытия, какую испытывал Тютчев с его философским взглядом на жизнь, теперь не озаряла его лицо, сильно исхудавшее, со впалыми щеками, желтое, как воск. Крепко пожав мне руку на прощанье, он с грустью подал мне листок со стихами (может быть экспромт) и сказал: „Вот вам на память... стон души!".

Заношу стихи здесь, так как они не вошли ни в одно из собраний стихотворений Тютчева.

Я не цѣню красотъ природы,
Когда душа потрясена,
Когда свинцовая невзгода
Тмитъ бѣдный духъ кошмаромъ сна.
Природы лучшія красоты
Мѣняютъ часто годы, дни.
Изъ насъ пойметъ, пожалуй, сотый,
Что мы ей только и сродни.
Нетъ, преждевременная вялость
Ея не будитъ скорби къ ней.
И намъ въ себѣ души усталость
Нести тяжелѣ и больнѣй.
Природы воздухъ ядовитый
Насъ отравляетъ не всегда:
Мы себялюбіемъ повиты —
И эта губитъ насъ бѣда.

Беседуя со мною во французском Михайловском театре о драмах и комедиях Островского из купеческого быта, Тютчев возмущался пошлостью этих пьес, как я уже говорил. Такое возмущение поэта, при его крайней нетерпимости, отзывалось чрезмерной мнительностью. Но, вообще, трудно выразить словами, насколько Тютчев раздражался всякой людской пошлостью:

это можно было только чувствовать, говоря с ним на эту тему. Невольно вспоминается мне такой случай. В 60-х годах на Загородном проспекте в Петербурге существовал кабачок, называвшийся „Капернаумом“ в писательской среде. Сюда стекалась едва ли не вся столичная литературная братия. В „Капернаум“ однажды затащил Тютчева всюду поспевавший, всюду летавший Григорович. И как на зло поэт натолкнулся тогда на некрасивую сценку. Слегка подвыпивший молодой, но солидный писатель сел верхом на юмориста Лейкина, уже полупьяного, изображая генерала, командовавшего войсками, и орал что-то зажигательное. Тютчев плюнул и без шапки выскочил из кабачка. Хохотавший Григорович, схватив шапку поэта, стремглав выскочил из кабачка. На подвыпившую компанию это подействовало освежающе, и кабачок стал пустеть. „Какая гадость! Что за фантазия у Григоровича таскать такого кристально-чистого человека, как Тютчев, в Капернаум!“—сказал мне, когда мы выходили из кабачка, Артур Романович Бенни, „загадочный человек“, как назвал его Лесков, который вывел этого действительно загадочного человека в своем романе „Некуда“ под прозрачным псевдонимом Райнера, одного из членов „Знаменской Коммуны“. Григорович передавал мне за верное, что после посещения „Капернаума“ у Тютчева была нервная лихорадка. Насколько поэт ненавидел пошлость, доказывает еще один, происшедший на моих глазах, случай. В немецком театре шла какая-то несуразная, банальная мелодрама. Тютчев ежился всё время на своем стуле, и, всегда сдержанный, привыкший владеть собою, в конце концов, не выдержал и довольно громко воскликнул: „Что же это такое? Какая наглая пошлость!“ — и, сильно обиженный, уехал домой. „Какой-то стихотвор, довольно их у нас!“ принес Тютчеву маленький сборник своих стихотворений, спрашивая „откровенного“ совета — продолжать ли ему стремиться на Парнас. Тютчев перелистал книжку и на шмуц-титуле начертал: „Бросьте в огонь эту колоссальную пошлость и уймитесь!“. Злополучный стихотвор, улыбаясь, сказал мне, что у него есть автограф знаменитого поэта, который он сохранит до смерти, и показал мне книжку своих стихов, подробно передав мне о своем визите к Тютчеву.

Поэт почти никогда не упускал случая сострить, где нужно, пустить в ход злейшую иронию или просто пошутить. Ничего не зная о доблестях Мещерского, о его вкусах, он поместил

в „Гражданине“ два-три стихотворения. Узнав о гадостях титулованного редактора, он ушел из „Гражданина“ и лицу, передавшему ему горькую правду о Мещерском, сказал: „Несчастный дедушка Карамзин, он три раза перевернулся бы в гробу, услыхав о доблестях своего внука“. В другой раз, когда толковали о романе Мещерского „Хочу быть русской“, Тютчев изрек: „Пусть она хочет, но Мещерскому все-таки не мешает отрезать конец“. Как-то сидя у себя, поэт закутался в плэд. Кто-то из гостей заметил: „Что это, Федор Иванович, вы так кутаетесь?— „Нельзя иначе!—получился ответ:—современная Россия—страна холодная, не зябнут только дипломаты, нагревающие руки... за ее счет!“. Посетив кого-то из знакомых, Тютчев обратил внимание на картину Калама (Alexandre Calam), похвалил ее и, любя живопись, в поучение присутствующих, не утерпел, чтобы не распространиться о том, что у Калама есть единство чувства, много поэтической концепции и краски гармоничны. „Мы согласны все, но ждем от вас иного: где ваш каламбур?“ — Да ведь вы сами его сейчас сказали,—ответил Тютчев лицу, сказавшему ему об этом,—вы говорите ваш *Калам бур*... Может быть, он и *бур*, вот тут и весь *каламбур*!

По смерти Тютчева я присутствовал на вечере у Я. П. Полонского, прекрасно охарактеризовавшего скончавшегося (в 1873 г.) поэта:

Песнь его глубокой скорбью
Западала в грудь,
И, как звездный луч, тянула
В бесконечный путь!

Да, Тютчев умел страдать, он не любил полумер ни в искании идеала, ни в искании красоты, ни в увлечении, ни в отвращении к злу. Много пришлось мне видеть писателей — цельных натур, но такой особенно цельной природы, какая была у Тютчева, я не встречал. „Словно рукой гениальной обточена“ была личность этого удивительного человека.

Петр Быков.

МОЛОДОЙ ТЮТЧЕВ.

(Неизданные стихи).

Стихи Тютчева двадцатых годов в большинстве не дошли до нас. Как известно, тетрадь свою с ранними стихами он по нечаянной ошибке сжег, и до нас дошло лишь то немногое, что напечатал поэт в альманахах и журналах, или что — из немногого уцелевшего — включил впоследствии в собрание своих стихотворений.

Поэтический генезис Тютчева не вполне ясен. Поэтому-то так дороги ранние стихи поэта для его литературной биографии.

Случайно — отрывки из рукописного сборника 20-ых годов сохранили для нас пять стихотворений Тютчева.

Альбом этот, по бумаге (верже с водяным знаком „Хлюстиных") и по характеру рукописи, составлялся в 20-ых годах. Дошедшие до нас листки содержат по большей части стихи Пушкина, при чем преобладает не печатная, а рукописная традиция. Анализ пушкинских стихов, помещенных в альбоме, показывает, что главным образом альбом наполнялся в 1824 г., в некоторой части раньше, на некоторых страницах — позже (самое позднее стихотворение — „Письмо Татьяны", опубликованное в марте 1827 года). Поздние стихотворения написаны другим почерком (вообще — судя по почеркам — переписывался альбом несколькими лицами) на оставшихся свободными не нумерованных страницах альбома.

Кроме пушкинских стихов, имеются стихи его лицейских товарищей Дельвига, Илличевского, кроме того С. Раича, Вяземского и др. Последние имена переносят нас в обстановку литературной Москвы 20-ых годов. Как известно, Раич был воспитателем Тютчева и основателем литературного кружка, в котором

Тютчев начал свою поэтическую жизнь. В альманахах Раича впервые увидели свет ранние произведения Тютчева.

Появление стихов с подписью Тютчева в таком рукописном сборнике исключает всякую возможность мистификации и подделки. Имя Тютчева в 20-ых годах было известно лишь небольшому дружескому кружку, и никто бы не стал приписывать ему чужих произведений.

Но решающим в пользу подлинности аргументом является то, что в сборнике помещено стихотворение, впоследствии опубликованное в стихотворениях Тютчева. Стихотворение это, под заглавием „Послание к А. В. Шереметеву", помещено в изд. 1868 г. и по указанию Аксакова написано в 1826 г. Список альбома исправляет предположительную дату Аксакова и дает несколько интересных вариантов. Так как варианты эти не могут быть объяснены переделками переписчика, привожу чтение рукописной копии целиком (исправляя одну описку, пропуск слова „намъ" в 14-ом стихе):

А. В. ШЕРЕМЕТЕВУ.

Насилу добрый Генiй твой,
Мой братъ по крови и по лѣни!
Увелъ тебя, подъ кровъ родной
Отъ всѣхъ маневровъ и ученiй,
Казармъ, тревогъ и заточенiй,
Отъ жизни мирно-боевой.
Въ кругу своихъ, въ халатѣ, дома
И съ службой согласивъ покой
Ты праздный мечь повесилъ свой —
Въ саду Героя-*Агронома!*
Но что жь! ты могъ ли, на просторѣ,
Мечтѣ любимой измѣнить?
Ты знаешь, другъ, что праздность горе,
Коль не съ кѣмъ ⟨намъ⟩ ея дѣлить.
Хоть лѣнь съ Амуромъ часто въ спорѣ,
Но ихъ не трудно примирить.
Примижь мой дружескiй совѣтъ.
(Оракулъ говорилъ стихами
И убѣждалъ, бывало, свѣтъ.)
Между Московскими красами,

Найти легко, — сомнѣнья нѣтъ, —
Красавицу въ семнадцать лѣтъ,
Съ умомъ, съ душою и съ душами.
Оставь, на время, плугъ Толстова
Забудь химеры и чины;
Женись — и въ полномъ смыслѣ слова,
Будь адьютантъ своей жены.
Тогда предамся Вдохновенью,
Разбудитъ Музу Гиминей —
Моей пожертвую я лѣнью,
Лишь ты — свою преодолѣй!

Ф. Тютчевъ.

Минхинъ
Генваря 1823.

Редакция эта сильно отличается от печатной. Оставляя в стороне различие орфографии и пунктуации, отмечу следующие разночтения: в 13-ом стихе в печатной редакции читаем — „Ты знаешь *братъ*, что праздность — горе"...

Отсутствуют в печати стихи (15-ый и 16-ый):

Хоть лѣнь съ Амуромъ часто въ спорѣ,
Но ихъ не трудно примирить.

Стихи эти написаны на те же рифмы, что и предыдущее четверостишие. Прием многократной рифмы применен в этом стихотворении дважды — в начальном шестистишии и в семистишии, следующем за этими двумя стихами. Таким образом, добавление этих двух стихов вполне согласуется со строфическими принципами построения стихотворения (смешанная рифмовка с частыми многократными рифмами).

В двадцать втором стихе в печати читаем:

Красавицу въ *пятнадцать* лѣтъ...

В следующем стихе предлог „съ" не повторен в печати:

Съ умомъ, душою и душами...

В предпоследнем стихе вместо слова „моей" в печати стоит „своей":

Своей пожертвую я лѣнью...

Любопытна следующая особенность копии: стихи, начиная с 7-го, написаны несколько правее, чем первые шесть. Очевидно,

в оригинале стихотворение было разбито на строфы, но настолько неотчетливо, что переписчик заметил это только в одном месте. Строфичность стихотворения подверждается тем, что в нем имеется три раза нарушение правил чередования мужских и женских рифм (стихи 10 — 11 — оба женские, между собой не рифмующие; стихи 16—17—два мужских; стихи 23—24 два женских). Таким образом стихотворение делится на строфы в 6, 4, 6 и 7 стихов, за которым идут 8 стихов (два четверостишия), относительно которых невозможно решить, делил ли их автор на строфы или принимал за единую строфу.

Отмечу еще одну особенность графики переписчика: имя „Толстова“ переписано с латинским „T“, что не свойственно индивидуальным графическим навыкам переписчика и очевидно происходит от особенностей той рукописи, с которой списывалось это стихотворение.

В виду несомненного происхождения данной копии от подлинных стихов Тютчева, нет оснований сомневаться в принадлежности ему и других стихов, переписанных в том же альбоме.

На другой странице альбома мы находим три эпиграммы за подписью Ф. Т. и здесь же рядом стихотворение „Противникам вина“ за полной подписью Ф. Тютчев.

Привожу эпиграммы:

Австрійскій царь привыкъ забавить
Собой и други и враги.
Неаполь носъ ему приставитъ
А рускій царь роги.

* * *

Ну какъ тому судить поэтовъ даръ
О ихъ ошибкахъ превосходствѣ
Кому Лицѣемъ былъ Анбаръ
И кто смышленъ лишь въ скотоводствѣ.

* * *

Не дай намъ духу празднословья
И такъ отъ нынѣшняго дня
Ты въ силу нашего условья
Молитвъ не требуй отъ меня.

Ѳ. Т.

Осторожность требует следующей оговорки. Не совсем ясно, относится ли подпись к одной только последней эпиграмме или ко всем трем. Третья эпиграмма (и подпись) переписана не той рукой, что первые две. Но, с другой стороны, между второй и третьей такой же разделительный знак, что и между первой и второй, и, следовательно, все три эпиграммы производят впечатление переписанных одновременно. Следующее за ними стихотворение Тютчева написано той же рукой, что и первые две эпиграммы. Сомнение поддерживается еще и тем, что и по стилю третья эпиграмма выгодно отличается от первых двух.

Внутренний анализ эпиграмм не дает возможности приписать их Тютчеву с полной уверенностью.

Первая эпиграмма имеет в виду императора Австрии Франца, личность которого давала пищу эпиграммам двадцатых годов. Так, Рылеев писал:

Весь мир великостию духа
Сей император удивил:
Он неприятель мухам был,
А неприятелям был муха.

Упоминание Неаполя дает возможность точно датировать эпиграмму. Очевидно, она написана в то время, когда исход неаполитанских событий еще не был известен, когда велись дипломатические переговоры о конституции, еще не был издан реакционный циркуляр 8 декабря 1820 г., и австрийские войска еще не подавили возмущения. Иначе говоря, эпиграмма относится ко времени Троппауского конгресса осенью 1820 года, когда могла быть еще надежда на благополучный для Неаполя исход переговоров (октябрь — декабрь. Подавление революции произошло 7 марта 1821 г.).

Последняя строка эпиграммы очень характерна для тех сплетен, которые распространялись в венских дипломатических кругах. Как известно — и как это отмечают мемуары лиц, вращавшихся в дипломатических кругах — Александр I был склонен к победам над женскими сердцами, и склонность эту не забывал и во время дипломатических разъездов за границей—на Венском конгрессе и позже. Австрийская же императрица пользовалась успехом как женщина. Естественно, что в сплетнях их имена сочетались. Особенная же склонность венских дипломатических кругов к сплетне доказывается, напр., тем фактом, что известный

„диплом ордена рогоносцев“, посланный Пушкину, скопирован с аналогичных документов, пользовавшихся большим применением в Вене в эпоху конгресса.

Эти чисто внешние обстоятельства делают весьма вероятным, что Тютчев мог насыщаться дипломатическими пересудами и написать эпиграмму, в которой смешивались и сопоставлялись международные события с дворцовыми интимными сплетнями.

Повидимому, столь же раннего происхождения и вторая эпиграмма. Вероятнее всего ее отнести к профессору Московского университета М. Г. Павлову, который начал читать в 1821 г. в Москве курс минералогии и сельского домоводства. Павлов был одним из первых шеллингианцев и в своих лекциях часто затрагивал вопросы философии литературы. Плетнев в своей переписке с Гротом, вспоминая о Павлове, отрицательно отзывается о его дилетантизме (т. II, с. 455)[1]. Павлов был духовного происхождения, что до некоторой степени объясняет третью строку эпиграммы. В 1821 г. Тютчев был студентом Московского университета, и для него совершенно естественна эпиграмма на своего профессора.

Тема третьей эпиграммы не требует объяснений. Вместе с тем она, быть может, интереснее других для Тютчева двадцатых годов, времени бесед его с Погодиным „О религии, о божественности Иисуса Христа, об авторах, писавших об этом“ (Барсуков „Жизнь и труды Погодина“, т. I, стр. 70).

В эпиграммах можно найти элементы Тютчевского стиля, с характерными налетами архаистичности.

Употребленную в первой эпиграмме рифму „забавить — наставит“ можно сопоставить с Тютчевскими рифмами „грудь — бегут“, „тужить — забыт“ („Перемена“ из Гёте). Форма аналогичная „роги“ встречается в раннем стихотворении Тютчева „Урания“:

Кони и всадники, вожди и колесницы...

Характерна для Тютчевского стиля молитвенная цитата, начинающая третью эпиграмму. Цитатами изобилуют стихи Тютчева („Наполеон III“, „Уж третий год беснуются языки“, „Два

[1] „Павлов, издатель „Атенея“ был профессор сельского хозяйства — и, подобно товарищу своему полигистору Давыдову, за всё хватался“ („Атеней“ Павлов издавал позднее — с 1828 г.).

единства“, „Нас всех, собравшихся на общий праздник слова“, „Славянам“ и др.).

Особый эффект создается противоставлением цитаты из Ефрема Сирина—стиху сугубо прозаическому „Ты в силу нашего условья“, носящему характер юридической формулы.

Последнее стихотворение того же альбома — следующее:

ПРОТИВНИКАМЪ ВИНА.

[Яко и вино веселитъ сердце человѣка].

1

О судъ людей неправый,
Что пьянствовать грѣшно.
Велитъ разсудокъ здравый
Любить и пить Вино.

2

Проклятіе и горе
На спорщиковъ главу.
Я помощь въ важномъ спорѣ
Святую призову.

3

Нашъ прадѣдъ, обольщенный
Женою и зміемъ,
Плодъ скушалъ запрещенный
И прогнанъ подѣломъ.

4

Ну какъ не согласиться,
Что дѣдъ былъ виноватъ:
Чѣмъ яблокомъ прельститься,
Имѣя виноградъ.

5

Но честь и слава Ною, —
Онъ велъ себя умно,
Разсорился съ водою
И взялся за вино.

6

Ни ссоры, ни упреку
Не нажилъ за бокалъ
И часто гроздій соку
Въ него онъ подливалъ.

7

Благія покушенья
Самъ богъ благословилъ
И въ знакъ благоволѣнья
Завѣтъ съ нимъ заключилъ.

8

Вдругъ съ кубкомъ неслюбился
Одинъ из сыновей.
О извергъ! Ной вступился,
И въ Адъ попалъ злодей.

9

Такъ станемтежъ запоемъ
Изъ набожности пить,
Чтобъ въ божье вмѣстѣ съ Ноемъ
Святилище вступить.

Ф. Тютчевъ.

Воспроизводя это стихотворение, мы позволили себе расставить знаки препинания. В подлинной копии они совершенно отсутствуют. Кроме того, в последнем стихе слово „святилище“ имеет в копии на конце ять. Переписано оно тою же рукой, что и большая часть альбома и все приведенные стихотворения, кроме последней эпиграммы.

Стихотворение это принадлежит к ряду произведений Тютчева, изобличающих школу Раича. Песенное построение (размер употреблен Тютчевым в его раннем переводе из Гёте), библейский эпиграф, запутанный синтаксис (особенно строфы I и IV), инверсии (строфы II и IX) — всё это явления, не чуждые творчеству Тютчева. Здесь этот архаически-раичевский тон выдержан значительно чище, чем в других его произведениях.

Б. Томашевский - Ю. Тынянов.

СУДЬБА РУКОПИСЕЙ ТЮТЧЕВА.

Тютчев не избег участи всех великих русских поэтов. У нас до сих пор нет канонического текста его стихов, как нет его и для Пушкина, Лермонтова, Боратынского, Некрасова, Фета... Но судьба рукописей Тютчева загадочнее, чем судьба рукописей иных поэтов. История печатного текста с очевидностию нас убеждает в том, что рукописи Тютчева никогда не были использованы ни одним редактором надлежащим образом. Судить строго наших предшественников в работе над текстом поэта едва ли мы имеем право. Во первых, каковы бы ни были ошибки и погрешности в изданиях текста Тютчева, нельзя забывать, что первоначальные труды по редактированию поэта, первые попытки опубликования всякого „собрания сочинений" сопряжены с чрезвычайными трудностями, и нам уже легче итти по пути, пройденному нашими предшественниками; нам уже виднее, где болота и овраги и где торная тропа; вехи уже поставлены. Во вторых, в работе над текстом Тютчева исследователь встречался с затруднениями особливыми: сам поэт как будто нарочно оставил нам в наследство недоуменную загадку о своих стихах, как будто он нарочно утаил свою волю, уклонился от своего права одобрить последнюю редакцию своих поэтических творений. Так по крайней мере утверждает И. С. Аксаков в своей биографии поэта. Мало того, И. С. Аксакову казалось, что Тютчев вовсе не работал над своими стихами. „Стихи у него, — пишет Аксаков, — не были плодом *труда*, хотя и вдохновенного, но всё же труда, подчас даже усидчивого у иных поэтов. Когда он их писал, то писал невольно, удовлетворяя настоятельной, неотвязчивой потребности, потому что он не мог их не написать: вернее сказать, он их не писал, а только *запи-*

сывал. Они не *сочинялись, а творились.* Они сами собой складывались в его голове, и он только *ронял* их на бумагу, на первый попавшийся лоскуток. Если же некому было припрятать к месту оброненное, подобрать эти лоскутки, то они нередко и пропадали. Эти-то лоскутки и постарался подобрать кн. И. Гагарин, когда вздумал показать стихи Тютчева Пушкину, но очень может быть, что многое пропало и истребилось безвозвратно"..

После И. С. Аксакова едва ли не самым заметным и трудолюбивым исследователем текста и биографии Тютчева был В. Я. Брюсовъ. Он иначе смотрелъ на характер поэтического дарования Тютчева и по-иному оценивал отношение Тютчева к его стихам. „Тютчев, — пишет В. Я. Брюсов, — явно работал над своими стихами, через несколько лет возвращался к прежде написанному, исправлял, переделывал. Стихи Тютчева, печатавшиеся въ разных изданиях до 1836 года, появились в „Современнике" 1836 года значительно измененными, а для издания 1854 года они были переработаны еще раз. Почти в каждое стихотворение были внесены те или другие поправки, дополнения, изменения, часто довольно существенные. Так, например, многие стихотворения Тютчева были впервые написаны тем довольно обычным у немцев размером, где смешиваются двух- и трехсложные стопы (им почти всегда писал Гейне свои песни). Для издания 1854 года Тютчев переложил эти стихи в правильные ямбы и амфибрахии, ослабив при этом во многих случаях выразительность стиха" (См. Новый Путь 1903 г., № 11).

Эти два мнения, может быть, не были бы такими противоречивыми, если бы вопрос об отношении Тютчева к его стихам был разобран в двух различных планах: во первых, в плане внутреннего творческого процесса и, во вторых, в плане внешней литературной судьбы стихов поэта.

В первом внутреннем плане В. Я. Брюсов, вероятно, ближе к истине, чем И. С. Аксаков. Можно априорно утверждать, что Тютчев, будучи истинным значительным поэтом, никогда не относился небрежно к своим стихам по существу. Он ценил их и трудился над ними. И этому есть доказательства. Иное дело, как Тютчев относился к их опубликованию. Стихи-то он ценил, но едва ли он ценил суд публики и критики и едва ли он интересовался литературною судьбою своих поэтических созданий. В этом втором внешнем плане ближе к истине И. С. Аксаков. Но если мы хотим точности во что бы то ни стало, нам при-

дется выяснить, что в разные периоды своей жизни Тютчев по разному относился къ опубликованию своих стихов. Итак, обратимся к точным фактам. При жизни поэта вышло два издания его стихов—в 1854 году, при участии и по инициативе И. С. Тургенева, и въ 1868 году под редакцией И. С. Аксакова и при содействии П. И. Бартенева. Проявил ли какой-нибудь интерес к этим изданиям сам поэт? Мы не можем сомневаться в правдивости сообщения И. С. Аксакова, который о первом издании стихов поэта писал в своей монографии следующее: „Наш известный писатель и ревностный тогда сотрудник журнала „Современник“, Иван Сергеевич Тургенев, познакомившись с поэтом, испросил у него без всякого, конечно, труда, право для редакции на издание его стихотворений, собрал, при помощи семьи Федора Ивановича, всё, что можно было собрать;—таким образом, состоялось в 1854 году то первое издание, о котором упомянуто было выше и в котором *Тютчев сам лично не принимал никакого участия*“.

Въ „приложении“ к своей монографии о Тютчеве И. С. Аксаков пишет по поводу издания 1854 года: „Тютчев при этом издании был, очевидно, сам в стороне, за него распоряжались, рядили и судили другие. Мы убеждены, что он даже и не заглянул в эту книжку“.

То же самое произошло и со вторым, т.-е. последним прижизненным изданием стихов Тютчева.

„В 1868 году, — пишет Аксаков, — вышло новое издание стихотворений Тютчева, с прибавлением к прежним 96-ти еще 77-ми пьес. *Не было никакой возможности достать подлинников руки поэта*, для стихотворений еще не напечатанных, — ни убедить его просмотреть эти пьесы в тех копиях, которые удалось добыть частью от разных членов его семейства, частью от посторонних. Между тем, некоторые изъ этих копий были ошибочны или несогласны между собой. Пришлось выбирать лучшие и печатать без всякого участия со стороны самого автора. Мало того, ему было доставлено оглавление всей предполагавшейся книжки: оно пролежало у него месяц и было возвращено — непросмотренное, он даже и не взглянул на него“. Далее И. С. Аксаков рассказывает, однако, о том, как поэт, получив первый авторский экземпляр, негодовал на включение в книжку стихов, казавшихся ему несовершенными, а также стихов, „которых появление в печати было по некоторым причинам

для Тютчева нежелательно". Как известно, поэт послал телеграмму об исключении трех стихотворений — „Как верно здравый смысл народа"..., „К портрету" и „Еще к Петру Андреевичу Вяземскому". Эти три стихотворения и были вырезаны изъ напечатанной книжки. И только в нескольких экземплярах они уцелели на радость библиофилам.

В исключительных случаях поэт как будто преодолевал ленивое равнодушие к внешней судьбе своих стихов. Так, например, по поводу искажения его стихотворения „Как хорошо ты, о море ночное"... в газете „День", он писал А. И. Георгиевскому: „Я, бог свидетель, нисколько не дорожу своими стихами, теперь менее, нежели когда-нибудь, — но не вижу и необходимости брать на свою ответственность стихов, мне не принадлежащих" (Письмо от 3-15 февраля 1865 года из Ниццы).

Таким образом, мы видим, что, с одной стороны, Тютчев обнаруживает поразительное равнодушие к внешней судьбе своих стихов, с другой стороны, проявляет чрезвычайную строгость к себе, как к поэту, „огорчается" тем, что напечатали его вещи — с его точки зрения — недостойные печати. Это ли не доказательство того, как решительно надо различать в Тютчеве ленивого и небрежного „литератора" и в то же время взыскательного поэта! Наша мысль подтверждается и тем известным фактом, что, послав М. П. Погодину свою книжку стихов с надписью „Стихов моих вот список безобразный" и тем как будто подчеркнув свое равнодушие к литературной своей репутации, он, однако, счел нужным послать через несколько дней вариант последней строчки, а именно — вместо „свершит и здесь свой корректурный труд"... — „Исправит всё чрез несколько минут".

Очевидно, что и в своем отношении к литературе Тютчев не избежал тех предельных противоречий, какие вообще были свойственны его сложной душе.

II.

Редакторы полагали в основу „собраний сочинений" поэта текст 1868 года, при чем первые пьесы совпадали в своей редакции с текстом 1854 года. А в основание добавленных к изданию 1854 года пьес был положен отчасти первопечатный текст периодических изданий, отчасти списки стихов, сделанные рукою близких поэту людей, — и лишь в редких случаях автографы

самого поэта. И. С. Тургенев собрал „*при помощи семьи* Федора Ивановича, всё, что можно было собрать“ и в 1868 году И. С. Аксаков также вынужден был обратиться к *родственникам* поэта за невозможностью понудить ленивого автора заняться своею книгою. Есть серьезные основания для сомнений в точности тех списков, которыми пользовались редакторы изданий 1854 и 1868 годов. По крайней мере, списки, найденные нами в немалом количестве в Мурановском архиве, а также в семейном архиве Тютчевых, нередко совсем неудовлетворительны. Списки эти хранятся в Мурановском архиве, в альбоме, где рядом с копиями, сделанными каллиграфически писарскою рукою, имеются копии рукою Эрнестины Федоровны Тютчевой. Писарские копии совершенно неграмотны. Примечательно, что некоторые из них исправлены рукою самого поэта, правда, немногие. Разумеется, является соблазн предположить, что и те копии, которые помещены на первых страницах альбома, также просмотрены поэтом. К сожалению, это не подтвердилось. Даже при поверхностном просмотре этих копий, убеждаешься в их неточности, а иногда в отсутствии слов и фраз, вовсе неразобранных переписчиком. Копии, сделанные рукою Эрнестины Федоровны, также часто неудовлетворительны. Она до конца дней своих не могла вполне усвоить русскую речь. Стихи, как стихи, их метр и ритм она, повидимому, совсем не чувствовала; история текста стихотворения „Наполеон III“, известная нам теперь из до сих пор неопубликованного письма И. С. Аксакова к дочери Тютчева, Е. Ф. Тютчевой, весьма показательна. Текст этого стихотворения, записанный Эрнестиною Федоровною со слов поэта, оказался столь искаженным, что с автором, прочитавшим этот список, случился припадок ужасного гнева. Дочь поэта, Дарья Федоровна, уверяла даже, что ближайшей причиной апоплектического удара, постигшего Ф. И. Тютчева, было как раз это искажение его стихов.

Стихи, как известно, были однако напечатаны в „Гражданине“, хотя сам Тютчев не стал исправлять ошибок Эрнестины Федоровны. Кн. Мещерский поручил сделать это исправление Аполлону Майкову, что тот и исполнил.

Аполлон Майков, впрочем, был не единственным редактором, приводившим в порядок записи стихов Тютчева. Ведь, И. С. Аксаков признается, что он, получив копии, явно „ошибочные“, пользовался всё-таки этими копиями, — „пришлось выби-

рать лучшие и печатать без всякого участия со стороны самого автора". В таком же положении был и первый редактор, И. С. Тургенев. Надо еще принять во внимание ту без церемонность, с какою И. С. Тургенев склонен был исправлять чужие стихи. Жестокая операция, произведенная им над текстом стихов Фета, всем известна. Правда, к Ф. И. Тютчеву Тургенев относился с бóльшим вниманием, чем к своему приятелю Фету, и, вероятно, так, по крайней мере, можно думать на основании его статьи, придавал поэзии Тютчева исключительное значение. И тем не менее можно с достаточным основанием предположить, что И. С. Тургенев кое-что „исправил" в стихах поэта. В. Я. Брюсов не усомнился в том, что стихи, появившиеся в „Современнике" 1836 года, были „исправлены" для издания 1854 года самим автором. Такое „исправление" текста поэтому противоречит решительному заявлению И. С. Аксакова, что Тютчев этим изданием нисколько не интересовался.

Если это верно, то тогда становится понятным, почему ритмически - неожиданные, но тем не менее прекрасные строки поэта, оказались в издании 1854 года переложенными в правильные ямбы и амфибрахии, и при этом утратилась во многих случаях выразительность стиха. Недаром сам же В. Я. Брюсов цитирует Фета, который жаловался, что в позднейших изданиях Тютчева „алмазные стихи появились замененными стразами".

Всё это заставляет нас отнестись с недоверием к тексту 1854 года. Таким образом общий принцип, справедливо утверждаемый в деле опубликования текста — принцип, в силу которого надо полагать в основание текстуального канона текст последнего прижизненного издания, — в данном случае не применим. Издание 1868 года есть повторение с дополнениями текста 1854 года. И оба эти издания не были признаны, одобрены и утверждены автором. Напротив, они совершенно его не удовлетворили.

Кроме Мурановского альбома, въ семейном архиве Тютчевых имеется еще один альбом. Это альбом дочери поэта, Марьи Федоровны Бирилевой. Он интереснее Мурановского альбома — прежде всего потому, что в нем — семнадцать автографов самого поэта. Кроме того, там много копий, сделанных рукой Марии Федоровны Бирилевой. Есть также многочисленные списки Эрнестины Федоровны. Мария Федоровна Бирилева была более точной и внимательной переписчицей, чем ее мать, Эрнестина

Федоровна. Но и эти копии нередко вызывают сомнения и недоумения и никак не могут заменить оригиналов. По счастью, теперь найдены мною оригиналы стихов Тютчева в немалом количестве — почти две трети всего, что им было написано. Это тот материал, который позволит нам поставить на новых и более прочных основаниях дело изучения и критической проверки текста стихов Тютчева.

Возможно, что́ большая часть этих автографов была известна редакторам изданий 1886 и 1900 годов. По крайней мере дети поэта, Дарья Федоровна и Иван Федорович Тютчевы, сообщают в предисловии к изданию 1900 года, что это издание „составлено при просвещенном содействии библиографа А. А. Флоридова, по рукописям, тщательно собранным и приведенным в порядок женою поэта, Эрнестиной Федоровной Тютчевой, рожденной баронессой Пфеффель (ум. 17 апреля 1894 г.)".

К сожалению, если рукописи (автографы поэта) и были известны редакторам этих посмертных изданий стихов Тютчева, то во всяком случае они не были использованы надлежащим образом. В издании 1886 года, в котором принимал участие Аполлон Майков, отсутствует предисловие и вовсе нет примечаний; таким образом, мы не знаем ни тех принципов, которые были положены в основу при выборе текста, ни истории самого текста. В издании 1900 года есть и предисловие, и примечания, но и в них также нет никаких указаний на происхождение текста. Почти нет и вариантов.

Последнее издание Маркса, под редакцией П. В. Быкова, с предисловием В. Я. Брюсова, заслуживает некоторого внимания. Редактор сверил стихи с первопечатным текстом и дал, хотя неполную и несовершенную, но всё же полезную сводку вариантов. Но рукописей Тютчева П. В. Быков, повидимому, вовсе не изучал. В его руках было очень мало автографов. Даже при поверхностном чтении этого издания становится очевидным, что редактор считал текст 1854 года каноническим, что весьма сомнительно с нашей точки зрения.

Обратимся к фактическим примерам. Начнем со стихотворения „Silentium!" — Истории текста этой пьесы В. Я. Брюсов посвящает особую статью в „Русском Архиве" 1900 г. (во II кн.) и упоминает о ней в своей статье „Легенда о Тютчеве" в 1903 г. в журнале „Новый Путь" (ноябрь, стр. 26). В статье, помещенной в „Русском Архиве", В. Я. Брюсов пишет: „В 1854 году,

перепечатывая свои стихи в преобразованном „Современнике“, Тютчев нашел нужным вправлять их в точные размеры“... И далее: „История „Silentium!“ важна в том отношении, что показывает, с каким тщанием иногда Ф. И. Тютчев обработывал свои стихи, дважды меняя даже то, что уже было напечатано“.

В „Новом Пути“ В. Я. Брюсов, доказывая, что Тютчев подвергал свои стихи значительным переделкам, ссылается на такие стихотворения, как „Сон на море“, „Silentium!“, „Не остывшая от зною“...

Первопечатный текст „Silentium!“ мы находим в „Молве“ 1833 г. (№ 32, март 16, стр. 125). Текст этот таков:

Silentium!

Молчи, скрывайся и таи
И мысли и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
Встаютъ и кроются онѣ,
Какъ звѣзды мирныя въ ночи—
Любуйся ими и молчи!..

Какъ сердцу высказать себя?..
Другому какъ понять тебя?..
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь...
Взрывая, возмутишь ключи—
Питайся ими и молчи!..

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй.
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ...
Ихъ оглушитъ житейскій шумъ,
Разгонятъ дневные лучи...
Внимай ихъ пѣнью и молчи!..

В 1836 году в пушкинском „Современнике“ стихотворение было напечатано в новой редакции. Текст 1836 г. таков:

Silentium!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Пускай въ душевной глубинѣ
Встаютъ и заходятъ онѣ
Безмолвно, какъ звѣзды въ ночи:
Любуйся ими — и молчи.

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь;
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими — и молчи

Лишь жить въ себѣ самомъ умѣй.
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ,
Ихъ оглушилъ наружный шумъ,
Дневные разгонятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью — и молчи!

Как же поступили редакторы изданий 1868, 1886, 1900 гг. и, наконец, последнего издания Маркса? Они все, игнорируя текст пушкинского „Современника“, перепечатали текст 1854 года. Этот текст общеизвестен: 4-я, 5-я и 17-я строки оказались в нем „вправленными“, как выражается В. Я. Брюсов, в обычный размер. И вольные перебои ритма, так выразительно звучавшие, были в нем утрачены. Мы не смеем утверждать с последней уверенностью, кто исказил текст 1836 г., но не решимся также приписать это искажение самому поэту[1]). Въ пользу

[1]) По поводу „искажений“ отмечаем следующие *искажения*, очевидно, невольные. В 16-м ст. в пушкинском „Современнике“ есть явная опечатка, которую мы не принимаем в расчет при оценке текста, а именно — второе слово в этом стихе напечатано „оглушил“, тогда как вне сомнения, что здесь у поэта было будущее время — „оглушит“. Надо отметить и то, что В. Я. Брюсов, цитируя этотъ ст., а также 17-й, допустил две неточности: в цитате В. Я. Брюсова второе слово 16-го ст. читается „заглушит“ вместо „оглушит“, а 17-й ст. у него напечатан такъ:

Дневные *ослѣпятъ* лучи.

А в „Современнике“: „Дневные разгонятъ лучи“.

нашего мнения говорит и то, что Тютчев, по свидетельству И. С. Аксакова, вовсе не интересовался этим изданием, — а также и то, что И. С. Тургенев, напротив, очень был склонен „исправлять“ чужие стихи. Тютчеву в это время было не до стихов. Стоит почитать письма поэта к жене, относящиеся к этому времени, чтобы убедиться, какъ равнодушен был тогда Тютчев ко всему, кроме политики: историческая обстановка, в самом деле, была необыкновенная. 10 февраля, например, И. С. Тургенев писал С. Т. Аксакову: „Я здесь уговорил Тютчева (Ф. И.) издать в свет собранные свои стихотворения“ (Вестн. Европы, 1894, № 4, стр. 482). А Тютчев как раз 10 февраля пишет жене по поводу предполагавшейся блокады англичанами и французами наших балтийских портов: „Теперь только чудо, только личное, так сказать, вмешательство самого господа бога может предотвратить войну, а эта война—просто-на-просто конецъ мира или, по крайней мере, начало конца“.

Тютчеву не до стихов. Он весь в тревожных думах и предчувствиях судьбы России. Нет, в это время он не переделывал своих стихов.

Обратимся, однако, к первоисточнику текста — к рукописям самого поэта. И. С. Аксаков их не получил от Ф. И. Тютчева для издания 1868 года. В этом он откровенно признался. Аполлон Майков и А. А. Флоридов их будто бы имели, но почему-то утаили их от читателей. П. В. Быков рукописей не видал. Но вот, однако, они существуют. И пока нам не покажут другого текста, нам придется опираться на существующий автограф, кстати беловой по своему виду — без всяких поправок. Текст автографа таков:

Silentium!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай въ душевной глубинѣ
Встаютъ и заходятъ онѣ
Безмолвно какъ звѣзды въ ночи —
Любуйся ими — и молчи.

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь —
Взрывая, возмутишь ключи
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить въ себѣ самомъ умѣй —
Есть цѣлой міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ —
Ихъ оглушитъ наружной шумъ
Дневные разгонятъ лучи —
Внимай ихъ пѣнью — и молчи!..

Кроме этого автографа имеются еще две копии — одна в Мурановском альбоме, другая — в альбоме М. Ф. Бирилевой. Обе копии почти тождественны с автографом. Только в альбоме М. Ф. Бирилевой, в списке, сделанном рукою Эрнестины Федоровны Тютчевой, пропущена шестнадцатая строчка. Есть также некоторая разница в пунктуации.

Вывод из этого факта, на наш взгляд, может быть только один: пока мы не нашли другого автографа, у нас нетъ оснований считать текст 1854 года каноническим. „Silentium!“ было напечатано в третьем томе „Современника“ 1836 года, значит, еще при жизни Пушкина, в редакции известного нам автографа. Сам Пушкин видел эти вольные тютчевские строчки и одобрил их, отнесся к стихам нового гениального поэта, „как должно“, по выражению кн. И. С. Гагарина. Не следует ли нам преклониться покорно перед авторитетом Пушкина!

Аналогичную картину мы наблюдаем и в других случаях при рассмотрении истории стихотворного текста. Такова, например, судьба текста известного стихотворения „Сон на море“. В издании 1854 года текст значительно отличается от текста „Современника“ 1836 года и „Галатеи“ 1839 года.

Текст автографа таков:

И море и буря качали нашъ челнъ, —
Я, сонной, былъ преданъ всей прихоти волнъ...
Двѣ безпредѣльности были во мнѣ,
И мной своевольно играли онѣ.
Вкругъ меня, какъ кимвалы звучали скалы, —
Окликалися вѣтры и пѣли валы —
Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ,
Но надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ —

Болѣзненно-яркій, волшебно-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой.
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ —
Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ, —
Сады, лавиринѳы, чертоги, столпы —
И сонмы кипѣли безмолвной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ,
По высямъ творенья какъ богъ я шагалъ
И міръ подо мною недвижный сіялъ.
Но всѣ грезы насквозь, какъ волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской,
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

Строки, подчеркнутые у нас курсивом, суть строки, отличны от текста издания 1854 года. Оставим пока открытым вопрос о том, какой из этих текстов лучше по существу — текст автографа или „вправленный“ кем-то текст 1854 года. Одно только можно сказать с уверенностью, что автограф (беловой — без помарок) может с успехом соперничать с печатным текстом, принятым редакторами изданий 1854, 1868, 1888, 1900 и позднейших годов (Маркса, например) — и тем более может соперничать, что он почти совершенно совпадает с текстом „Современника“ (1836, т. III, стр. 20). Я говорю „почти“, ибо разночтения ограничиваются пунктуацией (нередко случайной у Тютчева) и 11-й строчкою, а именно: в тексте „Современника“ она читается „Въ лугахъ огневицы развилъ онъ свой міръ“.., вместо — „Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ“... Это разночтение приходится, конечно, отнести за счет опечатки. Таким образом, беловой автограф, совпадающий с текстом пушкинского „Современника“, остается документом весьма важным при обсуждении вопроса о каноническом тексте тютчевских стихов. Автограф, нами печатаемый, отличается несколько от текста также нам известного старинного списка, но и этот список вовсе не совпадает с текстом 1854 года. Разночтения с текстом „Современника“ 1836 года, если не считать пунктуации, сводятся к слѣдующему:

Ст. 1-й: И буря, и море качали нашъ челнъ,
„ 7-й: Я въ хаосѣ звуковъ лежалъ оглушенъ

Ст. 14-й: Роились, кипѣли безмолвны толпы.
„ 18-й: И міръ подо мною безмолвный сіялъ
„ 19-й: Но все и во снѣ, какъ волшебника вой
„ 20-й: Мнѣ слышался грохотъ пучины морской
„ 22-й: Вторгалася пѣна ревущихъ валовъ.

Этот список близок к тексту „Галатеи" 1839 года. Не посчастливилось только до сих пор тексту тургеневского издания: рукописи не дают пока никакой опоры для закрепления за ним канонического значения.

В. Я. Брюсов в доказательство того, что Тютчев подвергал значительным изменениям первоначальный текст своих стихов, ссылается между прочим на стихотворение „Не остывшая от зною"... („Новый Путь" 1903, ноябрь, стр. 26). Посмотрим, какова судьба этого стихотворения. П. В. Быков перепечатывает в последнем издании Маркса текст 1854 года. То же сделал в 1868 году И. С. Аксаков. Также поступил Аполлон Майков в 1886 году и П. И. Бартенев в своем издани того же 1886 года. А. А. Флоридов, однако, в издании 1900 года далъ иной текст, а именно:

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Все въ зарницахъ трепетало.

Словно тяжкія рѣсницы
Подымались надъ землею
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загоралися порою.

Текст 1900 года, очевидно, напечатан с подлинника. По крайней мере изученный нами автограф тождествен, за исключением пунктуации, с текстом 1900 года. Текст „Раута" 1852 года не совпадает, однако, с оригиналом (первая строка второй строфы, т.-е. шестая строка стихотворения в „Рауте" читается так: „Неба сонныя рѣсницы", 7-я—„Раскрывалися порою" и 10-я—„Загорались над землею"...). Но редактор последнего издания, не доверяя тексту 1900 года, предпочел текст тургеневский, может

быть, вовсе не плохой, но, как мы теперь видим, сомнительный в отношении его действительной принадлежности Тютчеву. Пока не найден автограф, соответствующий тексту 1854 года, едва ли возможно признать редакцию этого года каноническою. Для оценки тургеневского издания 1854 года и тех последующих изданий, редакторы коих положили в основание тургеневский текст, приведем еще несколько разночтений.

Вот, например, стихотворение „Как птичка раннею зарей"... В пушкинском „Современнике" одиннадцатая строка читается — „Сей шум, движенья, говор, крики", а в тургеневском издании — „Сей шум, движенье, говор, клики"... Пятнадцатая строка в пушкинском „Современнике" — „О ночь, ночь, где твои покровы", — а в тургеневском издании так: „Ночь, ночь! о, где твои покровы"... Редактор издания 1900 г. и П. В. Быков предпочли тургеневскій текст, однако этот выбор едва ли удачен: автограф (беловой) совпадает не с тургеневской, а с пушкинской редакцией. Только первая строка читается иначе, а именно — „Как птичка с раннею зарей"... Кроме автографа, нам известны еще две копии. Одна в альбоме М. Ф. Бирилевой, сделанная рукою Эрнестины Федоровны Тютчевой, на стр. 183—184, — здесь пятнадцатый стих читается, как в автографе, но „крики" одиннадцатой строки превратились в „клики". Другая копия — в Мурановском альбоме, стр. 19—20. Здесь пятнадцатая строка также совпадает с автографом и с текстом пушкинского „Современника".

Не менее убедителен пример разночтений в стихотворении „О чем ты воешь, вѣтр ночной"... Седьмая строка пушкинского „Современника" читается: „И роешь, и взрываешь в нем"... В тургеневском издании 1854 года — „И ноешь, и взрываешь в нем"... И. С. Аксаков в 1868 г. повторил тургеневский текст. Аполлон Майков в 1888 году вернулся в этой седьмой строке к правильному чтению. А. А. Флоридов опять уклонился в издании 1900 года от текста пушкинского „Современника", а П. В. Быков напечатал в издании Маркса текст 1854 года. Обратимся к рукописям. И на этот раз беловой автограф совпадает с текстом 1836 года, и не только в седьмой строчке; четырнадцатая и пятнадцатая строчки должны читаться так:

Онъ съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О бурь заснувшихъ не буди.

Любопытна судьба стихотворения „Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ"... Это одно из немногих стихотворений, которое было известно П. В. Быкову в автографе. По крайней мере в примечании он ссылается на рукопись. Казалось бы, на сей раз редактор мог усомниться в каноничности текста 1854 г., но этого не случилось. И. С. Аксаков, Аполлон Майков и П. В. Быков повторяют текст 1854 года. Только один А. А. Флоридов, в издании 1900 года, рискнул отступить от тургеневского издания в седьмой строке и воспроизвел ее согласно оригиналу:

И какъ предвѣстье близящихся бурь...

Тот автограф, который был в нашем распоряжении, имеет вариант и в 12-й строке, — она читается так:

Божественной стыдливостью страданья.

Итак, подводя итоги сказанному, мы приходим к выводу, что того искомого „последнего прижизненного текста, самим поэтом проверенного и утвержденного", о котором толкуют теоретики редакторского искусства, в данном случае не существует вовсе. Какой же текст мы должны печатать? Нам предстоит выбрать — или текст 1854 года или текст автографов. Если бы мы приняли текст 1854 года, мы тем самым рисковали бы напечатать, как тютчевские, стихи ему не вполне принадлежащие. Напротив, если мы примем в основной текст автографы поэта, мы рискуем только, что последняя редакция той или иной пьесы будет отнесена нами не в основной текст, а в примечания, но зато наверное ни одного чужого слова не будет выдано за слово Тютчева.

Георгий Чулков.

Октябрь 1922.

ТЮТЧЕВ, ЕГО КРИТИКИ И ЧИТАТЕЛИ.

„Писатели подобно книгам имеют свою таинственную причудливую участь в отношении к критике, им современной, и публике, их читающей“ [1]). Эти слова оправдываются в полной мере на „участи“ поэзии Тютчева. Полная незамеченность в течение первого тридцатилетия его поэтической деятельности; почетная известность, внезапно пришедшая после издания его стихов Тургеневым в 1854 году к вступившему в шестой десяток жизни и окончательно переставшему ее искать поэту; новое забвение, всё нараставшее в шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы, и, наконец, „второе — и уже в полной славе своей — пришествие“ его поэзии в современную нам литературу, в значительной части именем Тютчева и его влиянием возникшую и развивавшуюся — вот основные черты этой действительно „таинственной и причудливой“ литературной судьбы.

Критики и исследователи, в недоумении перед ней останавливавшиеся, однако, не обошлись без некоторых преувеличений и неточностей, еще более затемнивших биографию „небольшой“, но такого исключительного значения книжки творчества Тютчева, историю его жизни в современниках и потомстве [2]).

Один новейший критик указывает, например, что имя Тютчева вовсе не появлялось в печати до 1850 г. (когда оно, кстати, как раз не появилось: в статье Некрасова о стихах Тютчева употреблены инициалы, носитель которых самому Некрасову неизвестен [3]). И даже такой внимательный исследователь традицион-

---

[1]) Дружинин. Сочинения, VII, 286.

[2]) Речь идет здесь только о поэтическом творчестве Тютчева, политических статей и писем его мы не касаемся.

[3]) Мережковский. Две тайны русской поэзии. СПб. 1915 г., стр. 5.

ной „легенды о Тютчеве“, как В. Я. Брюсов, ссылаясь на отзыв „Московского Телеграфа“ в 1831 году о стихах Тютчева в „Сиротке“, примечает: „сколько нам известно, это первая печатная критика стихов Тютчева“ [1]). На самом деле, этот отзыв является шестым по счету. Ряд других неточностей будет постепенно указан нами далее.

Дать, насколько это в наших силах, возможно более полную и точную картину постепенного проникновения имени Тютчева и его творчества в сознание читателей и критики, историю его усвоения — и является задачей настоящей статьи.

Первые поэтические опыты Тютчева были направляемы и поддерживаемы рукой его юношеского наставника, поэта, переводчика, впоследствии редактора целого ряда альманахов и журналов, одно время пользовавшегося почетной известностью в литературных кругах Москвы, — С. Е. Амфитеатрова - Раича.

Самое раннее из известных нам стихотворений Тютчева „Двум друзьям“, относящееся, по семейному преданию, к 1815 г., не было издано, но уже следующее — перевод горациевого „Вельможи“ был принесен Раичем в Общество Любителей Российской Словесности и на одном из заседаний, 22 февраля 1818 года, прочтен „славнейшим в то время московским критическим авторитетом“ Мерзляковым [2]). В результате этого чтения, четырнадцатилетний поэт через месяц (в заседании 30 марта) был избран в сотрудники Общества. В следующем году молодой „сотрудник“ выступает в Обществе с новым переводом из Горация (в качестве первого стихотворения Тютчева, отмечено Аксаковым), который прочитывается в марте членом Общества Смирновым и печатается в 22 книжке „Трудов“ О-ва [3]). Это первое стихотворение Тютчева, появившееся в печати.

Поэтические склонности Тютчева были замечены и в университете, на словесном отделении которого он в то время состоял, и в 1820 году для обычного университетского акта ему было поручено написать соответствующие торжественные стихи.

Стихи эти — ода „Урания“, самое длинное из всех известных нам стихотворений Тютчева, — были прочитаны в годовом заседании 6 июля и напечатаны в „Речах и отчетах универси-

---

[1]) Русск. Архив, 1903, XI, 495.

[2]) Труды Общества Люб. Росс. Слов. за 1819 г., протоколы заседаний, стр. 35 и 40.

[3]) Там же, стр. 32.

тета“ за 1819 — 20 г. Около того же времени получил некоторое распространение в списках, ненапечатанный, очевидно, по цензурным условиям, ответ Тютчева на пушкинскую оду „Вольность“.

По окончании университета, перед отъездом своим в Германию, Тютчев отправился в Петербург, и там (вероятно, по рекомендациям Раича) завязал литературные отношения. Так, его перевод из Ламартина „Одиночество“ читается в Вольн. Общ. Люб. Росс. Словесности, одобряется и избирается с некоторыми поправками к напечатанию в „Трудах“ Общества [1]). Несколько ранее тот же перевод, повидимому, в своей первоначальной редакции, под названием „Уединение“, был прочитан и в Московском Обществе, в „Трудах“ которого за тот же 1822 год напечатано уже три пьесы Тютчева: упомянутое „Одиночество“, несколько ранее прочитанное в обществе „Весеннее приветствие стихотворцам“, и перевод из Шиллера „Гектор и Андромаха“, оставшийся незамеченным всеми последующими исследователями и не введенный ни в одно собрание его сочинений [2]). „Одиночество“ было одобрено знатоками, и в следующем году, когда поэт уже служил при русской миссии в Мюнхене, оно с некоторыми вариантами перепечатывается „Новыми Аонидами“, альманахом Раича, „вознамерившимся“, как гласит предисловие, собрать „всё хорошее, рассеянное по листкам многих журналов и книг“.

Из Германии Тютчев продолжает посылать стихи Раичу и своим московским друзьям, — Погодин, Ознобишин, Муравьев, Шевырев, Одоевский, — объединившимся после его отъезда вокруг Раича в особый литературный кружок. В изданиях самого кружка или близких к нему стихи эти систематически помещаются. Так, в „Урании“ за 1826 г. (альманах Погодина) печатаются три его стихотворения, в „Северной Лире“ за 1827 г. (альманах Раича) целых шесть. Там же в статье Делибюрадера цитируется выдержка из его стихов „Нет веры к вымыслам чудесным“, в следующем году печатаемых „Русским Зрителем“ (издатель тот же Делибюрадер — Д. П. Ознобишин) полностью.

В „Северных Цветах“ Дельвига на 1827 г. появляется пьеса „Подражание Арабскому“ за подписью Тютчева. Однако, через

---

[1]) Архив Вольн. Общества Люб. Росс. Словесности. Рукописное отделение библиотеки Акад. Наук.

[2]) Опубликовано нами в журнале „Ипокрена“. Харьков, 1917 г., № 1, стр. 3.

некоторое время Дельвиг заявляет, что стихи ошибочно подписаны именем Тютчева и принадлежат перу Ротчева. Причиной недоразумения, повидимому, была не совсем разборчивая подпись под стихами и сходство имен, но уже самая возможность ошибки доказывает, что и Дельвигу мелькавшее в современных журналах и альманахах имя Тютчева было не безызвестно.

В том же году в рецензии кн. Вяземского на „Северную Лиру“ упоминается имя Тютчева. Эта рецензия, насколько нам удалось установить, и является действительно первым отзывом на его стихи.

„Читатели найдут еще в „Северной Лире“, — пишет Вяземский,—произведения г.г. Шевырева, Титова, Веневитинова, Тютчева, кн. Одоевского и некоторых других: все они более или менее отличаются или игривостью мыслей, или теплотой чувства, или живостью выражения“ [1]).

В следующем 1828 году в „Атенее“, в статье „О всех употребляющихся в русском языке стихотворных размерах“ двукратно приводятся в качестве образца стихи Тютчева из напечатанных в „Урании“ и „Северной Лире“ [2]). Оба приводимые отрывка отличаются некоторым метрическим своеобразием. Строфа из „Песни скандинавских воинов“, жестоко осмеянной позднейшим критиком [3]), написана двустопным хореем; перевод же из Гейне представляет собою сочетание двух- и трехстопных стихов. Характерно, что автор статьи не находит ничего предосудительного в подобных разностопных стихах и даже сближает их с ритмами русских народных песен, с одной из которых — „Со вечера дождик частехонек идет“, по его указанию, перевод Тютчева ритмически совершенно совпадает. Позднее, как мы увидим, точка зрения на допустимость такого смешения размеров резко изменится.

В „Русском Зрителе“ за тот же год перепечатывается из „Трудов О. Л. Р. Сл.“—„Весеннее приветствие стихотворцам“ с изменением заглавия и некоторыми вариантами.

Все до сих пор встречающиеся нам в печати стихи Тютчева не выходят за пределы первых ученических попыток, большей своей частью, и являются переводами, главным образом, из немецкой поэзии.

---

[1]) Кн. П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 33.

[2]) „Атеней“ 1828, стр. 119.

[3]) „Пантеон“ 1854, IX. — „Петерб. Вестн.“, стр. 10—11.

Но среди восьми пьес за 1829 г. и целых десяти за 1830 г., помещенных в журнале Раича „Галатея“, мы находим уже такие значительные, как „Весенняя гроза“ — одно из самых известных впоследствии стихотворений Тютчева, — „Летний вечер“, „Сны“, „Видение“ и др. Однако место для помещения всех этих стихотворений было выбрано крайне неудачное. „Галатея“ начала издаваться при очень благоприятных предзнаменованиях. Литературные связи Раича, его репутация единственного толкового и сведущего журналиста в Москве[1]), заинтересованность журналом Пушкина, давшего для первого нумера свои стихи, — всё, казалось, сулило „Галатее“ блестящую будущность. Но взамен ее, „Галатея“ прославилась „самой неприличной полемикой“ с „Московским Телеграфом“, и тот же Вяземский, который по началу возлагал на журнал большие надежды, вскоре писал: „Читая „Галатею“ Раича, мне всё сдается, что он спился — трезвому невозможно таким образом и так вскоре опошлиться“. Пушкин со своей стороны не мог простить Раичу, что он „взял себе в союзницы моду“ (пытался привлечь к журналу внимание публики печатанием картинок парижских мод), и начал отзываться о его издательской деятельности вовсе презрительно[2]). Вынужден был позднее признать издания Раича „порядочно ничтожными“ и сам Тютчев[3]). Но и „мода“ не спасла Раича от равнодушия публики к „Галатее“, как и вообще ко всем его издательским предприятиям, — и от необходимости, вследствие совершенного разорения, всякую деятельность свою в этом направлении прекратить.

Однако стихи Тютчева и в „Галатее“ не прошли вовсе незамеченными. В „Литературной Газете“ за 1830 год кн. Вяземский со свойственным ему остроумием отмечал: „Тютчев, Ознобишин, от времени до времени появляющиеся в „Галатее“, могут почесться минутными Пигмалионами, которые покушаются вдохнуть искру жизни в мертвый обломок“[4]).

Упоминает о Тютчеве в своем „обозрении русской словесности за 1829 г.“ и Киреевский, как раз в это время встретившийся и познакомившийся с ним в Мюнхене. Классифицируя направления, намечавшиеся в это время в русской поэзии, Ки-

---

[1]) Остафьевский Архив, т. III, стр. 32.

[2]) Барсуков. Жизнь и труды Погодина. IX, стр. 118.

[3]) Письмо Гагарину.—„Русск. Архив“ 1879, V.

[4]) „Литературная Газета“ 1830, стр. 61.

реевский помещает Тютчева среди поэтов „немецкой школы“ рядом с Шевыревым и Хомяковым[1]). Это отнесение к „немецкой школе“ так и закрепляется за Тютчевым в течение всего первого периода его поэтического творчества. И неслучайно, конечно, и не является только биографическим указанием, что подводящие этому периоду итог стихи, доставленные через Гагарина Пушкину, печатаются последним в своем „Современнике“ под общим названием „стихотворений, присланных из Германии“.

В 1831 году Тютчев получил снова два отзыва. Анонимный рецензент „Литературной Газеты“, указывая, что „молодой поэт Тютчев не всегда владеет стихом“, добавляет: „зато в произведениях его часто бывает глубокость, обнаруживающая в нем стихии поэта истинного“[2]). Речь идет о стихотворениях „Цицерон“, „Успокоение“ и „Последний катаклизм“. Следы помянутой глубокости рецензент, в особенности, усматривает в третьей из этих пьес, которую он и цитирует. Отзыв „Московского Телеграфа“, отмеченный Брюсовым в качестве первой рецензии на стихи Тютчева, носит, правда, отрицательный характер, но в целом скорее лестен для поэта.

„Нас изумил также Тютчев, который до сих пор не писал дурных стихов, в „Сиротке“ есть его перевод из Вильгельма Мейстера, столь плохой, что досадно читать...“ [3]).

Наличие всех этих отзывов, конечно, не свидетельствует о какой бы то ни было популярности в это время Тютчева, как поэта, доказывая только, что он был замечен и признан за такового в кругу всего нескольких своих знакомых и друзей, — и приехавший в 1836 г. в Россию Гагарин имел полное право удивляться совершенной неизвестности Тютчевской поэзии в России.

Даже более, после этого последнего отзыва „Московского Телеграфа“, самое упоминание о дальнейших стихах Тютчева, которые продолжали появляться, иные по нескольку раз, вплоть до 1836 г. в целом ряде журналов и альманахов (13 пьес, среди них „Весенние воды“ и „Silentium“, в 6-ти разных изданиях) вовсе прекращается.

---

1) „Денница“ 1830, стр. XLI.

2) „Литературная Газета“ 1831, стр. 132.

3) „Московск. Телеграф“ 1831, № 4, стр. 538.

Гагарин, познакомившийся со стихами Тютчева из его собственных уст в Мюнхене и сразу оценивший „все оттенки этой простой и глубокой мысли“[1]), решил популяризировать имя поэта в России. Тютчев на просьбу Гагарина выслал ему свое „бумагомарание“; Гагарин отобрал из числа посланного „некоторые стихотворения“ и передал их кн. Вяземскому, познакомившему с ними Жуковского[2]). Среди отобранных стихов находилось почти всё самое характерное и значительное из когда-либо написанного Тютчевым.

Оригинальные и наиболее замечательные стихи его, из числа до сих пор появлявшихся в печати, тонули в массе переводов и ученических, слабых вещей. Здесь же был дан как бы экстракт всего его творчества. Неудивительно поэтому то огромное впечатление полной свежести и новизны, которое, по сообщению Гагарина, произвели переданные им стихи на кн. Вяземского, уже и прежде, как мы видели, неоднократно отмечавшего дарование Тютчева, и на Жуковского, также знавшего поэта с самых его юношеских лет.

„Тут же было решено, — пишет Гагарин Тютчеву в упомянутом нами письме, — что пять-шесть стихотворений будут напечатаны в одной из книжек пушкинского журнала, т.-е. появятся через три или четыре месяца, и что затем приложена будет забота к выпуску их в свет отдельною небольшою книжкою. На другой день узнал о них и Пушкин. Я его потом видел: он ценит их, как должно, и отзывался мне о них весьма сочувственно“...[3]).

Непосредственного отзыва о стихах Тютчева самого Пушкина до нас, к сожалению, не дошло[4]), но позднее Плетнев, в качестве „живого свидетеля“ также вспоминал о том „изумлении и восторге, с каким Пушкин встретил неожиданное появление этих стихотворений, исполненных глубины мысли, яркости красок, новости и силы языка“[5]).

---

1) „Русск. Архив“ 1879, IX.

2) „Русск. Архив“ 1879, V.

3) Ibid.

4) Стихов Тютчева до 1836 года Пушкин, видимо, совершенно не замечал, — ср. П. Е. Щеголев. Неизданная статья Пушкина об альманахе „Северная Лира“. „Пушкин и его современники“, вып. XXIII — XXIV, стр. 6.

5) Записка о Ф. И. Тютчеве. „Ученые записки II Отделения Императ. Академии Наук“ за 1859 г., стр. LVII.

Отдельного издания стихов Тютчева тогда не состоялось, но в „Современнике“, вместо предполагавшихся пяти-шести пьес, его стихи под упомянутым общим названием „Стихотворений, присланных из Германии“, за подписью Ф. Т. (судя по дошедшим до нас письмам Тютчева к Гагарину, сам поэт в этом названии и в сокрытии своего полного имени не повинен) начали печататься целыми большими сериями [1]).

Те горячие одобрения и живейшее сочувствие, которыми была встречена поэзия Тютчева со стороны самых выдающихся знатоков и лучших представителей русской литературы того времени, отнюдь не предвещали собой популярности стихам Тютчева в широких литературных кругах и в публике; скорее наоборот: „восторженное“ отношение такого человека, как Пушкин, как бы заранее указывало, что для заурядного читателя стихи Тютчева окажутся слишком хорошими, чтобы он мог их заметить. Так и случилось. „Стихотворения, присланные из Германии“ оказались решительно вне поля зрения критики и журналов и не вызвали не только ни одного отзыва, но даже простого упоминания о себе в числе других новинок современной

---

1) „Современник“ 1836 г., т. III — 16 пьес, т. IV—8; 1837, т. VI—4.

Следует, кстати, отметить, что не всё, отобранное Пушкиным, могло быть напечатано. В журнале заседания СПб. Цензурного Комитета 28 июля 1836 г., значится: „представлено цензором Крыловым стихотворение с начальными словами: Два демона и проч... Стихотворение сие, доставленное к издателю „Современника“ из Мюнхена, Комитет признал не позволительным по неясности мысли автора, которая может подать повод к толкам весьма нежелательным“. (Рукописный отдел „Пушкинского Дома“). Другая пьеса „Не то что мните вы, природа“ была напечатана с пропуском третьей и четвертой строф, замененных точками. Последующие издания не только не восстановили этих строф, но и затерли самые следы их, опустив точки.

Несомненно, цензурный характер носит и пропуск двух строк в другой пьесе, связанной также с Наполеоном („Могила Наполеона“) — в „Галатее“, 1829 года. Иных случаев цензурных гонений на стихи Тютчева как будто не было. Сохранилось только любопытное известие, что император Николай Павлович, просматривая как-то новые журналы, зачеркнул карандашом две последние строки пьесы „Не гул молвы прошел в народе“ (Пади пред ним, о царь России, и встань, как всеславянский царь) и рядом написал: „подобные фразы не допускать“ („Русск. Стар.“ 1904, II, 443). Да после его смерти подверглась запрещению и конфискации его биография, написанная И. С. Аксаковым, при чем, однако, этот последний писал: „Цензурный Комитет не находит ничего предосудительного в тексте Федора Ивановича, он находит предосудительным мой текст, всё направление книги“ (Письма, т. IV, СПб. 1896).

журнальной литературы[1]). Брюсов считает причиной такого отношения „сознательное замалчивание „Современника" другими журналами"; но это и не совсем верно (материал, даваемый „Современником", подвергался и рассмотрению и оценке), да и кроме того, несомненно в числе причин имелись и иные, более общего характера.

Раньше мы указывали, что Тютчевым было выбрано неудачное место для своих стихов—издания Раича. Столь же неудачно было выбранное им теперь для большого своего дебюта время. Тридцатые годы, с одной стороны, — период исключительного золотого цветения русской поэзии: „полного возраста" своего достигает в это время Пушкин; окончательно созревает Боратынский; певцы так называемой Пушкинской плеяды „разносят благозвучие по всей русской земле"; самая техника стиха достигает такой разработки и совершенства, что, по словам Некрасова, почти всякий мог написать в то время „недурное стихотворение". Но, с другой стороны, начинает к этому же времени сказываться и некоторое как бы пресыщение стихами, начинают раздаваться отдельные голоса против чрезмерного увлечения стихотворством[2]), появляются, наконец, и следы несомненной порчи читательского вкуса.

Пушкин в своей статье о Боратынском объясняет непопулярность, постигшую этого последнего после периода всеобщего одобрения и похвал, тем, что поэт в своем развитии как бы перерос публику: „вырастая, поэт отдаляется от толпы, понятия его становятся выше, а читатели остаются теми же". В таком же положении к этому времени оказался и сам Пушкин. В то же время стихи Бенедиктова, увлечения которыми не избежал не только молодой Тургенев, но и Жуковский, гремели на всю литературу. Характерны в этом отношении воспоминания И. С. Тургенева, относящиеся как раз к этому периоду.

---

[1]) Только в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду" за 1837 г. в известии о выходе очередного тома „Современника" при исчислени его содержания называются и „Стихотворения, присланные из Германии (Ф. Т.), XXV, XXVI, XXVII и XXVIII". — Любопытно, на-ряду с этим невниманием, что перевод Тютчевских стихов на немецкий язык в 1861 году вызвал сразу же пять отзывов.

[2]) Стихотворения Теплякова. М. 1832 — предисловие; д-р Ястребцов, О системе наук, приличных детям, стр. 158—163; „Современник" 1836. № 1, стр. 218 и др. (О движении журнальной литературы).

„Пушкин был еще жив, в полном расцвете сил... Ходили темные слухи о некоторых превосходных произведениях, которые он берег в своем портфеле. Эти слухи побуждали любителей словесности подписываться, в ограниченном впрочем числе,— на „Современник“, но, правду говоря, не на Пушкине сосредоточивалось внимание тогдашней публики. Марлинский всё еще слыл любимым писателем, барон Брамбеус царствовал, „Большой выход у сатаны“ почитался верхом совершенства, плодом чуть ли не Вольтеровского гения, а критический отдел в „Библиотеке для чтения“,—образцом остроумия и вкуса. На Кукольника взирали с надеждой и почтением, а Бенедиктова заучивали наизусть“ [1]).

Естественно, что и стихи Тютчева оказались, как мы уже упоминали, вне поля зрения критики и публики, по Бенедиктову устанавливающей свой горизонт [2]). Пушкин, как известно, полным молчанием отозвался на стихи Бенедиктова, имя которого было у всех на устах, — журналы ответили полным молчанием на восторженно встреченные Пушкиным стихи Тютчева.

Те, кто могли бы о Тютчеве заговорить и имели, что сказать о нем—Жуковский, Вяземский — группировались вокруг „Современника“, издатель которого, видимо, считал неудобным давать на страницах журнала оценку стихам, в нем же напечатанным (хотя, как увидим, Тургеневу в 1854 году пришлось прибегнуть как раз к такому способу), да и потом неожиданная гибель Пушкина, видимо, слишком заполнила и подавила собой их сознание, чтобы оставить возможность говорить и думать о чем-либо другом.

Характерно и только подтверждает всё, нами сказанное, что в том же 1836 году „Журнал Министерства Народного Просвещения“ отзывается с большим сочувствием о „прекрасном переводе г. Тютчевым из Шиллера „Песни радости“, напечатанной в предыдущем году в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду“. „Кажется, впрочем,—добавляет рецензент, — это не

---

[1]) Полное собрание сочинений Тургенева, изд. 1898 г., т. XII, стр. 12.

[2]) Тютчев и Бенедиктов („глубокость“ и поверхностность) вообще, видимо, в отношении читательских вкусов являлись как бы антиподами. В „эпоху Бенедиктова“—тридцатые годы—Тютчев оказался невидимым; наоборот, в 1854 г.— первый ренессанс Тютчевской поэзии — столь сочувственный ей критик „Отечественных Записок“ заявлял: „от прежних стихов Бенедиктова, резких и сильных, мы навсегда отвыкли“ (1854, VII, 64).

новое явление“ [1]). Действительно „Песнь радости“ была переведена Тютчевым в 1823 году и несколько позднее напечатана в „Северной Лире“. Так, раннее переводное стихотворение Тютчева запоминается и вызывает особую отмету, — собранные же в „Современнике“ полной поры его зрелости стихи, которые произвели впоследствии решительный переворот во всей русской литературе, остаются без всякого внимания [2]).

Появлением стихов в пушкинском „Современнике“ заканчивается первый, по выражению безымянного критика из „Современника“ 1853 г., „золотой“ период творчества Тютчева, самый блестящий в смысле внутренней поэтической деятельности, но в отношении внешней судьбы его поэзии—самый неблагоприятный.

Безотзывность на его стихи, видимо, глубоко задела поэта. В литературе о Тютчеве установился взгляд о совершенной его беззаботности к своим стихам и о полном равнодушии к их дальнейшей участи. Небрежные отзывы о них самого поэта этот взгляд как будто оправдывают. „Вы меня просили прислать мое бумагомарание, — пишет он Гагарину, — я воспользовался случаем от него избавиться и поймал Вас на слове“... В неизданном письме к Аксакову называет свои стихи „пустозвонным бездельем“ [3]). В письме неизвестному, относящемуся к пятидесятым годам, полужалуется: „Вы меня балуете вашими одобрениями и могли бы опять пристрастить к виршам...“ [4]) и т. д. Перед Ламанским он высказывается как будто еще определеннее: „Мне всегда, — пишет он ему в 1867 году, — казалось крайне наивным толковать о стихах, как о чем-то существенном, особливо о

---

[1]) Июнь, стр. 618.

[2]) Правда, отдельными лицами стихи Тютчева были замечены. Так, Плетнев от 8 октября 1840 г. писал Гроту: „Стихи Тютчева и Растопчиной искупают бледность прочих“ (Переписка). Не остались его стихи без некоторого немедленного влияния и на современную поэзию. Через год после „Фонтана“ в „Литератури. прибавлениях к „Русскому Инвалиду“ за 1837 г. появилось одноименное стихотворение И. Рудыковского, явно им навеянное (стр. 371). Одновременно с тютчевским „День и ночь“ в „Отечественных Записках“ за 1839 год была напечатана пьеса Боратынского „Толпе тревожный день приветен“..., представляющая собой как бы поэтический ответ Тютчеву, и т. д. Наоборот, влияние Тютчева на Милькеева, якобы „первого тютчевианца“ в русской литературе (Камены. Чита, 1922, I, стр. 54 — 8, 62 — 3) ничем не подтверждается.

[3]) Мурановский Архив.

[4]) „Новый Путь“ 1903, XI, 15.

своих собственных стихах“ [1]). Однако, это последнее заявление решительно противоречит его же собственным словам, сказанным в 1838 году Жуковскому: „Вы принесли с собою то, что после нее (первой жены поэта, незадолго перед тем скончавшейся) я более всего любил в мире: отечество и поэзию“. Да и вообще, его ироническое отношение к своему стихотворству едва ли не просто façon de parler дипломата и светского человека, прикрывающего этой нарочитой небрежностью тона свое великое пристрастие к „виршам“, свою „отеческую заботливость“ [2]) об их дальнейшей судьбе.

Мы видели, что до 1836 года Тютчев усиленно печатался в целом ряде изданий. Позднее, когда, после пятнадцатилетнего безмолвия критики, Некрасов вспомнил его стихи и высказал пожелание выпустить их отдельной книжкой, Тютчев, видимо, начал готовиться к этому — собрал и переписал их в одну тетрадь; в дальнейшем сам отсылал или даже относил свои стихи в редакции журналов, иной раз, как жалуется на это Аксаков, с некоторой даже чрезмерностью [3]).

Да и ответ Гагарину на сообщение об успехе его стихов у Вяземского, Жуковского и Пушкина, посланный им, вопреки его обычной лени на письма, немедленно по получении этого сообщения [4]), дышит такой живой радостью, сквозь некоторую сохраняющуюся еще небрежность внешнего тона, что разгадать действительное его отношение к этому успеху нетрудно.

„Ваше последнее письмо,—пишет он,—доставило мне совсем особое удовольствие. Это не есть удовольствие суетности и самолюбия (наслаждения такого рода уже прошли), но приятно в сочувствии ближних находить подтверждение своих мыслей. Собственно говоря для человека, если он только выступил из области чувств, — вся сущность определяется степенью этого сочувствия, этой умственной симпатии“.

---

1) „Русская Мысль“ 1915, XI, 129.

2) Выражение из неизданного письма И. С. Аксакову.

3) Письма Блудовой от 8 октября и 10 декабря 1861 г. „И. С. Аксаков в своих письмах“.

4) „Только через месяц отозвался на это письмо Тютчев“, замечает Аксаков в своей „биографии“. Но это не верно. Письмо Гагарина датировано 12 июня, ответ Тютчева—7 июля. Но письма из России в Германию шли тогда около месяца. Так, П. Киреевский в 1829 г. писал матери из того же Мюнхена: „Как ужасно подумать, что и это письмо вы получите не прежде, как через месяц, ответ же на него придет только через два месяца“ („Русск. Арх.“ 1889).

Вне размеров нашей статьи приводить дальнейшие доказательства, но для Тютчева, несомненно, в „сочувствии ближних“ заключен был источник не только „приятности“, но и чего-то более важного, являвшегося непосредственным импульсом к деятельности его в том или ином направлении; при отсутствии же такого сочувствия самая эта деятельность, лишенная, выражаясь его же словами, своей „сущности“, в нем замирала [1]).

Так случилось и с его поэтическим дарованием. Стихи его после 1836 года не только перестают появляться в журналах (в „Современнике“ за 1837 — 40 гг. печатались стихи из числа переданных Гагариным и отобранных еще Пушкиным, „Галатея“ 1839 г. также перепечатывает его старые стихи), но и писать их он почти совершенно прекращает: за десятилетие 1837—1847 гг. написано всего восемь пьес, из них три по-французски. В то же время, за этот как раз период — сороковые годы — им написаны все его основные политические статьи, появление которых вызвало такой шум и обсуждения русской и заграничной печати. Наоборот, после сочувственной статьи Некрасова и последующих одобрений, былой его поэтический дар сказывается в нем с прежней силой: десятилетие 1850—1860 гг. количественно наиболее плодотворное за всю его жизнь [2]).

1840—48 годы самая мертвая пора для поэзии Тютчева. Имени его за эти годы, не считая коротенького упоминания Гоголем, называющим его среди Туманских, А. Крылова, Плетнева — поэтов, которые все были „зажжены огнем поэзии Пушкина“ [3]) — вовсе не появляется в печати. Лишь немногие ценители вспоминают о „божественных стихах“ Тютчева, „напечатанных в „Современнике 1836 г., т.-е. Пушкинском“, и о том „как они истинны и прелестны“ [4]). Да как будто тайной мыслью о судьбе Тютчева проникнуты эти строки Киреевского в „Отчете

---

[1]) Подробнее см. нашу статью: „Проблема Тютчева“ в сборнике „Творцы и Проблемы“ (печат.).

[2]) Характерно, что это не укрылось от внимания и современных критиков. Дружинин, напр., в 1857 г. писал: „Движение нашей изящной словесности стало шире и всестороннее. Прежде всего прекратилось гонение на поэтов. Поэты, подобные Тютчеву и Фету, будто появились сызнова и, *довольные признанием своего таланта*, усилили свою деятельность“. Сочинения. СПб. 1865, т. VII, стр. 257.

[3]) Сочинения, изд. XV. СПб. 1900, т. VII, стр. 184.

[4]) Переписка Грота с Плетневым. СПб. 1896, т. III, письма от 8/X и 20/XI 1840; 25/VIII 1845; 1/IX 1845; 13/II и 16/II 1846 и 3/V 1847.

о состоянии современной литературы на 1845 год": „У нас есть люди с высокими дарованиями, от которых мы могли бы ожидать великого, — являются иногда и создания их, исполненные высших достоинств; — а между тем, литература наша не живет, ее интересы спят, и сочувствия к ней не заметно почти нигде... Слишком редкие высокие явления нашей словесности исчезают почти без следа среди громады мелочных ничтожеств" [1]).

В „Русском Инвалиде" за 1848 год вместе со стихами Жуковского „Русскому Великану" было напечатано и вдохновленное этими стихами восьмистишие Тютчева с указанием, что оно принадлежит поэту, „чьи прекрасные стихотворения, печатавшиеся в „Современнике" при жизни Пушкина, конечно, памятны читающей публике русской" [2]); но новую эру в литературной жизни Тютчева открывает статья Некрасова, как бы задавшаяся целью из-под этой „громады мелочных ничтожеств" извлечь его стихи.

Статья эта, под названием „Русские второстепенные поэты", появилась в январской книжке 1850 года в „Современнике", одним из соиздателей которого Некрасов являлся, в отделе смеси, затерянная между модами и письмами из провинции. Характерно, что даже инициалы Тютчева, имени которого Некрасов в то время не знал, в заглавии статьи были перепутаны (вместо Ф. Т-в—Т. Ф-в).

Те нападки на поэзию, которые, как упоминалось, начали звучать уже в последние годы жизни Пушкина, к этому времени превратились в открытое гонение на стихи. Лучшие журналы вовсе перестали их печатать; появлявшиеся изредка сборники стихов или „дружно осуждались" или столь же дружно замалчивались критикой.

С указания, что „стихов нет", начинает свою статью и Некрасов. Не находя стихов в окружающей литературной современности, автор естественно обращается в недавнее прошлое русской литературы. Результатом такого обращения и была „находка" Тютчева.

„С третьего же тома в „Современнике" начали появляться стихотворения, в которых было столько оригинальности, мысли и прелести изложения, столько одним словом поэзии, что, казалось,

---

[1]) „Москвитянин" 1845, I.

[2]) № 197, стр. 786.

только сам же издатель журнала мог быть автором их". И о Пушкине в связи с Тютчевым критики пятидесятых годов, как увидим, будут постоянно вспоминать. Далее Некрасов распределяет стихи Тютчева на группы, как бы предвосхищая те отделы, на которые они будут разбиты позднейшими издателями, и подвергает почти каждую пьесу тщательному рассмотрению и самой высокой оценке. В первую группу помещаются им стихи о природе, „живое, грациозное, пластически - верное изображение которой" он почитает „главным достоинством стихотворений Ф. Т.". Затем следуют пьесы, составляющие переход от „пейзажей в стихах" к тем, в которых „к мастерской картине присоединяется мысль, постороннее чувство, воспоминание", и, наконец, „стихотворения, в которых преобладает мысль".

Особо от всех этих пьес стоит „другой род стихотворений, которые носят на себе легкий оттенок иронии, напоминающий, сказали бы мы, Гейне; если бы, — добавляет критик, — самое имя Гейне не было в ту пору вовсе неизвестно в России". В действительности художественно-критическое чутье не обмануло Некрасова: Тютчев встречался в Германии с самим Гейне, называвшим его „лучшим из своих мюнхенских друзей", и первый начал переводить его стихи на русский язык.

Попутно разбору, Некрасов перепечатывает целиком большинство из отмечаемых им стихов, сопровождая отдельные пьесы и места самыми восторженными похвалами. „Нечего говорить о художественном достоинстве приведенного нами стихотворения, — пишет он, например, по поводу „Осеннего вечера", — каждый стих его перл, достойный любого из наших великих поэтов". По поводу пьесы „Как океан объемлет....": — „Последние четыре стиха удивительны: читая их, чувствуешь невольный трепет". Особенно любопытно замечание о пьесе „Душа моя — элизиум теней...", самой задушевной исповеди поэта-индивидуалиста, которая кажется его критику, стоящему на противоположном полюсе общественного восприятия, „странной по содержанию, но производящей неотразимое впечатление".

Заключает Некрасов свою статью, начатую им с указания, что „стихотворения Ф. Т. принадлежат к немногим блестящим явлениям в области русской поэзии", пожеланием, чтобы они были изданы отдельно. „Мы можем ручаться, что эту маленькую книжку каждый любитель отечественной литературы поставит

в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения“.

Однако, статье Некрасова суждено было оказаться той первой ласточкой, которая хотя и предвещает приближение весны, но еще не делает ее. Правда, влияние этой статьи сказалось немедленно. В том же январе 1850 г. Хомяков пишет А. Н. Попову: „Видите ли вы Тютчева? разумеется, видите. Скажите ему мой поклон и досаду многих за его стихи. Все в восторге от них и в негодовании на него. Не стыдно ли молчать, когда бог дал такой голос?... Он же насквозь поэт (durch und durch)... В нем, как в Пушкине, как в Языкове, натура античная в отношении к художеству. Пристыдите его молчанием“ [1]).

Начали возвращаться к Тютчеву и журналы. В „Москвитянине“, еще десять лет назад через Шевырева искавшем стихов Тютчева [2]), появляется целый ряд его пьес, полученных через Вяземского, с примечанием, в котором продолжается игра в прятки с именем поэта [3]). Два стихотворения в том же году напечатаны в „Киевлянине“.

Пожелание Некрасова об издании отдельного собрания стихов Ф. Т., видимо, заинтересовало и самого поэта. В 1851 году он, как было упомянуто, списал все свои стихи в одну тетрадь. В 1852 г. в „Рауте“, издаваемом его зятем Сушковым, появилось сообщение: „В нынешнем году будет напечатано полное собрание стихотворений Тютчева“ [4]).

Однако, это полное собрание не только не появилось, но и в самом печатании отдельных стихов Тютчева наступает как бы новое затишье: в 1852 г. они появляются только в „Рауте“, в 1853 не напечатано ни одного стихотворения. В то же время к изданию своих стихов Тютчев, видимо, снова и решительно охладел, и Тургеневу несколько позднее „стоило большого труда выпросить у Тютчева тетрадку его стихотворений для „Современника“ [5]).

---

[1]) А. С. Хомяков. Сочинения, т. VIII, изд. 1900, стр. 200-1.

[2]) Н. Барсуков. Жизнь и Труды Погодина, V.

[3]) „Мы получили все эти стихотворения от поэта, слишком известного всем любителям русской словесности. Пусть читатели порадуются вместе с нами этим звукам и отгадают имя“. Стихи подписаны попрежнему Ф. Т. „Москвитянин“ 1850, VII, 162-3.

[4]) „Раут“. М., 1852, ч. II, стр. 201-4.

[5]) Фет. Мои воспоминания, 1890, ч. I, стр. 134-5.

Психологически понять это охлаждение легко. Мы уже упоминали, что для Тютчева „сочувствие ближнего“ было необходимым условием деятельности. Между тем все новые стихи его, самое появление которых в печати стояло в прямой связи со статьей Некрасова, заявившей об этом сочувствии таким горячим образом, встречались и самим Некрасовым, и другими журнальными критиками и обозревателями почти отрицательно. Так, в том же 1850 г. тот же Некрасов писал: „К сожалению, напечатанные в „Москвитянине“ три стихотворения далеко не так хороши, как прежние“[1]). В рецензии на „Раут“ 1852 г., критик „Современника“, отзываясь самым лестным образом о даровании Тютчева, ставящем его в ряды „небольшого числа истинных наших поэтов“, замечает: „впрочем, эти новые стихотворения никак не могут итти в сравнение с теми, которые принадлежат к лучшей поре его деятельности и с которыми впервые познакомил публику Пушкин в своем „Современнике“[2]).

Между тем среди разбираемых стихов имеются такие, как „Слезы людские...“, „Итак опять увиделся я с вами“..., „Не остывшая от зною“..., „Первый лист“, „Дума за думой“... и др.— пьесы, единодушно признаваемые всеми позднейшими критиками за лучшие произведения поэта. Видимо, в поэзии Тютчева заключалось нечто, что не покоряло с первого взгляда, требовало для своего усвоения нескольких десятилетий.

И такое отношение к вновь появляющимся стихам Тютчева установилось прочно и надолго. Даже наиболее горячие приверженцы тютчевской поэзии, видимо, преодолеть его не могли. Так И. С. Аксаков, будущий биограф поэта, выражавший готовность отдать „все сотни“ своих стихов „за один стих Федора Ивановича“[3]), отзывался о них, как о произведениях, которые „дороги только по имени автора, а не сами по себе“[4]).

Поддерживать в Тютчеве первый его порыв к изданию своих стихов, вызванный статьей Некрасова и аналогичный, можно ду-

---

[1]) „Современник“ 1850, XXII, отд. VI, стр. 312.

[2]) 1852, т. XXXII, отд. IV, стр. 77.

[3]) И. С. Аксаков в его письмах, I, стр. 67.

[4]) Это выражение Аксакова относилось почти всеми позднейшими исследователями (Брюсов, Быков, Горнфельд) к политическим стихам Тютчева, но на самом деле Аксаков прилагает его к стихам, „напечатанным до сих пор (письмо датировано 1861 г.) в „Дне“, где за это время не было помещено ни одного политического стихотворения.

мать, той „радости“, о которой он писал кн. Гагарину в 1836 г., такое отношение никак не могло. Недоверчивость к какой бы то ни было прочной ценности своих „вирш“ и полное видимое равнодушие к позднейшей судьбе их (—так что ж тут хлопотать, рука забвенья исправит всё чрез несколько минут—) устанавливаются в нем окончательно. Не из этой ли недоверчивости возникала в нем и та „авторская скромность, по которой он тщательно избегал не только разговоров, но даже намеков на его стихотворную деятельность“ [1]). И характерно, что только перед самой смертью,—этой великой разоблачительницей всяческих покровов,—он, к удивлению своего биографа, начинает проявлять заботливость о своем „бумагомарании“, сам относит в редакцию „Гражданина“ с таким трудом осиленного им „Наполеона III“, волнуется по поводу неточности переписанного рукою его жены текста, радуется „детской радостью“ напечатанию его статей и стихов.

Около 1854 года Тютчев познакомился с незадолго до того вернувшимся в Петербург из Спасского, куда он был административно выслан, автором „Записок охотника“,—книги, приводившей тогда Тютчева в такой восторг [2]). И. С. Тургенев в это время стоял весьма близко к редакции „Современника“ (Некрасов называл его первым советчиком и правой рукой), покровительствовал молодым поэтам—Фету, Полонскому—и вообще играл видную роль в той реакции на „антистихотворное направление“ последних лет, которая к этому времени начала сказываться с большой силой. 10 февраля 1854 г. Тургенев писал С. Т. Аксакову: „Я здесь уговорил Тютчева, Ф. И., издать в свет собрание своих стихов“, на что старик Аксаков сейчас же отозвался: „Вы сделали доброе дело, уговорив Тютчева издать свои стихотворения“ [3]).

Стихи Тютчева (92 пьесы и 19 дополнительных) были сперва даны, в виде вложения с особой нумерацией, при третьем и пятом нумерах „Современника“ 1854 г., а затем вышли и в отдельном издании.

В. Я. Брюсов указывает, что на этот раз стихи Тютчева были „восторженно встречены всею печатью“. На самом деле это

---

[1]) Фет. Мои воспоминания, I, 134.

[2]) Письмо Ф. И. Тютчева к его второй жене. „Старина и Новизна“ кн. XVIII, стр. 41 и 45.

[3]) „Вестн. Европы“ 1894, II, стр. 482.

далеко не так. На четыре благоприятных поэту отзыва,—причем один из них принадлежит перу самого издателя, другой ограничивается всего двумя строчками[1]),—приходится пять резко отрицательных.

Сочувственные Тютчеву „Отечественные Записки“ начали отрицательным отзывом о девятнадцати дополнительных пьесах: „вновь напечатанные стихи Тютчева ничего не прибавляют к его известности, как поэта,—даже жаль, что они напечатаны“. Но в следующем же нумере этого журнала помещена большая и действительно „восторженная“ статья о его поэзии вообще.

В этой статье с наибольшей силой выразилась приметная уже, как упомянуто, в Некрасове и сказавшаяся в целом ряде дальнейших рецензий, тенденция связать творчество Тютчева с „пушкинским периодом литературы“.

На целом ряде стихов („Восток белел...“, „Над виноградными холмами...“ и друг.) критик показывает его связь с „лучшими поэтическими мотивами“ того времени. Но, вопреки Гоголю, считавшему, что Тютчев обязан Пушкину самым поэтическим своим бытием, и многим последующим историкам литературы, не только причислявшим его к так называемой „Пушкинской плеяде“, но и называвшим среди „второстепенных поэтов“ ее[2]), автор статьи сразу указывает на резкие индивидуальные особенности Тютчева, составляющие „неотъемлемую собственность самого поэта“, и прямо ставит его рядом с Пушкиным, почти даже на равную высоту: в стихах Тютчева „впервые после смерти Пушкина зазвучали поэтические звуки и чувствуется вдохновительное присутствие музы“[3]).

Одно из основных индивидуальных свойств Тютчева критик усматривает в парадоксальном восприятии им мира, в перемене точки зрения на предмет, в результате чего „старое, давно знакомое глазу поражает взор какою-то небывалою новизной“. „Не правда ли,—пишет он после цитирования пьесы „День и Ночь“,—мы привыкли (нас приучили к этому другие поэты) представлять себе ночь покровом, скрывающим от нас землю, а

---

[1]) „Стихотворения г. Тютчева отличаются обилием прекрасных мыслей и необыкновенным благородством чувств“. „Москвитянин“ 1854, т. III, отд. IV, стр. 29.

[2]) Ср. Браиловский, Туманский. „Пантеон Литературы“ 1890, т. IX, стр. 3.

[3]) С этим никак, кстати, не хочет согласиться обиженный за других современных поэтов рецензент „Пантеона“: „Точно до г. Тютчева не являлось у нас ни хороших стихов, ни хороших поэтов“.

день — противоположным явлением, которое снова разоблачает мир перед нами. В нем всё наоборот: поэт нашел новый угол зрения. Но это также черта, свидетельствующая об оригинальности поэта“. Самоё эту оригинальность образуют: „художественный строй, удивительная гармония всех красок, наконец, это редкое уменье провести всю мысль в одном образе, ни разу не разоблачив ее до наготы“.

В самых лестных словах отзывается критик и об отдельных произведениях Тютчева: о „Весенней грозе“, не замеченной никем при своем первом появлении в „Галатее“ 1829 г., а теперь „конечно, всеми заученной наизусть“. „Какой несравненный художник! Восклицание это невольно вырывается у читателя, перечитывающего в десятый раз это маленькое произведение совершеннейшего стиля“; цитируя „Как птичка раннею зарею...“ — „это слово: „идти навстречу солнцу и движенью с изнеможением в кости“ принадлежит к числу самых метких слов, какие когда-либо говорила наша поэзия: оно не умрет в ней, пока сохранится любовь к изящному и истинный вкус“ — похвала, распространенная, кстати, на всю поэзию Тютчева Тургеневым, указавшим, что он „создал речи, которым не суждено умереть“. „Г. Тютчев,—говорит, между прочим критик,—поэт вполне современный нам, хотя и кажется запоздалым гостем в литературе. Между темами его мы имеем много таких, которые могут прийти в голову только современному человеку“. И эта „современность“ Тютчева не только не устареет двадцатью годами спустя („самая сущная его суть „le fin du fin“—слова Тургенева Фету в 1873 году), но „современником“ своим признают его и литературные правнуки обозревателя „Отечественных Записок“—люди двадцатого века.

Предоставляя другим „подбирать непоэтические крохи“ (неточное слово, несколько прозаический стих и т. п.), критик заканчивает свою статью указанием, что, если ему и удалось схватить некоторые черты творчества Тютчева, то он далек еще до того „чтоб исчерпать до конца родник его поэзии и осмотреть ее со всех сторон“ [1]).

Как и в статье Некрасова, в рецензии „Отечественных Записок“ параллельно разбору перепечатывается целый ряд пьес Тютчева целиком, что вызвало резкую отповедь со стороны самого

---

[1]) „Отечеств. Записки“ 1854, т. VIII, стр. 55 — 75.

же „Современника“, вынужденного, под влиянием явно издательских соображений, ополчиться на дружественного Тютчеву критика [1]). Со столь же резкой отповедью „поэтической критике“ „Отечественных Записок“ выступил и журнал „Пантеон“: „наговорено много, цитировано еще больше, но мы никак не можем согласиться с мнением рецензента на счет достоинства многих произведений поэта“ [2]). Собственное свое мнение на счет произведений Тютчева „Пантеон“ высказал несколькими месяцами ранее. Мнение это поэту резко неблагоприятно. „В „Современнике“ помещены 92 стихотворения Тютчева... из этих 92 стихотворений десятка два хороших, десятка два посредственных, остальные очень плохи“,—и дальше цитируя „Утро в горах“: „что в этом стихотворении? Таких можно написать десяток в несколько часов, без малейшего труда“ [3]). Еще резче отзыв „Пантеона“ о „даровании г. Тютчева, в котором однако же еще больше претензий на дарование“ на основании 19 дополнительных его пьес [4]). Во всех этих отзывах обозреватель „Пантеона“ противопоставляет эстетической критике „Отечественных Записок“, называющих „художественность высшим определением поэтического достоинства“, разбор „мыслей и чувств“. „Рецензент „Отечественных Записок“ уверяет, что поэту „часто *чуется* в мире нечто такое, о чем мы и не подозреваем, что речи его отзываются таинственным, но кто хочет *войти в смысл* его видений, тот должен внимательно прислушиваться к его речам“... Хороша поэзия, в которой надобно еще добиваться *смысла*, которую надобно еще разгадывать“... „Архи-таинственность“ смысла Тютчевских стихов отражается и на форме их выражения. Как примеры, обнаруживающие незнакомство поэта и сочувственного ему критика „даже с механизмом стиха“, приводятся выражения „громокипящий кубок“ (будущее название первой книги поэз Игоря Северянина), „изнеможение в *кости*“ (словосоединение, как мы видели, особенно пришедшееся по вкусу критику „Отечеств. Записок“), „как бы эфирною струею по жилам небо протекло“ (любимый стих Льва Толстого, отмеченный в принадлежавшем ему экземпляре сочинений Тютчева четырьмя восклицательными знаками)... „но,—добавляет автор об-

[1]) „Современник“ 1854, т. XLVII.

[2]) „Пантеон“ 1854, кн. VIII, отд. V, стр. 5-6.

[3]) Там же, кн. III. „Петерб. Вестн.“ стр. 75.

[4]) Там же, кн. X, отд. V, стр. 20-1.

зора,—всех редкостей не выпишешь". Среди этих „редкостей" упоминаются им „два стихотворения, из которых в первом есть *мглистый полдень,* а во втором *звезды с сумрачным светом*"[1]). Эти любопытные эпитеты, по мнению критика, могут смело поспорить с знаменитым двустишием: „во светлой мрачности лазоревых ночей явился темный блеск от солнечных лучей".

Уничтожающий характер отзывов „Пантеона" побудил вступиться за Тютчева не только самого инициатора и редактора собрания его стихов, но и совершенно постороннего человека, известного романиста Лажечникова. „За что Вы Тютчева унизили, писал он в частном письме редактору „Пантеона", Ф. А. Кони? Позвольте Вам сказать, что несправедливо. Поэт, каких у нас нет ныне"[2]).

Тургенев выступил в защиту изданного им поэта с небольшой заметкой „Несколько слов о стихотворениях Ф. Тютчева", напечатанной в том же „Современнике" за подписью И. Т. [3]). Соглашаясь с тем, что „внешняя сторона дарования" Тютчева „не довольно, может быть, развита", что „у него часто попадаются устарелые выражения, бледные и вялые стихи", что иногда он даже „как будто не владеет языком", Тургенев усматривает в нем такую „соразмерность таланта с самим собою, соответственность его с жизнью автора", такую „сжатость и краткость" выражения в соединении с такой тонкой благоуханностью—ароматом фиалки,— „не разящим на расстоянии", но неминуемо пленяющим всякого, кто даст себе труд к ней приблизиться (отсюда широкой популярности автор статьи Тютчеву не предвещает),—которые не только ставят этого поэта „решительно выше всех своих современных собратий по Аполлону", но и делают его одним из замечательнейших русских поэтов вообще[4]).

„Пантеон" не оставил и этой статьи без ответа. „Критическая статья И. С. Т. (инициалы эти рецензентом были разга-

---

1) Курсив везде критика „Пантеона".

2) „Русск. Архив" 1912, т. III, 144.

3) „Современник", т. XLIV, № 4, отд. 3, стр. 23-26 или Полное собрание сочинений изд. Маркса, т. XII, стр. 314-17.

4) „Современник" не только прибегнул к защите напечатанных в нем стихов Тютчева на своих же столбцах, что не лежало в нравах тогдашней журналистики, но в нем были напечатаны и пародии на некоторые пьесы Тютчева, напр. „Повсюду царствовал покой", Нового поэта — „Соврем." 1854, т. XLVI, что уже представлялось вовсе из ряда вон выходящим.

даны) заключает в себе много странного, ошибочного и изысканного... И можно ли так высоко ставить г. Тютчева. Нет, критика не далась И. С. Т., и он напрасно оставил для нее род произведений, в которых он так велик"[1]).

Но, если поэзия Тютчева была, как видим, „восторженно встречена" далеко не всей современной печатью, то среди литературной молодежи—Фет, Полонский, Языков, Дружинин, Анненков, Гончаров,—группировавшейся вокруг Тургенева и „Современника", „появление небольшого собрания стихотворений Тютчева было приветствовано со всем восторгом, которого заслуживало это капитальное явление"[2]). Сам Тургенев, полушутя, признавал издание им стихов Тютчева и Фета, переизданного под его редакцией в 1856 году, чуть ли не главной своей заслугой перед русской литературой. Фет вспоминает, как на обеде, данном около этого времени в честь Тургенева означенными лицами, последний на стихотворные приветствия, „выставлявшие его талант и литературные заслуги", ответил следующим, вызвавшим „гомерический хохот" экспромптом:

Все эти похвалы едва ль ко мне придутся,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставил расстегнуться
И Фету вычистил штаны[3]).

Смысл последней фразы будет понятен, если вспомнить, что Тургенев подвергнул выпущенное им новое издание стихов Фета самому строгому редактированию, добившись целого ряда переделок и изменений в первоначальном тексте и так насилуя при этом волю автора, что, по собственному признанию последнего, „издание вышло из рук Тургенева не столько исправленным, сколько изувеченным"[4]).

В новых, измененных текстах появились в тургеневском издании и почти все стихи Тютчева.

Как и в стихах Фета, все эти изменения были вызваны желанием приблизить поэта ко вкусам публики (особенно отчетливо

---

[1]) Критика И. С. Т. „Пантеон" 1854, кн. IV, отд. IV, стр. 31.

[2]) Фет. Мои воспоминания, т. I, стр. 134-5.

[3]) Там же, стр. 135.

[4]) Там же, 104-5. См. мою статью: Тургенев — редактор Фета—„Печать и Революция" 1923, III, 45—64.

это сказалось на исправлении ритмов тютчевских стихов), в значительной мере совпадавших и со вкусами самого Тургенева. Тютчев, по указанию Тургенева же, в издании 1854 года никакого участия не принимал. В то же время целый ряд изменений приводил к грубому нарушению первоначального авторского замысла. Всё это дает нам основание предположить, что такой же „чистке", как Фета, были подвергнуты и стихи Тютчева, с той только разницей, что Фет большинство своих изменений, следуя указаниям Тургенева, выполнил сам, — переработка же стихов Тютчева была проведена едва ли не рукой его редактора [1]).

Немногие знатоки, обратившие внимание на эту переработку, отзывались о ней с явным неодобрением. Фет, например, прямо писал об „алмазных стихах", замененных, в результате ее, „стразами" [2]). Но несомненно, что стихи Тютчева, и без того встреченные за их „обветшалую и устарелую" форму резкими нападками со стороны некоторых критиков,—появись они в текстах „Современника" 1836 года с их „дерзновенными" отступлениями в области ритма, архаическим, а подчас и „вульгарным" (напр., эпитет: „над издыхающей землей") словарем, „хромыми" рифмами и т. п., нашли бы себе еще меньше признания.

Но, хотя это признание и теперь оказалось далеко не всеобщим, всё же издание 1854 года ввело Тютчева в современную литературу, в качестве одного из почетных ее представителей. Самое оживление русской поэзии, имевшее место в пятидесятые годы и сменившее пресыщение стихами в конце тридцатых годов, и открытое гонение на них во второй половине сороковых, связывалось современниками с именем Тютчева. Так, при разборе стихов А. Майкова, в 1858 г., Лонгинов писал: „Давно ли стихи казались совершенно изгнанными из нашей литературы? Давно ли им давали приют только в третьестепенных журналах?.. Но вскоре оказалась полная реакция". „Сигналом" этой „окончательной реакции" и было „появление стихотворений Тютчева". И рецензент, перечисляя новые сборники стихов,

---

[1]) Подробнее см. мою статью: „Тургенев — редактор Тютчева" Сборник Тургеневской комиссии О-ва Любит. Росс. Словесности „Тургенев и его время" ред. Н. Л. Бродского М. 1923.

[2]) Предисловие к III вып. „Вечерних огней". Полное собр. стихотворений Фета, т. II, с. 491.

появившиеся за последние три года, отмечает, что „принялся после долгого молчания за стихи и Некрасов“ [1]).

Однако, признанная чуть ли не наравне с пушкинской лучшими деятелями нашей литературы, поэзия Тютчева и не получила официального признания со стороны высшего государственного учреждения, призванного ведать художественной жизнью страны, и оставалась почти совершенно чужда широким читательским массам. Выставленная в 1857 г. граф. Блудовым и П. А. Плетневым, написавшим соответствующую „записку“ о поэтической деятельности и литературных заслугах Тютчева, [2]) кандидатура его в члены Академии Наук не прошла [3]): поэт был избран всего членом-корреспондентом по Отделению русского языка и словесности [4]).

В то же время (1858 г.) Боткин писал Фету: „Поверьте, высшая красота и поэзия всегда достояние только самого малого меньшинства, и стихи гр. Растопчиной гораздо понятнее для массы читателей, чем стихи Тютчева или Пушкина. Так всегда было, так и будет, и с этим надо примириться“ [5]).

Однако, сам Фет примириться с этим, видимо, не захотел, и в следующем же году в „Русском Слове“ появилась его большая статья „О стихотворениях Ф. Тютчева“, представляющая собой одну из самых блестящих, восторженных и проникновенных оценок тютчевской поэзии.

С указания на малую распространенность поэзии Тютчева Фет и начинает свою статью: „Давно хотелось мне поговорить о небольшой книжке стихотворений Ф. Тютчева, наделавшей столько шуму в тесных кружках любителей изящного и, увы! относительно к своему достоинству так мало еще распространенной в массе читающей публики“.

Свое впечатление от „небольшой книжки“ стихов Тютчева, про которую он уже впоследствии выразился, что на весах у музы она весит „томов премногих тяжелей“, Фет сравнивает

---

[1]) „Атеней“ 1858, т. III, стр. 217.

[2]) За два года до того, в 1855 г., несколько стихотворений Тютчева было напечатано в „Выборе из произведений современных писателей“ при IV томе „Известий“ Академии Наук по Отделению русского языка и словесности.

[3]) Никитенко. Моя повесть о самом себе. СПб. 1904, т. I, стр. 495.

[4]) Модзалевский. Список членов Имп. Академии Наук. СПб. 1908, стр. 216, 399.

[5]) Фет. Мои воспоминания, т. I, стр. 232.

с картиной звездного неба, которое он наблюдал им сквозь окно римского Колизея: „Крупные звезды пристально и лучезарно глядели мне в глаза, и, по мере того, как я всматривался в тонкую синеву, другие звезды выступали передо мной и глядели на меня так же таинственно и так же красноречиво, как и первые. За ними мерцали в глубине еще тончайшие блестки и мало-помалу всплывали в свою очередь. Ограниченные темными массами стен, глаза мои видели только небольшую часть неба, но я чувствовал, что оно необъятно и что нет конца его красоте. С подобными же ощущениями раскрываю стихотворения Ф. Тютчева. Можно ли в такую тесную рамку (я говорю о небольшом объеме книги) вместить столько красоты, глубины, силы—одним словом, поэзии. Если бы я не боялся нарушить права собственности, то снял бы дагерротипически всё небо Тютчева с его звездами первой и второй величины, т.-е. переписал бы все стихотворения". (Характерно, как мы видели, что этим же грешили и критик „Отечественных Записок" и Некрасов). „Каждое из них — солнце, т.-е. самобытный светящий мир".

Обращаясь к анализу этих „светящих миров", Фет указывает три особенности поэзии Тютчева со стороны ее содержания. Во первых, „все стихи его — мысль, но мысль художника", во вторых, все они выказывают „изумительную зоркость Тютчева", способность „не только видеть предмет с самобытной стороны", но видеть и его „тончайшие фибры и оттенки", и, наконец, в третьих, все они „дышат какой-нибудь тайной природы, которую она ревниво скрывает от глаз непосвященных". Переходя к оценке тех средств выразительности, которыми располагает поэзия Тютчева, Фет отмечает: „неуловимую тонкость и грациозность его созданий"; „дерзновенную отвагу" образов („разве не гигантское вдохновение, не могучее искусство создало эти образы",—пишет он по поводу „Сна на море"), соединяемую однако с постоянным „чувством меры"; „ненаглядность" некоторых „вполне тютчевских слов" (листье, ущерб). Однако, последняя тайна художественного очарования поэзии Тютчева, согласно Фету, определена быть не может, неопределима по самой природе своей: ее можно только констатировать. „Никто, ни даже сам г. Тютчев не скажет ни за что, почему у него в стихе: „гроза прошла — еще курясь, лежал" — цезура, как гильотина, отрубила один образ от другого? Почему его стихи то как чьи-то грозные зеницы загорались над землею, то, пода-

ваясь вперед медленными, легко отрывистыми вздохами: а „эта тень, бегущая от дыма“—разрешаются женским неясным, как призрак, разлетающимся звуком: ма?“ и т. д.

„Не малого требует г. Тютчев от читателей, обращаясь к их сочувствию,—заключает свою статью Фет.—До сих пор большинство не отозвалось, да и не могло отозваться на его голос. Но... тем больше чести народу, к которому поэт обращается с такими высокими требованиями („к зырянам Тютчев не придет“, — поясняет Фет эту свою мысль в позднейших стихах). Теперь за нами очередь оправдать его тайные надежды“ [1]).

Однако, много еще времени должно было пройти, прежде чем эти „тайные надежды“ поэта и его критика могли быть оправданы.

Шестидесятые годы, возобновившие гонение на поэзию, начатое в конце сороковых, с еще бо́льшей силой устами Писарева провозгласившие предпочтение белых полос бумаги страницам стихов — этих плодов „предосудительного тунеядства“; не замечавшие в лирике Полонского и Фета ничего, кроме „бессодержательного сотрясения воздуха“ и „бесконечной канители слов“ [2]), конечно, не могли оказаться сколько-нибудь благоприятными и для поэзии Тютчева.

Среды, той необходимой вообще „животворной, воодушевляющей среды [3])“ — для Тютчева же, как мы видели, необходимой в мере особенной,—поэту вокруг себя образовать не удалось. Правда, среди своих светских знакомых, сослуживцев и политических единомышленников Тютчев слыл за поэта. Новые его произведения, имеющие на себе налет злободневности, связанные с современными лицами и событиями, т.-е. подходящие под категорию так называемых „политических стихов“, как она была образована позднейшими изданиями, подхватывались, можно сказать, налету, передавались из уст в уста с такой же жадностью, как и его знаменитые „словечки“.

Так, например, Тютчев написал в 1863 году стихи кн. Суворову в связи с отказом последнего подписать приветственный адрес знаменитому своим польским усмирением Муравьеву.

---

[1]) „Русское Слово“ 1859, № 2, стр. 63 — 84.

[2]) Выражения критика „Отечественн. Записок“ (1869, IX).

[3]) Выражение Тютчева из письма И. С. Аксакову, „Православное Обозрение“ 1875, № IX, стр. 76.

И тотчас же весь петербургско-московский муравейник зашевелился.

„Ходил к Сечинскому, он списал для меня стихотворение Тютчева Суворову“—заносит в свой дневник Снегирев [1]). Тогда же Любимов пишет Погодину: „посылаю стишки Тютчева на кн. Суворова, которые вы, может быть, уже давно читали, но тем не менее их посылаю. Стишки написаны были очень кстати: их читают и списывают“ [2]). Погодин немедленно же прочитывает это стихотворение в Обществе любителей российской словесности, сопровождая чтение речью, поясняющей их явление [3]). В Петербурге в то же время Никитенко записывает: „Тютчев, говорят, написал стихи (речь идет о тех же стихах кн. Суворову), мне обещали прислать их“ [4]).

Известное стихотворение Тютчева против австрийского эрцгерцога, приехавшего на похороны императора Николая I, „кн. А. М. Горчаков в Вене, окруженный австрийскими шпионами, заставлял ежедневно декламировать за завтраком и обедом учителя своих детей“ [5]).

Но лирика Тютчева по-прежнему оставалась достоянием слишком немногих.

„Я встречаюсь с Ф. И. Тютчевым в разных домах и прислу-

---

[1]) „Русск. Архив“ 1905, I, 103.

[2]) Барсуков. Жизнь и труды Погодина, т. XVIII.

[3]) Там же.

[4]) Никитенко. Записки и дневник, т. II, стр. 149. Характерен в связи с этим отзыв стороннего человека, корреспондента „Revue des deux Mondes“, выпукло отражающий отношение петербургского света к поэтическому деланию Тютчева и то значение, которое придавалось в нем его поэзии: как в Пушкине хотели видеть только подражателя Байрона, так лирика „очаровательного стихослагателя“ Тютчева представлялась только перепевами „томного лада лэкистов“: „On se doute bien que l'ancien attaché d'ambassade ne traitait guère la poésie qu'en grand seigneur; ce n'est qu'à ses momens perdus qu'il laissait tomber quelques strophes qui faisaient les delices des délicats de Saint Pétersbourg, quand l'année 1863 vint à la fin lui apporter des inspirations grandes et fortes. Le versificateur charmant qui jusque-là n'avait chanté que les beautés de la nature sur le rhytme alangui des laquistes trouva en lui subitement les accens de la colère et de l'imprécation et dans des couplets demeurés célèbres il réprocha amerement au prince Souvorov d'avoir, „le seul parmi les grands“ refusé son hommage au sauveur de la patrie, à l'archange Mouraviev. Depuis lors, M. Tiouttchev n'a cessé de prêter sa voix au passions les plus violentes de la sainte Russie“. «Rev. d. deux Mondes» 1867, t. LXXI, p. 158.

[5]) Барсуков, op. cit., т. XV, стр. 446.

шиваюсь к его разговору, — пишет около этого времени Фету Боткин.—Как каждый эпитет его точен, оригинален и поэтичен Я смотрю на него с некоторого рода умилением—божественный старец. Но никто из посещаемых им мужчин и дам, никто из окружающих его не чувствует и не понимает поэзии его стихов“ [1]).

А вот и голос одного из этих окружающих. „Вчерась я прочел стихотворения Ф. Тютчева, чувствительные, картинные и звучные. Боже мой, какая пустота, мелкота и ограниченность!.. Тютчев с 1826 года [2]) проснулся немножко на славянском съезде 1867 г. и запел и здесь, через сорок лет, тем же молодым человеком, каким он начал свое поэтическое поприще. Пустые люди не стареют, что за жизнь этих эгоистов и ничтожных стихотворцев!“ [3])

Правда, Тютчев поддерживал отношения и почти со всеми современными ему писателями и поэтами. Здесь его чрезвычайно ценили и ставили порой на исключительную высоту.

„Преклонявшийся“ перед ним Фет прямо считал его „величайшим лириком на земле“ [4]). Тургенев, Л. Толстой отзывались о нем с постоянной похвалой, постоянно вспоминали о нем, переговаривались между собой его стихами.

„Воспользуйтесь последними днями осени, в которых таится особенная *умильная таинственная прелесть*“,—пишет Тургенев Фету [5]). Или: „день пережит — и слава Богу, говорю я вместе с Тютчевым“ — он же Полонскому [6]). Л. Толстой в письме Фету вспоминает строку Тютчева „не дым, а тень, бегущая от дыма“ [7]), которую, кстати, несколько раз приводит и Тургенев, и т. д.

Но между поэтом и всеми его литературными друзьями существовала, видимо, какая-то столько же неприметная, сколько непреодолимая черта во всем, что касалось его поэзии. Встре-

---

[1]) Фет. Мои воспоминания, т. I, стр. 448.

[2]) Автор хочет, очевидно, сказать с 1836 г.

[3]) Из записок сенат. Лебедева за 1868 г.—„Рус. Арх.“ 1911, III, 70. Характерно, что этот отзыв относится исключительно к лирике Тютчева; о стихах его „Славянам“ тот же Лебедев несколько ранее отзывается, как об „особенно удачных“. Там же, II, 487.

[4]) Фет. Мои воспоминания, т. II, стр. 1-2.

[5]) Там же, т. I, стр. 349.

[6]) Письма Тургенева. СПб. 1885.

[7]) Фет. Мои воспоминания, т. II, стр. 310.

чавшийся с ним, одно время „раза три в неделю“, Фет, читавший ему свои новые стихи, толковавший с ним по всем вопросам литературы и творчества („каких психологических вопросов мы при этом ни касались, каких великих поэтов ни припоминали“) прямо свидетельствует: „Федор Иванович болезненно сжимался при малейшем намеке на его поэтический дар, и никто не дерзал заводить с ним об этом речи“ [1]). Разгадка этого действительно „болезненного“ отношения заключалась, повидимому, в том, что, как уже было упомянуто, все, даже самые пылкие поклонники его поэзии, приветствовали в нем, живом и, по-прежнему, и количественно и качественно творчески-активном поэте, того как бы мертвеца — автора „божественных стихов в пушкинском „Современнике“, от которого он был отделен почти полувеком, — в то же время относясь безучастно к новым его произведениям, ценя их только по „имени“, которое их сопровождало. Выше мы приводили отзыв Аксакова об этих новых стихах. Сходился, видимо, с ним и Тургенев. „В *одном тебе* [2]), — писал он, например, в 1868 году Полонскому, — горит в наше время огонек священной поэзии. Ни графа А. Толстого, ни Майкова я не считаю. Фет выдохся до последней степени, а о г.г. Минаевых и тому подобных и речи быть не может, так как и сам учитель их г. Некрасов — поэт с натугой и штучками. Пробовал я надиях перечесть собрание его стихотворений — нет, поэзия и не ночевала тут“ [3]). Характерно, что в этом перечне современных поэтических деятелей Тютчев вовсе не назван. Для самого поэта с его постоянным ощущением смерти, торжествующей вокруг него и в нем самом, чувством „вымирания заживо“ всего в нем лучшего [4]), такое отношение должно было быть источником непрерывной и крепкой отравы, симптомы которой Фет, не догадываясь о причинах ее, нам и описывает в цитированных выше словах.

И этими литературными друзьями, восторженно ценившими „прежнего“ Тютчева, и светскими знакомыми, жадными до его

---

[1]) Фет. Мои воспоминания, т. II, стр. 2.

[2]) Курсив наш.

[3]) Тургенев. Письма. М. 1885.

[4]) См. письма к его второй жене. „Старина и Новизна“, т. XVIII, стр. 7, 19, 27, 35, 37 и ряд друг. и стихи: „Есть и в моем страдальческом застое“ и „Как ни тяжел последний час“.

„политических стихов“, исчерпывалась до дна вся аудитория тютчевской поэзии.

За пределы „тесного кружка любителей изящного“ и светско-чиновного круга имя Тютчева не выходило. Все почти современные критики, начиная с Тургенева и Фета, указывают на его полную непопулярность в массе читающей публики“. Дружинин усматривает причины этой непопулярности „в самом поэте, который довольствуется одною весьма небольшою областью в мире поэзии и через то как бы отказывается от известности и влияния, на которые имеет право рассчитывать“. „Область г. Тютчева не велика,—добавляет критик,—и доступна лишь крайне развитым ценителям. Сам же поэт не только не сделал самой малой попытки к ее расширению, но так сказать не ступил ни одного шага навстречу своему читателю [1])“.

Причины „неуспеха“ тютчевской поэзии относит к самому ее автору, слишком „высокому по строю своей лиры“, чтобы быть услышанным, и Страхов. „Что касается вообще до стихотворений Тютчева, то нет сомнения, что это произведения высшего порядка, полная и чистая поэзия; конечно, есть причины, почему она не имела успеха. В них ясно, что поэт не отдается вольно своему вдохновению и своему стиху“. „Но,—добавляет критик,—это полное обладание собой, эта законченность мысли и формы не исключает поэзии“ [2]).

Недостатка в сочувственных оценках вообще не было у Тютчева и за это „антистихотворное“ время. Любопытнее всего отзыв Добролюбова, противополагающего „всяким эстетическим (обыкновенно-туманным) рассуждениям“ оценку художественных произведений по их „жизненной правде“, в чем и заключается „мерка, которою определяется степень достоинства и значения каждого литературного явления“. И, несколько неожиданно для него, вопреки всем критикам - эстетам, отмечавшим ограниченность „предмета вдохновения“ у Тютчева, небольшие размеры его „стакана“, Добролюбов указывает на чрезвычайно широкий диапазон тютчевской поэзии, которой доступно не только „уловление мимолетных впечатлений от тихих явлений природы (область, в которой Фет — с ним критик сравнивает Тютчева — единственно силен), но кроме того и знойная страст-

---

[1]) Дружинин. Сочинения, т. VII, стр. 487.

[2]) „Новое Время“ 1886, 4/IX.

ность, и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но вопросами нравственными и интересами общественной жизни". Наличием этой широты и обусловливается то, гораздо более значительное, относительно Фета, место, которое принадлежит поэзии Тютчева в русской литературе [1]).

Очень много сочувственных Тютчеву замечаний рассыпано и по критическим статьям Аполлона Григорьева, некоторыми из них явно предвосхищающего интерпретацию его поэзии со стороны последующих критиков. Так, раскрывая „тютчевскую манеру" в описании природы Тургеневым, Л. Толстым, Фетом и Полонским, он указывает на присущий поэзии Тютчева, „возводящего свои отношения к природе до глубины философского созерцания, до одухотворенности природы", пантеистический характер [2]); в другом месте утверждает ее „глубокую религиозность [3])".

Но, несмотря на наличие всех этих тонких и сочувственных отзывов, лишенная с самого начала „широкого читателя", поэзия Тютчева в каменистой и скупой почве шестидесятых и последующих годов замирала всё очевиднее.

Чрезвычайно показательны в этом отношении слова Достоевского, знавшего и ценившего Тютчева, неоднократно влагавшего его стихи в уста своих героев и вообще особенно близкого этому поэту всем внутренним тонусом своего творчества,—слова, сказанные всего через четыре года после смерти Тютчева и звучащие почти как эпитафия всей его поэзии: „Был, например, в свое время поэт Тютчев [4])".

До самой смерти поэта стихи его по-прежнему продолжали появляться в печати (в славянофильских, по преимуществу, изданиях); в 1868 г. вышло новое, вызвавшее несколько, по-прежнему благоприятных отзывов, издание его стихов, к которому сам поэт по-прежнему же не приложил рук, галантно хотя и не без горечи предоставляя заняться им „руке забвенья", — но время, когда „*был* поэт Тютчев" [5]) уже при жизни его принимало всё более определенную прошедшую форму, отодвигалось

---

1) „Современник" 1859, № XII, стр. 320.

2) Аполлон Григорьев. Сочинения, 1876, т. I, стр. 310-11.

3) „Русское Слово" 1859, №№ 4, 5, 6 и 8.

4) Дневник писателя за 1877 г. Собр. сочин. СПб. 1886, т. V, стр. 747.

5) Курсив наш.

во всё более далекую, почти уходящую из глаз даль; „рука забвения“ „исправляла“ всё добросовестнее его стихи своим пером, обмакнутым в струи Леты.

Смерть Тютчева вызвала некоторое естественное оживление вокруг его имени, сказавшееся в ряде некрологов, воспоминаний, сочувственных статей. Через месяц после его смерти начал писать свою „биографию Тютчева“ — „легенду о Тютчеве“, как удачно перекрестил ее позднее В. Я. Брюсов,—И. С. Аксаков. В ней касается он, между прочим, и поэтического творчества Тютчева (центр внимания для биографа лежал не здесь, а в общественно-политических воззрениях поэта), давая, в свою очередь, чрезвычайно высокую оценку его стихов, в общем совпадающую с отзывами Некрасова, Тургенева, Фета.

Через шесть лет в „Русском Архиве“ появляется собрание тридцати неизвестных доселе стихов Тютчева, найденных в бумагах Гагарина, не вызвавшее однако ни одного отзыва. Через неровные промежутки времени (от трех до тринадцати лет) выходят в свет „небольшие (за исключением петербургского издания 1886 г., куда вошли и политические статьи) книжки“ его стихов, остающиеся почти без всяких откликов печати, — желание поэта сиять миру „звездой невидимой“, казалось, исполняется с буквальной точностью.

Немногочисленные друзья Тютчева и его поэзии, хранившие его стихи в числе „самых заветных своих вещей“ [1]), изливавшие его словами свои самые задушевные чувствования [2]), сходили вслед за ним в могилу. Поэзия Тютчева, как и эпоха, ее породившая, становилась достоянием истории, живая и страстная критическая оценка уступала место нелицеприятному и строгому историко-литературному суду.

В восьмидесятые и первые девяностые годы — время господства стихов Надсона и Якубовича — такой суд мог быть, конечно, только строгим.

„Отрытый из среды посредственности и внезапно столь возвеличенный в мрачные годы общественного безвременья, — пишет наиболее характерный для этой поры и популярный эпигон заветов Писарева и Чернышевского, Скабичевский, в своей „Истории новейшей русской литературы“, — Тютчев во всяком

---

[1]) „Русск. Архив“ III, 318.

[2]) Из записок А. Д. Блудовой. „Русск. Арх.“ 1889, I, 61.

случае в достаточной мере скучноват в своих безукоризненных красотах, и, исключая некоторых его произведений, помещаемых в христоматиях, большинство их читается с трудом и ценится лишь самыми строгими и рьяными эстетиками“ [1]).

Скабичевский едва ли подозревал, что в числе этих „рьяных эстетиков“ находится и Лев Толстой [2]).

Мы уже отмечали сочувственные отзывы Толстого в письмах Фету о Тютчеве и его поэзии. Критику Волынскому Толстой позднее прямо говорил, что он ставит Тютчева „выше Пушкина“ [3]).

И такое отношение к Тютчеву отрекшийся от искусства „Яснополянский отшельник“ хранил до самой своей смерти [4]).

Лев Толстой завершает собой тот славный ряд, ту как бы живую золотую цепь из лучших русских писателей—Жуковский, Пушкин, Хомяков, Некрасов, Тургенев, Фет, Вл. Соловьев,— которые на протяжении почти столетия, в периоды либо полного невнимания к Тютчеву, либо столь же полного забвения поэзии этого подлинного „певца певцов“, передавали на высоко поднятых руках, над головами „бесчувственной толпы“, его имя друг другу, обменивались этим именем, как знаком посвящения в „высшие таинства“ искусства: „*О Тютчеве не спорят*,—писал тот же Тургенев Фету,—кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии—und damit Punctum“ [5]).

Еще менее, вероятно, предполагал Скабичевский, что в то же самое время, когда он снова наваливал „гробовую насыпь“ истории на „отрытого в пятидесятые годы“ Тютчева, жизнь этого поэта в русской литературе, подлинное его на нее влияние и настоящая популярность—только еще начинались. В те же девяностые годы сложилось литературное направление, которое

---

[1]) СПб., 1890, стр. 564-6.

[2]) Так же мало, вероятно, подозревал он, опираясь в своей иронической оценке Тютчева на „беспощадно обрушивавшегося на жрецов чистого искусства вроде Тютчева“ Добролюбова, как высоко на самом деле ценил этот критик поэта.

[3]) Волынский. Борьба за идеализм, стр. 235.

[4]) В. Булгаков. Последний год жизни Толстого. М. 1911. В Толстовском музее хранится принадлежавший Толстому экземпляр сочинений Тютчева с многочисленными пометками Толстого, выражающими его сочувствие и восторг. Пометки эти воспроизведены, к сожалению, не всегда точно, в „Толстовском Ежегоднике“ за 1912 г., стр. 143-48.

[5]) Фет. Мои воспоминания, т. I, стр. 283; курсив Тургенева.

выбрало Тютчева своим „хорэгом и запевалой“, знаменем и „учителем“, внесло это знамя в самую читательскую гущу и надолго утвердило его там, — направление так называемого русского символизма.

Уже в 1893 году один из первых основоположников этого направления, автор „Символов“ Мережковский, называл в качестве наиболее истинного преемника Пушкина и Лермонтова, „глубокого поэта-философа, неподражаемо-прекрасного Тютчева“ [1]).

В 1898 году появилась первая из посвященных Тютчеву статей вождя символистов В. Я. Брюсова, положившего начало научному и критическому подходу к изучению его жизни и творчества [2]). Однако, еще до статьи Брюсова была сделана попытка определить эту „глубину“ Тютчева, „внутренний смысл и значение его творчества“ — в „Вестнике Европы“ появилось первое за двадцать два года после смерти поэта „исследование поэзии Ф. И. Тютчева“, принадлежащее перу Владимира Соловьева.

Автор этот не только, как известно, не принадлежал теоретически к символистам, но и заявил себя резко им враждебным, — однако данное им истолкование тютчевской поэзии оказалось совершенно в духе возникавшего направления, было воспринято всеми последователями его и на долгое время определило всякое дальнейшее ее понимание и критикой и читателями.

В качестве основной темы творчества Тютчева, Соловьев указывает тему хаоса — того „темного корня мира“, „той таинственной основы жизни природной и человеческой, на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества“. „На фантастический характер“, свойственный „лирическому методу“ описаний природы Тютчевым, на „смутное и как бы сверхчеловеческое величие“, присущее этим описаниям, указывал уже Дружинин [3]). Владимир Соловьев дает этому „смутному и сверхчеловеческому“ его настоящее имя: „В изображении тех явлений природы, где яснее чувствуется *демоническое* начало, Тютчев не имеет себе равных“.

Второе характерное свойство поэзии Тютчева автор усматривает „в совершенном воспроизведении им физических

---

[1]) О причинах упадка и о новых течениях русской литературы. СПб. 1893, стр. 93 — 4.

[2]) О собрании сочинений Ф. И. Тютчева. Библиографическая заметка. „Русск. Арх.“ 1898, III, стр. 249-260.

[3]) Сочинения, т. VI, стр. 497.

явлений, как состояний и действий живой души", „в глубоком и сознательном убеждении в действительной, а не воображаемой только одушевленности природы", составляющем его „преимущество" перед остальными писателями, у которых, как, напр., у Шиллера, „эта одушевленность была всего лишь фигурой стиля", — и „избавляющем нашего поэта от того раздвоения между мыслью и чувством, которым с прошлого века и до последнего времени страдает большинство художников и поэтов" [1]).

Это последнее утверждение, несмотря на полное его несовпадение с биографическими данными и решительное несоответствие всему внутреннему миру поэзии Тютчева [2]), восприняло однако такой же догматический характер, как и вся статья [3]).

В том же году в „Книжках Недели" появилась другая статья о Тютчеве, автор которой среди многих тонких наблюдений, растворенных, к сожалению, в обильной фельетонной воде, уже прямо указывал на то, что „любители сопоставлений могут с полным правом считать Тютчева за первого декадента и символиста [4])". О том же несколько позднее писал проф. Сумцов, отмечая по поводу стихотворения „Близнецы", что „декаденты" на нем могут „праздновать пятидесятилетний юбилей" свой [5]).

Однако, для большинства критиков связь „смелого новатора и романтика" [6]) Тютчева с возникающим нео-романтическим направлением — смелыми попытками создания „новой поэзии", представлявшимися в то время, с легкой руки Владимира Соловьева, забавно-нелепой затеей кучки не бесталантливых молодых людей — была далеко не ясна.

Двадцатипятилетняя годовщина смерти поэта в 1899 г. отразилась в ряде газетных заметок и в нескольких журнальных статьях. Автор одной из последних начинает характерными словами: „Наступившее двадцатипятилетие со дня смерти Тютчева про-

---

1) „Вестник Европы" 1895, № 4, стр. 736-752, перепечатано в собр. сочинений.

2) См. Аксаков. Биография Ф. И. Тютчева, стр. 42 и др.; стихи: „О, вещая душа моя", „Не плоть, а дух" и друг.

3) Некто Ктитарев, напр., позднее писал о Тютчеве: „в нем нет диссонансов, он весь — гармония небесных звуков и мелодия природы" („Вопросы религии и морали у русских писателей". 1909).

4) Пл. Краснов. Поэт мировой жизни. „Книжки Недели" № 5, стр. 153-172.

5) Проф. Сумцов. Пушкин и Тютчев. Харьков, 1900 г.

6) Выражение Тургенева. Фет. Мои воспоминания, II, 281.

шло бы совершенно незамеченным, если бы о нем не напомнили газеты, *по обязанности* [1]) *отмечающие всякие юбилейные сроки. Постараемся остановить хоть на короткое время* внимание мыслящих людей на литературном факте, несомненно заслуживающем внимания, и сделаем, что в наших силах, для освещения, хотя бы частичного, личности поэта, *уже далеко отстоящего от современных поколений*" [2]).

Предполагал ли автор статьи, что этот „далеко отстоящий от современных поколений" поэт, за свою попытку остановить на котором полчаса внимания читателя он почти извиняется, будет в течение двадцати слишком, непосредственно следующих, лет стоять в центре всеобщего внимания и окажется современнее многих современников? Надо думать, не предполагал никоим образом.

Между тем, не далее как через четыре года, связь Тютчева с новой поэзией, необыкновенная его жизненность в наших днях была ясна каждому. „Никогда, — начинается одна из газетных заметок в связи с новым юбилеем Тютчева в 1903 г.,—ни во время расцвета своего таланта, ни тотчас после смерти Тютчев не пользовался такой славою, как теперь... Звезда Тютчева заблистала вновь необыкновенно ярко, его стихотворения вновь нашли отзвук в сердцах читателя... В летаргии долго лежал Тютчев, теперь он ожил и живет" [3]). В „Нижегородском Листке" Тютчеву была посвящена статья под характерным именем „Предтеча символистов" [4]) и т. д.

И с этого времени, по мере того как символическое направление росло и развивалось, всё больше завоевывая себе критику и публику, „звезда Тютчева" разгоралась всё ярче и ярче.

Не проходило года без появления какой-либо новой работы о Тютчеве; писатели и критики-символисты проповедывали „песни" Тютчева и в прозе и в своих стихах. „Первым русским символистом" называл Тютчева Георгий Чулков [5]); Вячеслав Иванов признавал его „величайшим в нашей литературе представителем реалистического символизма", „тайновидцем", а стихи

---

[1]) Курсив здесь и далее наш.

[2]) Аммон. Несколько мыслей о поэзии Тютчева. „Журнал Министерства Народн. Просвещ." 1899, июнь, стр. 445.

[3]) „Русск. Ведомости" 1903, № 322.

[4]) „Нижегородский Листок" 1903, № 354.

[5]) Ф. И. Тютчев. — Покрывало Изиды. М. 1909, стр. 44-54.

*

его объявлял „мифотворческими“ [1]). Бальмонт утверждал: „Все наиболее талантливые поэты современной России—Брюсов, Сологуб, З. Гиппиус, Мережковский и другие — видят в Тютчеве лучшего своего учителя“ [2]). Сологуб — „предшественником нашим был великий поэт Тютчев“ [3]). Наконец, Брюсов своей книгой „Далекие и близкие. Сборник статей и заметок о русских поэтах от *Тютчева* до наших дней“ [4]), самую эру русской поэзии исчисляет как бы от Тютчева.

В эпоху первого обращения к Тютчеву, в пятидесятые годы, его поэзия была воспринята, как творчество одного из самых ярких и блестящих представителей „Пушкинского периода“ нашей литературы. Исключительно высоко, как мы видели, ставивший Тютчева Аксаков без всякого колебании относил его однако к числу поэтов „так называемой пушкинской плеяды“ [5]).

Ныне Тютчев не только выносится за пределы плеяды, воспринимается, как нечто „крайне своеобычное“ [6]), но и делается исходной точкой, зачинателем совершенно самостоятельной линии литературно-поэтического развития, параллельной той основной борозде, которую мощно, через всю целину русского стиха провел Пушкин. Бальмонт в своей лекции о русских поэтах, прочитанной им в 1897 г. в Оксфордском Taylor Institution, присваивает этой тютчевской линии название „психологической лирики“. „Психологическая лирика“ (в этом понятии, по мнению Бальмонта, могут быть объединены современные термины символизма, импрессионизма и декадентства) резко противостоит Пушкину и пушкинцам. В основе творчества этих поэтов и в основе творчества Тютчева лежат не только „две поэтические манеры“, между которыми существует „неоспоримое коренное различие“, но и два различных восприятия мира, два чувства действительности. Особенно ярко проступает это различие в отношениях представителей того и другого направления к природе. „Представители художественного натурализма“ — Пушкин и его уче-

---

[1]) По звездам. М. 1909, стр. 41 и 283.

[2]) Горные вершины. М. 1904, стр. 84.

[3]) „Русск. Мысль“ 1915 г., XII.

[4]) М. 1912. Курсив наш. — Вопросу о влиянии Тютчева на современную нам поэзию должно быть посвящено специальное исследование, подготовляемое мною к печати.

[5]) Биография Тютчева, стр. 77.

[6]) В. Брюсов, Ф. И. Тютчев, Критико-биографический очерк при полном собрании сочинений Тютчева, из. 7-ое, стр. LXIV.

ники — „по преимуществу описывают“, „воспроизводят природу так, как ее видят“, а видят они лишь „внешниие черты ее“; Тютчев, который „уже в 30-ых годах пишет символические стихотворения“, „возвышается до художественного понимания“ природы, „проникает в душу ее“, „воссоздает ее, как живую сущность“ во всей ее „живой цельности“, „сложном единстве“ и „полной независимости от человеческой жизни“. Первые ведут свои описания „в узкой определенной рамке“; „земная жизнь заключена для них в резко очерченные границы“. Для второго— „земная жизнь есть только ряд звеньев гигантской цепи, оба края которой и справа, и слева, и с начала, и с конца,—если есть начало и конец,—уходят вдаль и, принимая теневой характер, незаметно теряются в бесконечности пространства и времени“. Отсюда совершенно несхожи и впечатления, которые вызывают в нас стихи Пушкина и Тютчева. Пушкин—„романтик по темам и реалист по исполнению“ — даже в наиболее романтические темы всегда вносит непосредственную простоту, разложение на части, определенность, рельеф скульптурности, ограниченную конкретность летописного стиля“. Наоборот, в лишенной героического характера и берущей сюжетами *просто напросто* различные состояния человеческой души“ поэзии Тютчева „всё таинственно, всё исполнено стихийной значительности, окрашено художественным мистицизмом“ [1]). В. Брюсов несколько

---

[1]) К. Д. Бальмонт. Горные вершины. М., 1904, стр. 59-74 и 75-95. Характерно, что еще за пятьдесят лет до Бальмонта на такое же наличие двух поэтических манер в изображениях природы указывал в своей рецензии на „Записки ружейного охотника“ И. С. Тургенев. „Отношения Пушкина,—писал он, — этого по духу своему действительно древнего поэта, к природе так же просты естественны, как у древних, и при всей смелости поэтических образов совершенно здравы...“ Но есть среди представителей русской поэзии и другие „тонко развитые, нервические личности, которые обладают каким-то особенным воззрением на природу, особенным чутьем ее красот; они подмечают многие оттенки, многие часто почти неуловимые частности, и им удается выразить их иногда чрезвычайно счастливо, легко и грациозно; правда, большие линии картины от них либо ускользают, либо они не имеют довольно силы, чтобы схватить и удержать их. Про них можно сказать, что им более всего доступен запах красоты и слова их душисты“ (см. статью А. Лаврецкого „Тургенев и Тютчев“ в сборнике „Творческий путь Тургенева“, ред. Н. Л. Бродского). Отнесение в эту последнюю категорию Тютчева не мешает однако Тургеневу в другом месте видеть на стихах Тютчева „отблеск Пушкина“, „печать той великой эпохи, которая так ярко и сильно выразилась“ в этом последнем. Тургенев, Сочинения, т. XII, изд. 1898, стр. 302 и 315.

позднее попытался конкретнее, в принятых историко-литературных терминах определить те совсем особые „совершенно свои приемы творчества и приемы стиха“, которые складывают поэтическую манеру Тютчева. Связывая поэзию Тютчева с творчеством Гёте и поздних немецких романтиков, он указывает, что в лучших своих созданиях“ она „жива не метафорами и антитезами, как поэзия французская, а целостностью замысла и певучестью строфы“. „Рядом с Пушкиным, создателем у нас истинно-классической поэзии, Тютчев стоит, как великий мастер и родоначальник поэзии намеков“ [1]).

И однако, в то самое время, когда имя Тютчева оглашало столбцы всех газет и журналов, когда его поэзия вызывала всеобщий восторг, — русский читатель (на немецкий язык стихи Тютчева были вторично полностью переведены в 1905 г. и изданы в одном из самых распространенных издательств) лишен был возможности *читать* Тютчева: все прежние издания его, включая и издание 1900 г., давно сделались библиографической редкостью; нового издания в течение двенадцати лет не появлялось.

„Полное собрание сочинений Ф. И. Тютчева“, предпринятое издательской фирмой Маркса в 1912 г. и в следующем году данное в качестве приложения к „Ниве“, действительно „разнесло“ стихи Тютчева по всей грамотной России.

Слава Тютчева и влияние его на современную литературу достигают к этому времени своей верхней точки.

Налицо все аттрибуты постигшей поэта популярности — прикосновения той „бессмертной пошлости людской“, от которых как бы „болезненно сжался“ он!

В кинематографах ставятся картины на „тяжелые жизненные сюжеты“, навеянные его стихами (в Харькове в 1916 г. идет, например, драма в 4-х частях — „В буйной слепоте страстей“ [2]); „Дядя Михей“, проповедуя в своих табачных рифмах „несравненные папиросы Осман“, цитирует строки Тютчева; в отрывном сытинском календаре на 1916 г. за подписью Ф. Тютчев, вместе с портретом его, печатаются какие-то невероятные стихи, начинающиеся словами: „Чем мне воздать тебе, о боже, за всё, что

[1]) В. Брюсов. Тютчев. Крит.-биографич. очерк при полном собрании сочинений Тютчева, изд. 7-ое, стр. XLIII—XLVII.

[2]) „Южный Край“ 8. III. 1916.

сделал для меня", и рифмующие: „мне" и „суме" „главу" и „сплю"... и т. д. и т д.

В то же время Мережковский выносит влияние Тютчева далеко за пределы только литературные: „Тютчев для нас не только поэт, но и пророк, учитель жизни",—и указывает, что неуловимосильным ядом своих „неподражаемо-прекрасных" стихов, „цианистым кали" индивидуализма он насытил и заразил всю окружающую нас действительность [1]).

Находят свою немалую аудиторию и „славянофильские стихи" Тютчева, о которых Тургенев отзывался, что „они-то и скверны" [2]), и которые другой, более близкий нам автор почитал произведениями для слишком немногих [3]).

Современный нам критик, по всем видимостям, никак не разделяющий общественно-политических воззрений Тютчева, однако утверждает: „Тютчев не только величайший философ в русской лирике, но также сильнейший из русских политических поэтов" [4]). Религиозно-политические воззрения Тютчева развиваются рядом авторов в целом ряде брошюр и статей [5]). Священник Беседа рекомендует стихи Тютчева „для проповедей с церковных кафедр" [6]).

Между тем и направление русского символизма свершило свой полный жизненный круг, — создало свои традиции и каноны, начало в свою очередь подвергаться нападениям „новых течений" от акмеизма до имажинизма включительно, в свою очередь клониться к ущербу.

Постепенно начинает ослабевать и значение учителя и вождя символистов — Тютчева. Правда, влияние Тютчева сказывается и за пределами символической школы. Акмеист Мандельштам пишет ряд одноименных Тютчеву и навеянных его темами стихов; эго-футурист Игорь Северянин называет словами Тютчева

---

[1]) Мережковский. Две тайны русской поэзии. 1915.

[2]) Фет. Мои воспоминания. II, 281.

[3]) Аммон. „Журн. Минист. Народн. Просвещ." 1899, VI, 470.

[4]) Горнфельд. История русской литературы XIX в., изд. „Мир", т. III. М. 1909, стр. 447.

[5]) Свящ. Филевский. Религиозно-философские воззрения Ф. И. Тютчева. Харьков, 1904. — Бородкин. Славянофильство Тютчева и Герцена. СПб. 1902; Цинговатов. В Россию можно только верить. Заветы Тютчева. 1915.

[6]) Религиозные мотивы в творчестве Тютчева. „Странник" 1915, III, стр. 378-394.

первую книгу своих „поэз“ [1]),—в одной из последних признает, что въ его душе „с каждым днем властнеет Тютчев“ [2]); имажинист Кусиков берет строки Тютчева эпиграфом к одному из своих сборников [3]) и т. д., и т. д.

Волны революции, опрокинувшие тот „утес“, несокрушимую крепость которого воспевал Тютчев в своих известных стихах,— поэзии его также не затопили. В 1919 году в издании „народной библиотеки“ Лито Наркомпроса выходит под редакцией В. Я. Брюсова собрание стихотворений Тютчева; в 1920 г. Совнарком принимает решение о постановке памятника Тютчеву; имя его в числе двух-трех других имен наносится красными буквами на стены Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Москве.

Но, несмотря на всё это и, скорее, даже именно в силу всего этого, „день“ влияния и славы, который, выражаясь его же словами, „взял“-таки этот поэт у наконец-то отозвавшегося на его голос и оправдавшего его „тайные надежды“ большинства русского общества, — явно склоняется к вечеру. Явно иное приходит время,—и потребны ему и иные песни, и иные певцы.

Зато теперь, впервые за всё время существования поэзии Тютчева, расчищается место для спокойного и объективного историко-литературного изучения ее, изучения, невозможного ни прежде, в годы полного небрежения к этому поэту, — ни тем более потом, когда неожиданное „открытие“ Тютчева, представшего в полном блеске своей яркой оригинальности и „небывалой новизны“ внушало „вне-историческую точку зрения“ [4]) на его творчество, затемняло историко-литературную перспективу вплоть до утверждений, что у Тютчева „не было предков“, что он вошел в литературу русскую, как Афина Паллада во всеоружии зрелого и законченного гения“ [5]).

---

1) „Громокипящий кубок“. СПб. 1912.

2) „Тост безответный“. М. 1916.

3) „В Никуда“. М. 1920.

4) Горнфельд. История русск. литературы XIX в., т. III. М. 1909.

5) Саводник. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М. 1911, стр. 162-3. Из числа появившихся за последнее десятилетие работ о Тютчеве, кроме поименованных выше, должны быть названы: тонкая и соединяющая изящество с глубиной статья С. Франка, Космическое чувство в поэзии Тютчева („Русск. Мысль“ 1913, XI, 1-31), ставящая задание „выразить поэзию Тютчева, как философское миросозерцание“; посвященная тому же вопросу и представляющая преимущественно психологичвскую интерпретацию

Образуются для этого изучения и исключительно благоприятные внешние условия: доступна обозрению огромная переписка поэта в Муранове; найдены считавшиеся утерянными автографы его стихов; наконец, подступающая юбилейная дата (пятидесятилетие со дня смерти—15 июля 1923 года) открывает как бы естественный выход всем тем материалам и исследованиям, которые накапливались вокруг него за последние годы.

Насколько интенсивно сейчас это изучение ведется, показывает один только перечень печатающихся и готовящихся к печати работ [1]), количественно, видимо, во много раз превышающих всё, что когда-либо было написано о Тютчеве и его творчестве.

Но „таинственная и причудливая участь“ Тютчева, можно думать, и в результате этих изучений не станет менее причудливой и таинственной. И не удивительно ли, что с первых же их шагов сказывается тенденция связать Тютчева,—для воскресивших его поэзию пятидесятников бывшего живым вестником из отошедшего пушкинского века, для символистов „современнейшим их современником“, сохраняющим эту свою „современность“ и для отказывающихся от Пушкина из-за его „державинства“ футуристов, — с традициями как раз державинской школы, на золотых ветвях которой вырос и созрел этот поэт, в качестве одного из самых благоуханных ее плодов [2]).

Д. Благой.

творчества Тютчева, книга Д. С. Дарского. М. 1914; яркая и интересная, но строющая свои положения на произвольно толкуемых цитатах статья Л. Гросмана, Тютчев и сумерки династий („Русск. Мысль“ 1918, I, 63-89); то же в книге „Три современника“ М., 1922, 5-31); наконец, ценная работа А. Лаврецкого, Взыскующий благодати (Ф. И. Тютчев. Поэт и поэзия) Сборник „Слово о культуре“. М., 1918, стр. 61-79, как и статья Франка, ставящая и убедительно разрешающая проблему органической целостности личности Тютчева и философско-психологического единства всего его творчества.

[1]) См. библиографию.

[2]) См. статьи Ю. Тынянова: Тютчев и Гейне „Книга и Революция“ 1922, № 4, (16) стр. 13-16 и К вопросу о традициях Тютчева (цитир. в книге Б. Эйхенбаума, Мелодика стиха. Петерб. 1922, стр. 90.

БИБЛИОГРАФИЯ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ.

В виду скудости литературы, непосредственно посвященной Тютчеву, и малой разработанности всех вопросов его жизни и творчества — представлялось целесообразным расширить его библиографию до возможных пределов.

Все нижеследующие библиографические указания распределены по трем группам. Группа *A* охватывает собрания сочинений, писем самого Тютчева и переводы его на иностранные языки (хронология появления отдельных стихов Тютчева в периодической печати приложена к полному собранию сочинений 1912 и 1913 гг. и здесь не повторяется). Группа *B* включает в себя исследования, статьи, рецензии и заметки, обращенные непосредственно к Тютчеву. Наконец, в группе *C* помещены сочинения и статьи, непосредственно к Тютчеву не относящиеся, но содержащие в себе всякого рода отметы и попутные упоминания, которые имеют то или иное значение для биографического или историко - литературного его изучения, либо дают представление о культурном размахе творчества Тютчева, диапазоне его распространенности и значимости [1]).

С глубокой благодарностью должен вспомнить любезность покойного профессора С. А. Венгерова, допустившего меня к разысканиям в своей картотеке, указания проф. А. И. Белецкаго, М. О. Гершензона, покойного Н. В. Недоброво, проф. Н. К. Пиксанова, Г. И. Чулкова и энергичное участие Софии Рафаиловны Виляк, создавшие самую возможность осуществления этой моей работы.

1819

C —— Летописи Общества. Труды Общ. любит. российск. словесности, ч. XII, 35, 40; ч. XVI, 9, 32. М.

1820

C —— Краткая история Московского университета с 5 июля 1819 по 5 июля 1820. Речи и отчеты. М.

[1]) Полнота этой последней группы претендовать на абсолютный характер, понятно, не может. Школьные учебники и хрестоматии в библиографию вовсе не введены.

1822

А **Ф. И. Тютчев**. Гектор и Андромаха (из Шиллера). Труды Общ. любит. росс. словесности, ч. II, 204 — 5 [1]).

С —— Краткая история Московского университета с июля 1821 по июль 1822. Речи и отчеты. М.

—— Летописи Общества. Труды Общ. любит. росс. словесн., ч. II, 265.

1827

С **кн. П. А. Вяземский**. Об альманахах 1827 года. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 33, 1879. СПб.

Делибюрадер [Д. П. Ознобишин]. Отрывок из сочинения об искусствах „Северная Лира" на 1827 год, стр. 358— 9.

1828

С **Д. Дубенский**. О всех употребляющихся в русском языке стихотворных размерах. Атеней, IV, № 14, стр. 119; № 15, стр. 149.

1830

С * * * [**кн. П. А. Вяземский**]. О московских журналах. Литературная Газета, № 8, стр. 60, II.

И. В. Киреевский. Обозрение русской словесности за 1829 г. Альманах „Денница", стр. XLI; то же: Полное собрание сочинений. М. 1861, стр. 31а.

Петр Киреевский. Отрывки из частных писем. О Шеллинге. Московский Вестник, ч. I, стр. 115.

1831

С * * * Русская литература. Московский Телеграф, № 4, стр. 538—9.

* * * Русские альманахи на 1831 год. Литературная Газета, № 16, стр. 132.

1836

С **Я. Неверов**. Обозрение русских газет и журналов за первую половину 1835 г. Журнал Министерства Народного Просвещения, июнь, стр. 618.

1837

С —— Литературные известия. Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. № 31, стр. 304.

1839

С **Н. Мельгунов**. Шеллинг (из путевых записок). Отечественные Записки, т. III; Науки, стр. 120 — 24.

1844

А * * * [**Ф. И. Тютчев**]. Lettre à m. le docteur Gustave Kolb, redacteur de la „Gasette Universelle"; то же: Русск. Архив 1873, II, и собрания сочинений Ф. И. Тютчева 1886, 1900 и 1912 гг.

---

[1]) Помещаем это указание ввиду отсутствия его в „Библиографии произведений Ф. И. Тютчева", составленной П. В. Быковым.

1846

C **Н. В. Гоголь.** В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность? Выбранные места из переписки с друзьями; то же: Сочинения, изд. XV. СПб., 1900, т. VII, стр. 184.

*** **[кн. Мещерский].** Les poètes russes traduits en vers français, 2 vol. Paris.

1848

C *** Фельетон. Русский Инвалид, № 197, стр. 786.

1849

A *** **[Ф. И. Тютчев].** Mémoire présenté à l'empereur Nicolas depuis la révolution de février, par un Russe, employé supérieur des affaires étrangères. Paris.

C —— Chronique de la Quinzaine, 14 juin 1849. Revue des deux Mondes, t. II, pp. 1053—56.

1850

A *** **[Ф. И. Тютчев].** La papauté et la question romaine au point de vue de Saint Pétersbourg, par un diplomate russe. Revue des deux Mondes, t. V, p. 117—133; то-же: Сочинения Ф. И. Тютчева. Изд. 1886, 1900, 1912 гг.

B **Н. А. Н—в [Н. А. Некрасов].** Г. Т. Ф—в и его стихотворения. Русские второстепенные поэты. Современник, № 1, отд. VI, смесь, стр. 56—74.

C *** Современные заметки. Современник, т. XXII, отд. VI, стр. 312.

1851

B **Издатель [Н. В. Сушков].** Примечание. Раут, ч. I, стр. 75.

1852[1]

B **Издатель [Н. В. Сушков].** Примечание. Раут, ч. II, стр. 204.

C *** Раут на 1852 г. Современник, т. XXXII, отд. IV, стр. 77—8.

1853

C **Ignotus [А. С. Хомяков].** Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de m-er Laurentie. Paris; то-же: Полное собрание сочинений А. С. Хомякова, т. II, стр. 33. М. 1900.

1854

A **Ф. Тютчев.** Стихотворения. Современник, т. XLIV, № 3 [с заглавным листом, оглавлением и отдельной нумерацией]. 58+2 ненум. стр.

„ „ Стихотворения, служащие дополнением к напечатанным в № 3 Современника. Там же, т. XLV, № 5, стр. 1—14.

„ „ Стихотворения с предисловием [И. С. Тургенева]. 2 нн.+139+2 нн. стр.

---

[1]) В этом же году автором предисловия к статье Тютчева „La papauté et la question romaine...“ в Rev. d. d. Mondes, Лоранси, выпущена брошюра, оспаривающая взгляды Тютчева. За отсутствием брошюры в России, точного названия ее установить не удалось.

В **И. Т.** [И. С. Тургенев]. Несколько слов о стихотворениях Тютчева. Современник, т. XLIV, № 4, отд. 3, стр. 23—6; то же: Полн. собр. сочинений Тургенева, т. XII, стр. 314 - 17.

*** Критика И. С. Т. Пантеон, кн. IV, отд. V, стр. 31.

*** Стихотворения Ф. Тютчева. Отечественные Записки, кн. VIII, отд. IV, стр. 55 — 75.

*** Поэтическая критика стихотворений г. Тютчева. Пантеон, кн. VIII, отд. V, стр. 5 — 6.

*** Девяносто два стихотворения Тютчева и одно Вяземского. Пантеон, кн. III, отд. V, стр. 17 — 18.

*** Стихотворения Ф. Тютчева (СПб., 1854). Библиотека для Чтения, литературная летопись, т. 127, отд. 6, стр. 1 — 5.

Новый поэт [И. И. Панаев]. „Повсюду царствовал покой" [пародия на стихи Тютчева „Восток белел"...]. Современник, т. XLVI; то же: Полное собрание сочинений, т. V, стр. 32.

С **Н. В. Сушков**. Обоз к потомству с книгами и рукописями. Раут, кн. 3-я, стр. 350 — 51.

Новый поэт [И. И. Панаев]. Заметки и размышления по поводу русской журналистики. Современник, т. XLVII.

*** „Дамский Альбом". Современник, т. XLIII, отд. 4, стр. 10 и 17.

*** „Раут Кн. 3-ья, 1854 г." Современник, т. XLIV, отд. 4, стр. 29, 33—4, 35.

*** „Современник 1854 г. №№ 3 и 4". Москвитянин, т. III, отд. IV, стр. 24 и 29.

*** Журналистика. Пантеон, кн. X, отд. 5, стр. 20 — 1.

*** Журналистика. Отечественные Записки, кн. VII, отд. IV, стр. 44—6.

Eugène Forcade. L'Autriche et la politique du cabinet de Vienne dans la question d'Orient. Revue des deux Mondes, t. VI, pp. 871—2, 886—893.

1855

А —— Стихотворения Ф. Тютчева: 1) Пошли, Господь, свою отраду; 2) Как птичка раннею зарей; 3) Дож Венеции свободной...; 4) На смерть Жуковского; 5) Проезжая через Ковно. Выбор из произведений современных писателей. Прибавления к Известиям Императ. Академии Наук по Отделению русского языка и словесности, т. IV, стр. 21 — 6 [1]).

С **Мих. Дмитриев.** Воспоминания о С. Е. Раиче. Московские Ведомости, № 141, литер. отд., стр. 577, I.

С. П. Шевырев. История Императорского Московского Университета, написанная к столетнему его юбилею, стр. 456, 462, М.

1856

С **М. П. Боткин.** Стихотворения Фета. Современник, т. LXI, отд. 3.

---

[1]) Помещаем это указание в виду отсутствия его в „Библиографии произведений Ф. И. Тютчева", составленной П. В. Быковым.

1857

С **П. В. Анненков.** Н. В. Станкевич, переписка его и биография, стр. 49. М.

1858

С **В. А. Жуковский.** Письма к Н. Н. Шереметевой. Библиографические Записки, т. I, № 22, стр. 678 и 685; то же: Полное собрание сочинений, письма.

М. Н. Лонгинов. Стихотворения А. Н. Майкова. Атеней, ч. III, стр. 217—18 то же: Сочинения, т. I. М. 1915, стр. 480—481; 436, 439.

1859

В **П. А. Плетнев.** Записка о действительном статском советнике Федоре Ивановиче Тютчеве. Ученые записки II Отделения Императорской Академии Наук, стр. LVII — LIX.

А. Фет. О стихотворениях Ф. Тютчева. Русское Слово, № 2, стр. 63 — 84.

С * * * Библиография. Русское Слово, т. V, стр. 67.

1861

А **F. J. Tjutschew's** Lyrische Gedichte in den Versmassen des Originals dem russischen nachgebildet von H. Noë. München.

Рецензии: 1) Bremer Sonntagsblatt 1862, № 4. 2) Deutsches Museum 1862, № 12. 3) Novellenzeitung 1862, № 20. 4) Morgenblatt zur Bayer. Zeitung 1862, № 138. 5) Blatt für litter. Unterhaltung 1863, № 9 [1]).

С **И. В. Киреевский.** Полное собрание сочинений, т. I, стр. 54, 56, 58—9 и 31а. М.; то же: под ред. М. Гершензона. М., 1910.

* * * Юбилей князя Вяземского. Северная Пчела, № 83.

1862

С **Н. А. Добролюбов.** Собрание сочинений; то же изд. 1871, 1885 и 1912 [именной указатель].

1865

С **А. В. Дружинин.** Собрание сочинений, т. VI, стр. 803; т. VII, стр. 258, 267, 286, 487 — 8, 495 и 497. СПб.

1866

А **Tjutschew.** In's Stammbuch von Hanca, aus dem russischen übers. von Streblov. Slavische Blätter, № 4.

В **кн. П. А. Вяземский.** Послание Плетневу и Тютчеву. Утро, стр. 145—158. М.

С **П. Бартенев.** Пушкин в южной России. Русский Архив, стр. 1154; то же отд. изд. М. 1911.

—— Выдержки из старых бумаг Остафьевского Архива; письмо В. А. Жуковского. Русск. Арх., стр. 1074.

---

[1]) По данным картотеки С. А. Венгерова.

1867

B **П. Б[артенев]**. На новый 1855-ый год. Русск. Арх., стр. 1638 — 9.

C **Julian Klaczko**. Le congrès de Moscou et la propagande panslaviste. Revue des deux Mondes, t. LXXI, pp. 157 — 9 et 165.

1868

A **Ф. Тютчев.** Стихотворения. 2 ненум. + 250 + V стр. М. [1]).

Отзывы: 1) Русский Вестник, т. 77, № 9, стр. 360—64. 2) Русский Инвалид, № 113, стр. 3, V. 3) Всемирная Иллюстрация 1869, т. I, № 5.

—— Два рассказа из истории 1812 года. Русский Архив, X, стр. 1676.

1869

B **Ф. Н. Глинка.** Ф. И. Тютчеву. Сочинения, т. I, стр. 482 - 3. М.

М. П. Погодин. Петербургские заметки. Газета „Русский", № 37, стр. 4.

1870

C **Н. Страхов**. Критика. „Заря", сент., стр. 129.

1871

C **М. И. Жихарев**. Петр Яковлевич Чаадаев (из воспоминаний современника). Вестник Европы, т. V, стр. 41.

А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами, стр. 5. Киев.

1872

C **М. П. Погодин.** В память о П. А. Муханове. Русская Старина, II, 337.

1873

A **Ф. И. Тютчев**. О цензуре в России. Письмо к одному из членов Государств. Совета. Русский Архив. I, 607 — 632; то же: Собрания сочинений Ф. И. Тютчева, изд. 1886, 1900 и 1912 гг.

„ „ Россия и революция (записка). Русск. Арх. I, 895—0831; то же: Собрания сочинений.

„ „ Россия и Германия, письмо к издателю „Всеобщей Аугсбургской Газеты", г. Кольбу. Русск. Арх., II, 1993 — 2042; то же: Собрания сочинений.

B **Н. В. Гербель.** Ф. И. Тютчев. Русские поэты в биографиях и образцах, стр. 345 — 351, СПб.; то же, 2-ое испр. и дополн. изд., стр. 336, II — 344, I, 1880, СПб.

Н. Ф. Щербина. Вопль Ф. И. Т[ютчева]. Полное собрание сочинений, стр. 408. СПб.

---

[1]) Выпущены в двух видах — полном и с исключениями. Подробнее в статье проф. Брандта. Материалы для исследования Ф. И. Тютчев и его поэзия. Известия Отделения русск. языка и словесн. И. Акад. Наук 1911, т. XVI, кн. II, стр. 140-41.

Некрологи: 1) **кн. Мещерский**. Гражданин, № 31, стр. 847 — 8. 2) **А. В. Никитенко**. Русская Старина, т. VIII, стр. I —IV, 253—255. 3) **М. П. Погодин**. Московские Ведомости, №№ 190 и 195. 4) **М. С[тасюлевич]**. Вестник Европы, кн. 8, стр. 847 — 850. 5) *** Всемирная Иллюстрация, № 244. 6) *** Русский Вестник, т. 106, № 8, стр. 834 — 37. 7) *** Петербургская Газета, № 42. 8) *** СПб. Ведомости, № 197. 9) **Baron Pfeffel**. L'Univres 6/VIII. 10) *** Journal de St. Pétersbourg, 18/VII.

С **Léon Boré**. Souvenirs de voyage. L'union de l'ouest, № 12.

1874

В **И. С. Аксаков**. Федор Иванович Тютчев (биографический очерк). Русск. Архив, II, 1 — 406 стр.; то же: Отд. изд. М. 1886.

Отзывы: „Голос" № 294 „Граждан." № 49.

А . . . Ф. И. Тютчев (И. С. Аксаков. Ф. И. Тютчев). Русский Вестник, т. 114, № 11, стр. 403 — 437.

*** Выдержки из частного письма по поводу кончины Ф. И. Тютчева. Русск. Арх., I, 1374 — 6.

С **Ред.** Александр Иванович Красовский. Русск. Стар. I, 106.

1875

В **И. Аксаков**. Ф. И. Тютчев и его статья „Римский вопрос и папство". Православное Обозрение, т. 3, № 9, стр. 76—98 и № 10, стр. 325—344.

Павел Ч — в. Тютчев и Гейне. Русск. Арх. I, 128.

*** Несколько слов о Ф. И. Тютчеве и его воззрениях на церковно-политический вопрос запада. Православное Обозрение, т. 3, № 9, стр. 58 — 75.

С **Варнгаген фон-Энзе**. Из дневников. Русск. Арх. II, 346, 350 — 51.

Г. Н. Геннади. Из справочного словаря. Краткие сведения о русских писателях и ученых, умерших в 1873 г. Русск. Арх. III, 467 — 8.

О. А. Пржецлавский. Воспоминания — ценсура. Русск. Старина, IX, 153.

*** [П. А. Вяземский]. Из старой записной книжки, начатой в 1813 г. Русск. Арх. I, 68 — 9; там же: 1876 г. I, 200; II, 211; III, 155.

М. О. Семенов. Воспоминания об А. Н. Муравьеве, Киев; то же: Русск. Архив 1895, II, 76.

A. Strodtmann. H. Heine's Leben und Werke. B. II. 96.

*** **[А. Д. Баратынская]**. Translations from russian and german poets by a russian lady. Bad.-Bad.

1876

В **Я. Полонский**. Памяти Ф. И. Тютчева. Гражданин, № 36.

С **кн. П. А. Вяземский**. Жуковский в Париже. Русск. Арх. I, 100.

Аполлон Григорьев. Сочинения под ред. Н. Страхова [именной указатель]; то же 1915. М.

1877

С **проф. И. Н. Березин**. Тютчевы. Русский энциклопедический словарь, т. II, стр. 740. СПб.

Ф. М. Достоевский. Смерть Некрасова; о том, что было сказано на его могиле. Дневник писателя; то же: Полное собрание сочинений. СПб. 1886, т. V, стр. 747.

М. де-Пуле. Николай Иванович Второв. Русск. Арх. II, 430.

—— Роспись содержанию „Русского Архива“ за первые 15 лет его издания, 1863 — 1877, стр. 71 и 95. М.

1878

С **Петр Бессонов.** Кн. В. А. Черкасский. Русск. Арх. II, 218.

—— Граф Остерман-Толстой. Русск. Арх. I, 362.

—— Приключения лифляндца в Петербурге. Русск. Арх. I, 448.

1879

А **Ф. И. Тютчев.** Стихотворения с предисловием И. С. Аксакова. Русск. Арх. II, 118 — 138; то же отдельн. оттиск, 21 стр.; там же Отрывки из переписки Тютчева с кн. И. С. Гагариным.

В **П. Б[артенев].** На взятие Варшавы, стихотворение Ф. И. Тютчева. Русск. Арх. I, 385—6.

С **кн. П. А. Вяземский.** Полное собрание сочинений, т. II, стр. 33. СПб.; т. X, стр. 32, 54, 163, 166, 170, 174, 229. 1886. СПб.

А. Ф. Мерзляков. Письмо к П. А. Новикову, сообщил А. Ф. Бычков. Русск. Старина, т. XXVI, стр. 350.

1880

С **А. П. Милюков.** К портрету шести русских писателей. Русская Старина, т. XXVII, стр. 854.

В. В. Стасов. Воспоминания об А. А. Иванове. Сборник—Ал. Андр. Иванов, его жизнь и переписка. СПб.; то же: Собрание сочинений В. В. Стасова, т. II, отд. IV, стр. 235. 1894 г. СПб.

*** Москва, 22 ноября. Русь, № 2, стр. 4, I.

1882

С **Д. И. Завалишин.** Записки. Русск. Старина I, 20 и 41.

1883

А **Ф. И. Тютчев.** Стихотворения с предисловием П. Б[артенева]. М. X+226 стр.

1884

В **В. Соловский.** Жизнь и деятельность Ф. И. Тютчева. Тамбовские Губернские Ведомости, №№ 60 — 63.

С **Петр Бартенев.** А. Ф. Томашевский. Русск. Архив, I, 245.

Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину. Нива, стр. 138, II.

Ф. Тимирязев. Страницы прошлого. Русск. Арх. I, 301.

А. С. Хомяков. Письмо. Русск. Арх. III, 217 — 18.

*** **[Павловский].** Воспоминания об И. С. Тургеневе. Русский Курьер, № 150, стр. 137.

1885

B **П. Б[артенев]**. Неизданное стихотворение Ф. И. Тютчева из Манцони. Русс. Арх. II, 321.

Я. П. Полонский. Ф. И. Тютчеву. Стихотворения, стр. 255. СПб.

*** Ответ москвичей [на стихи Тютчева „Москвичам“]. Русск. Арх. III, 298.

C **П. А. Плетнев**. Сочинения и письма, т. III, стр. 390, 401, 404, 416 — 17, 422, 467, 469, 470 - 2, 473, 478, 480, 516, 532, 608, 621, 640, 659, 665 и 738.

Д. В. Поленов. Из писем, 1832 — 35. Русск. Арх. III, 124.

Николай Ратынский. Историческая справка по поводу празднования Орловским дворянством столетия со дня пожалования дворянской грамоты. Русск. Арх. II, 0167.

Гр. Е. П. Ростопчина. Дом сумасшедших, шутка-сатира. Русск. Старина, т. XLV, 697; то же: отд. изд. Универс. библиотека, № 537. М.

Темме. Из записок. Александр I и Николай I. Русск. Старина, I, 201.

И. С. Тургенев. Первое собрание писем, стр. 71, 92, 99, 147, 160, 174, 201, 205, 207, 213, 246.

1886

A **Ф. И. Тютчев**. Стихотворения, новое издание Русского Архива, XII+210 стр. М.

„ „ Сочинения. Стихотворения и политические статьи, XIV+584 стр. СПб.

„ „ Папство и римский вопрос с русской точки зрения. Русск. Арх. II, 33 — 51.

„ „ Острословия Ф. И. Тютчева и Н. Ф. Павлова. Русск. Арх. III, 432.

B **И. С. Аксаков**. Биография Федора Ивановича Тютчева. 327 стр. М.

Отзывы: **Н. Н. Страхов**. Новое Время, 4/IX; то же: Заметки о Пушкине и других поэтах, 1888; 2-ое издание, 1897.

Петр Бартенев. Заметки, 2. Русск. Арх. I, 535.

П. Б[артенев]. О новом издании сочинений Тютчева. Русск. Арх. III, 534—36.

Кн. Мещерский. О новом издании сочинений Тютчева. Гражданин, № 11.

C **Гр. В. А. Сологуб**. Воспоминания. Исторический Вестник, VI, 560 — 61; то же, отд. изд., стр. 215 — 16, 1887. СПб.

Теобальд [В. фон-Роткирх]. Поляки о Польше. Русск. Арх. III, 552.

—— Из бумаг А. Н. Попова. Русск. Арх. I, 353 — 56.

1887

B *** Ф. И. Тютчев. Биография и характеристика. Нива, № 1, стр. 16 и 19.

C **П. Анненков**. Из переписки с И. С. Тургеневым в 60-х годах. Вестник Европы, кн. I, 17.

П. Б[артенев]. Еще загробный голос А. С. Пушкина. Русск. Арх. I, 146.

В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II, стр. 559 — 573. СПб.

1888

А —— Острое слово Ф. И. Тютчева. Русск. Арх. I, 643.

В **Н. В. Гербель.** Ф. И. Тютчев. Русские поэты в биографиях и образцах, изд. 3-ье под ред. Полевого, стр. 282, II — 288, I; там же: Апухтин „Памяти Ф. И. Тютчева“, стр. 528, II.

Н. Страхов. Ф. И. Тютчев. Заметки о Пушкине и других поэтах; то же: 2-ое изд., стр. XVI, 130, 269 — 271, 1897. Киев.

С **И. С. Аксаков** в его письмах, т. I, 6. М., т. III, 115 и 432, 1892. М.; т. IV (указат.), 1896. СПб.

Николай Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. I. СПб., тт. II — XXII вышли до 1910 г. [при XXII т. указатель ко всем томам].

G. Karpeles. Heinrich Heine's Autobiographie, S. 242 — 3. Berl. 2-te Aufl. 1899. Leipz.

Сенатор К. Н. Лебедев. Из записок. Русск. Арх., II, 0364.

А. В. Никитенко. Дневник. Русская Старина, 1888 и след. годы; то же: отд. издания 1893 и 1905 гг. [при последнем указатель].

Мих. Семевский. Аполлон Николаевич Майков. Русск. Старина, LVIII, 290.

Вл. Стасов. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним. Северный Вестник, X, 175.

В. И. Шенрок. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь; письма к Гоголю Смирновой. Русск. Старина, тт. LVIII, 67; LIX, 50; LX, 133, 146.

1889

В **Friedrich Fiedler.** Der russische Parnass. Dresd. und Leipz. S. 73 — 78.

С **Гр. А. Д. Блудова.** Воспоминания. Русск. Арх. I, 61.

Гр. Граббе. Дневник. Русск. Арх. I, 494а; II, 639а; III, 712а.

А. Л. Зиссерманн. Фельдмаршал кн. А. И. Барятинский. Русск. Арх. II, 431.

Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. II, СПб.

—— Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849 — 1852 гг. Русск. Стар. LXIV, 132.

—— Из бумаг Н. П. Гилярова - Платонова. Письмо И. С. Аксакова. Русск. Арх. III, 421 и 424.

1890

В **П. Б[артенев].** Острословия. Русск. Арх. III, 111.

С **С. Н. Браиловский.** Туманский. Пантеон Литературы, т. IX, стр. 3.

А. Скабичевский. Сочинения в двух томах, СПб. [при 2-м т. указатель]; то же, изд. 1893 и 1903 гг.

Евгений Скайлер. Граф Л. Н. Толстой, воспоминания. Русск. Стар., т. LXVIII, 631 — 2.

А. Фет. Мои воспоминания, т. I, стр. 89, 134 — 5, 233, 283, 337, 349, 448—9; т. II, стр. 1 — 5, 88, 277, 278 — 9, 281, 310, 323.

1891

А **G. S.** „Фонтан“ Тютчева, перевод на лат. язык. Журн. Министерства Народн. Просвещения, VI, отд. классич. филологии, стр. 80.

С **О. М. Бодянский**. Выдержки из дневника. Сборник Общ. Любит. Росс. Словесности, стр. 112 и 123. М.

М. П. Боткин. Статьи по литературе. Пантеон Литературы, IX, 392.

Протопопов. Женское творчество. Русск. Мысль, II, 165 — 6.

Гр. Сергей Шереметев. Князь П. А. Вяземский. Русск. Арх. I, 499.

1892

С **П. Б[артенев]**. Письмо А. С. Стурдзы к М. П. Сумароковой. Русск. Арх. II, 482.

Константин Бутенев. В. П. Титов. Русск. Арх. I, 89 — 90.

Висковатов. Сжатый обзор истории новой русской литературы. Дерпт.

1893

С **Д. В. Григорович**. Литературные воспоминания. Русск. Мысль, I, 31, и II, 76.

Д. С. Мережковский. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы, стр. 31, 42, 45, 68, 93 — 4. СПб.

А. С. Пушкин и Гоголь. Неизданные исторические документы. Северный Вестник, № 1, стр. 231 и 242.

Ю. Б. Памяти Фета. Русск. Арх. I, 182.

1894

С **С. М. Сухотин**. Из памятных тетрадей. Русск. Арх. I, 226, 422, 427, 602; II, 145, 147, 250, 252; III, 59.

И. С. Тургенев. Из переписки с семьею Аксаковых. Вестник Европы, II, 478, 482.

А. Чуликов. Наша политика накануне франко-прусской войны 1870 г. Русск. Арх. II, 323.

—— Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу, стр. 103. М.

—— Письма братьев Киреевских. Русск. Арх. III, 214, 218, 219, 223.

1895

В **Василий Величко**. Памяти поэтов старого времени: I. Ф. И. Тютчев (стихи). Вестник Европы, IV, 734.

Пл. Краснов. Поэт мировой жизни. Книжки Недели, № 5, стр. 153 — 172.

Владимир Соловьев. Поэзия Ф. И. Тютчева. Вестник Европы, IV, 736 — 52; то же: Сборник — Философские течения русской поэзии, изд. 1896 и 1899 гг., стр. 179 — 196; то же: Полное собрание сочинений.

*** К памяти Тютчева. Новое Время, № 6829.

С **А. А. Потебня**. Язык и народность. Вестник Европы, IX, 14 — 15; то же: Из записок по теории словесности, стр. 170 — 71.

А. О. Смирнова. Записки. Северный Вестник, № 11, стр. 116 — 17; то же: отд. изд. 1910 г.

Н. Ф. Сумцов. Этюды об А. С. Пушкине, вып. III, стр. 48 — 50. Варш.

—— А. Н. Муравьев в последние годы своей жизни. Русск. Арх. II, 76.

—— Письма И. С. Аксакова к А. О. Смирновой. Русск. Арх. III, 431, 469, 474.

—— Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. Русск. Арх., прилож., 301, 302.

1896

С **А. Б[огдановичъ]**. Критические замечания. Мир Божий, VII, 238 — 9.

Кн. П. А. Вяземский. Письма к Северину. Русск. Старина, т. 85, 89—90, 95.

В. А. Муханов. Из дневника. Русск. Арх. III, 166; там же: 1897 г. I, 46, 54, 84, 98.

А. О. Россет. Из писем А. О. Смирновой. Русск. Архив I, 302 — 4, 309 — 10, 365 — 6, 371, 385.

—— Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, тт. I — III [указатель при третьем томе].

—— Философские течения русской поэзии, составил П. Перцов, стр. 117, 179 — 208, 213, 214 — 217, 223 — 24, 226, 262, 284, 287, 300, 302, 350. СПб.; то же: 2 ое издание, 1899. СПб.

—— Граф Е. Е. Комаровский. Русск. Арх. II, 411.

1897

В *** Ф. И. Тютчев и кн. Вяземский о Муравьеве. Московские Ведомости, № 272.

*** Саратовский Дневник, № 17.

С **Кн. П. А. Вяземский.** Письма (из бумаг П. Я. Чаадаева). Старина и Новизна, кн. I, 209 и 212. СПб.

Кн. Мещерский. Мои воспоминания, ч. I, 63, 201, 217, 324 — 8, 332 — 3, 411 — 12, 420 — 21, 441—42; ч. II, 48 — 9, 87 — 8, 164, 194 — 204. 1898; ч. III, 252. 1912 г.

Н. Ф. Павлов. Письма к С. П. Шевыреву. Русск. Арх. I, 559.

С. Уманец. Из воспоминаний об А. Н. Майкове. Исторический Вестник, V, 467 - 9.

О. Б. Императрица Александра Федоровна. Русск. Арх. I, 511.

*** Воспоминания о кн. А. А. Суворозе-Рымникском. Русск. Арх. II, 142.

*** Из писем А. О. Смирновой. Русск. Арх. II, 620, 627; III, 124, 132.

*** Из бумаг гр. М. Н. Муравьева-Виленского. Русск. Арх. III, 394.

1898

А —— Из писем Ф. И. Тютчева. Русск. Арх. III, 556 — 68.

В **В. Я. Брюсов**. О собрании сочинений Ф. И. Тютчева. Русск. Арх. III, 249—60.

П. Ф. Гриневич [Якубович]. Итоги двух юбилеев. Русск. Богатство, VIII.

И. С. Тютчев. Сочинения, т. XII, 302, 314—317.

*** Памяти забытого поэта-славянофила. Газета Волынь, № 79.

Юбилейные заметки: 1) Русская Мысль, VII, 203—4. 2) Нива, № 30. 3) Живописное Обозрение, № 28. 4) Жизнь и Искусство, № 14. 5) Московские Ведомости, №№ 191, 194, 202 и 209. 6) Новое Время, № 8003. 7) СПб. Ведомости, № 191. 8) Петербургский Листок, № 191. 9) Сын Отечества, № 193. 10) Русские Ведомости, № 134. 11) Народ, №№ 558, 560, 626, 627. 12) Новости, № 345.

С **М. С. Щепкин.** Воспоминания о И. С. Тургеневе в с. Спасском. Историч. Вестник, IX, 913.

1899

А **Ф. И. Тютчев.** Стихотворения с предисловием П. Б[артенева]. XVI+272 стр.
—— Из писем Ф. И. Тютчева. Русский Архив, I, 269 — 280, 505 — 520, 648 — 658; II, 92 — 105, 271 — 286, 584 — 606; III, 150 — 169, 422 — 436, 633.

В **Аммон.** Несколько мыслей о поэзии Тютчева. Журн. Минист. Народн. Просвещения, VI, 446 — 70.

В. Я. Брюсов. Стихи на появление английского флота под Петербургом. Русск. Архив, III, 609.

Липовский. Характеристика поэтического творчества Ф. И. Тютчева. Отчет о состоянии гимназии и реального училища К. Мая в 1897—8 гг., приложение.

*** Один из пушкинской плеяды. Московские Ведомости, № 212.

Юбилейные заметки: 1) День, № 332. 2) Голос, № 306. 3) Московские Ведомости, №№ 87, 343, 351, 352. 4) Новое Время, №№ 8291, 8367, 8420, 8511, 8540, 8541. 5) Одесские Новости, № 8524.

С **А. В. Мезиер.** Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. Библиографический указатель, стр. 426, II. СПб.

М. Назимова и П. Б[артенев]. Двор вел. княг. Елены Павловны. Русск. Арх. III, 311, 318.

А. И. Заметка о Д. П. Северине. Русский Архив, II, 448, 450.

*** Из воспоминаний. Русский Вестник, X, 548.

—— Остафьевский Архив князей Вяземских, т. IV, 286, 290, 298, 300 — 301, 309, 313, 322, 324, 326 — 27, 333. СПб.

1900

А **Ф. И. Тютчев.** Стихотворения и политические статьи, изд. 2-ое, исправл. и дополненн. 2 ненум.+622+X стр. СПб.
Рецензия: Новый Мир, № 25, Соврем. летопись, стр. 8, IV.

„ „ Письма к П. Я. Чаадаеву с предисловием В. Я. Б[рюсова]. Русск. Архив, III, 410 — 420.

В **А. Н. Апухтин.** Памяти Ф. И. Тютчева. Сочинения, стр. 264.

В. Я. Брюсов. По поводу нового издания сочинений Ф. И. Тютчева. Русск. Архив, I, 405 — 20.

„ „ Некрасов и Тютчев. Русск. Арх. I, 312 — 15.

В. Б[рюсов]. Silentium, стихотворение Ф. И. Тютчева. Русск. Арх. II, 420—21.

Проф. Н. Сумцов. Пушкин и Тютчев. Харьк.

С **Валерий Брюсов.** Поэзия Владимира Соловьева. Русск. Архив, II, 54 — 57.

Кн. А. В. Мещерский. Из моей старины. Русск. Архив, II, 252; там же 1901, I, 101, 473—475.

А. С. Хомяков. Полное собрание сочинений, т. VIII, письма, стр. 54, 143, 200 — 201. М.

Проф. И. Шляпкин. Берлинские материалы для истории новейшей русской литературы. Вестник Всемирной Истории, № 6, стр. 84.

1901

А **Ф. И. Тютчев.** Записки к А. Н. Майкову. Северные Цветы, стр. 142—43. М.

В **А. Н. Майков.** Ф. И. Тютчеву. Полное собрание сочинений, стр. 398. СПб.

С **Введенский.** Реальность внешнего мира. Вера и Разум, № 7, стр. 302 — 3.

Гр. Капнист. Сочинения, т. I, стр. CXXXIII—IV; т. II, стр. 348 — 9. М.
Рецензия: Вестник Всемирной Истории, № 4, стр. 242—45.

Н. Мартов. Галлерея русских писателей и художников с пушкинской эпохи до наших дней. СПб, стр. 18 — 19.

М. П. Погодин. Письма к князю П. А. Вяземскому. Старина и Новизна, кн. IV, стр. 50, 55 — 57, 68, 70, 73 — 74, 78, 104, 130. СПб.

М. С. Сабинина. Из записок. Русск. Арх. II, 274 — 75; там же: 1902. I, 336.

А. Н. Сальников. Русские поэты за сто лет в портретах, биографиях и образцах. СПб., 113 — 117.

С. П. Шевырев. Письма к князю П. А. Вяземскому. Старина и Новизна, кн. IV, 147. СПб.

—— Галлерея русских писателей, текст редактировал И. Игнатов. М. 248 — 9 стр.

—— Настольный энциклопедический словарь, изд. товар. бр. А. и И. Гранат, т. IX, стр. 4842, I. М.

—— Каталог книжной торговли Шибанова, № 105.

1902

А —— Тютчев, Ф. И., и Аксаков, И. С. — родные поэты, изд. о-ва распространения полезных книг, 64 стр. М.

В **М. Бородкин.** Славянофильство Тютчева и Герцена. Речь, произнесенная на торжеств. заседании Славянского Благотворительного Общества 11/V. 1901 г. 40 стр. СПб.
Рецензии: 1) **П. Щ[еголев].** Исторический Вестник, стр. 725—27.
2) **А. П[ыпин].** Вестник Европы, VI, стр. 877—80.

А. Горнфельд. Тютчев, Ф. И. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXIV, стр. 370 — 74. СПб.

П. Б[артенев]. Примечание [к стихам: Стоим мы слепо пред судьбою]. Русск. Арх. II, 480.

С **Апраксин.** Страницы великой жизни. Русск. Вестник, № 5, стр. 135.

А. Волынский. Современная русская поэзия. Северные Цветы, стр. 229, 230 — 31, 232, 233, 234, 236, 241, 242.

В. З. Завитневич. Алексей Степанович Хомяков, т. I, кн. II, стр. 1251 — 61. Киев.

В. Каллаш. Puschkiniana, стр. 44. Киев.

В. Ф. Саводник. Забытый поэт пушкинской плеяды — Туманский. Русск. Вестник, II, 544.

Гр. Л. Н. Толстой. В. фон Поленц, Крестьянин, роман. Предисловие, стр. X. М.

—— Из писем к В. А. Жуковскому. Русск. Арх. II, 456.

1903

А **Ф. И. Тютчев.** Биографический очерк и избранные стихи, 3 стр., тираж 100,000 экз. М.

—— К юбилею Ф. И. Тютчева: портрет и факсимиле, стихи, записочки. Новый Путь, XI, 1 — 15.

В **В. Я. Брюсов**. Легенда о Тютчеве. Новый Путь, XI, 16 — 30.

„ „ Ф. И. Тютчев. Летопись его жизни, I — VI. Русск. Арх., III, 481—498 и 641 — 652 [1]).

„ „ Тютчев и князь Вяземский. Русск. Арх. II. 289.

А. Горнфельд. На пороге двойного бытия. Журнал для всех, VI, 641 — 54.

П. Ф. Гриневич [Якубович]. Тютчев (1803—1903). Русск. Богатство, VII, 1—24; то же: Очерки русской поэзии, стр. 213—240, 1904. СПб. и 2-ое изд. 1911. СПб.

Отзыв: Образование, 1904, XI, 127.

В. Ф. Саводник. К стихам Ф. И. Тютчева, примечания. Северные Цветы, 189—191. М.

Ф. Т. [**Ф. Ф. Тютчев**]. Федор Иванович Тютчев. Материалы к его биографии. Исторический Вестник, VII, 189 — 203.

* * * Предтеча символистов. Нижегородский Листок, № 354.

Юбилейные заметки: 1) Нива, № 49. 2) Живописная Россия, № 152. 3) Русский Вестник, № 14. 4) Литературный Вестник, т. VI, кн. 7 — 8. 5) Московские Ведомости, №№ 104, 106, 200, 309, 321, 322, 323. 6) Русские Ведомости, №№ 107, 310, 322, 323, 324, 326, 328. 7) Петербургские Ведомости, №№ 102, 107, 321. 8) Новое Время, №№ 9739, 9944, 9957, 9959, 9963 и 9993. 9) Курьер, № 79. 10) Биржевые Ведомости, №№ 581, 587. 11) Русь, № 4. 12) Волжский Вестник, № 246. 13) Одесские Новости, №№ 6147, 6148, 6149, 6152, 6156. 14) Киевский Отклик, № 3. 15) Новости, №№ 311, 319, 324, 325, 326, 327, 328. 16) Орловские Ведомости, №№ 312, 324 [2]).

С **Братчик**. Графиня Блудова. Русский Вестник, IV, 678.

В. Брюсов. Urbi et Orbi, четвертая книга стихов. М.

„ „ А. Я. Бакулин. Русск. Арх. I, 439.

Васильев. Русское миросозерцание (чтение об А. С. Хомякове). Всемирный Вестник, XII, 1 и 48.

Пав. Матвеев. И. С. Тургенев. Русск. Стар., XII, 635.

И. М. Снегирев. Дневник. Русск. Арх. III, 275, 531; там же 1904, III, 217; 1905, I, 303, 498, 503.

Гр. Шереметев. Село Остафьево. Русск. Вестник. I, 127.

Проф. И. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина, стр. 259, 262 и 284.

* * * Бальмонт, Будем как солнце. Мир Искусства, № 7 — 8.

—— Дневники В. А. Жуковского, с примечаниями И. А. Бычкова, стр. 55, 415, 428, 429 — 30, 431, 432, 433, 435, 468 — 69. СПб.

—— Сборник сатирических стихотворений шестидесятых годов. Отчет Московских Публичного и Румянцевского Музеев за 1902 г., стр. 32. М.

Olga Lanceray. Anthologie des poètes russes, traduits en vers français, vol. II. СПб.

---

[1]) Окончание см. под 1906 годом.

[2]) Для большинства провинциальных газет, данныя по картотеке С. А. Венгерова.

1904

А **[Ф. И. Тютчев]**. „Когда-то я была майором“. Старина и Новизна, VIII, 57.

В **М. Бородкин.** О поэзии Тютчева. Харьк.

Н. Васин. Тютчев. Педагогический Листок, I.

Н. Глокке. Ф. И. Тютчев. Педагогическая Мысль, вып. II, 127 — 51.

С. Иваненко. Памяти Ф. И. Тютчева (стихотворение). Русск. Арх. I, 512.

Л. Мельшин [П. Якубович]. Очерки русской поэзии, стр. 213—40. СПб.
Рецензия: Образование, XI, 127.

В. Покровский. Федор Иванович Тютчев. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей, 59 стр. М.; то же: 2-ое изд. 1911.
Рецензия: **В. Брюсов.** Весы, VIII.

Свящ. И. Филевский. Религиозно-философские воззрения Ф. И. Тютчева (набросок к 100-летнему юбилею его рождения). Мирный Труд; то же: отд. издание.
Рецензия: Русская Мысль, 1905, 156.

Дмитрий Языков. Федор Иванович Тютчев, его жизнь и поэзия. Историко-литературный очерк с приложением подробного библиографического указателя. М.
Рецензии: 1) Литературные прибавления к Ниве, VI. 2) **Брандт.** Материалы [см. 1911 г.], стр. 137.

*** Столетие со дня рождения Тютчева. Весы, I.

С **К. Д. Бальмонт.** Горные Вершины, сборник статей, кн. I, стр. 64, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 83 — 88. М.

М. Бородкин. Памяти В. Л. Величко. Русск. Вестник, II, 12.

А. Л. Волынский. Книга великого гнева, стр. 203 - 7, 213, 235 и 428. СПб.

Зинаида Гиппиус. Собрание стихов, кн. I, предисловие. М.

Вячеслав Иванов. Поэт и чернь. Весы, III.

И. Коневской. Стихи и проза, стр. 64, 69, 199 — 219. М.

Мих. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859 — 1865 гг. СПб., стр. 263, 287, 288, 451, 457, 458, 459, 460.

„ „ Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., стр. 11, 331, 336, 338, 346, 353 — 58.

И. Г. Советов. Литературный указатель, справочная книга. М., стр. 207.

—— Письма кн. П. А. Вяземского к Е. Ф. и Д. Ф. Тютчевым. Старина и Новизна, т. VIII 79 — 81.

*** Цензура в царствование императора Николая I. Русск. Стар. II, 443.

1905

А **Ф. И. Тютчев** и его поэзия, под ред. Е. П. Ковалевского, изд. учрежденн. по высочайш. повелению Постоянной Комиссии народн. чтений, 20 стр. СПб.
Рецензия: Журнал Минист. Народн. Просвещения, 1906, XII, отд. III, 202 — 4.

F. J. Tjutschew. Gedichte im Versmass der Urschrift von Friedrich Fiedler, 80 S., Leipzig.

В **Ю. Айхенвальд**. Тютчев. Литературные силуэты. Научное Слово, VIII — IX, 137—149; то же: Силуэты русских писателей, вып. I, стр. 107—119, 1906 г. М.

Рецензии: Весы, 1905, XII; там же 1906, I.

С **Петр Васильевич Киреевский**, его письма. Русск. Арх. II, 116, 119, 121—22, 125, 130 - 31 [1]).

А. Ф. Тютчева. Письма в Москву к К. П. Победоносцеву и к сестре Е. Ф. Русск. Арх. II, 283 — 86.

—— Из записок декабриста Якушкина. Всемирный Вестник, III и IV, стр. 88 и 104.

1906

В **В. Брюсов**. Ф. И. Тютчев, летопись его жизни, VII — VIII. Русск. Арх. III, 310 — 20.

Е. В. Петухов. Ф. И. Тютчев. Жизнь и творчество. 24 стр. Юрьев.

С **А. Горнфельд**. Муки слова; то же: Вопросы теории и психологии творчества, I. 1917. Харьк.

Драганов. Некрасов и Муравьев. Русск. Вестник, XI, стр. 35 и 71 — 5.

1907

В **Р. Брандт и П. Б[артенев]**. А. С. Норову, стихи Ф. И. Тютчева. Русск. Арх. I, 276.

К. В. Покровский. Памяти Тютчева. Древности, труды Славянской Комиссии Импер. Моск. Археолог. Общ., т. IV, вып. I, протоколы, стр. 29. М.

С **С. А. Венгеров**. Очерки по истории русской литературы. СПб., 65 стр.

И. В. Киреевский. Письма домой в Москву из чужих краев. Русск. Арх. I, 78, 83.

П. Кропоткин. Идеалы и действительность в русск. литературе, стр. 203—204.

Ю. Ф. Самарин. Два письма к С. П. Шевыреву. Русск. Арх. III, 432.

1908

В **Юбилейные статьи и заметки**: 1) Минувшие Годы, IV, 139; VIII, 244; XI, 146; XII, 236. 2) Московские Ведомости, №№ 163 и 250. 3) Слово, № 509. 4) Речь, № 143. 5) Церковные Ведомости, №№ 47 и 48.

С **П. Б[артенев]**. Императрица Мария Александровна. Русск. Арх. III, 299.

Б. Модзалевский. Список членов Императ. Академии Наук. СПб., стр. 216, 399.

Андр. Шемшурин. Стихи В. Брюсова и русский язык, стр. 119 — 140. М.

—— За кулисами дипломатии. Сообщил Ю. С. Карцев. Русск. Стар. I, 96.

—— Русский Архив, издаваемый Петром Бартеневым 1863 — 1908. Содержание его книжек и предметная роспись с азбучным указателем, стр. 63, II. М [2]).

---

[1]) В указателе к Русск. Арх. на 1905 г. даны неверные цифры: 117—125, 131.

[2]) Кроме того, см. именные указатели при двенадцатых книжках за все годы.

1909

B **П. В. Быков.** Вдумчивый поэт. Нива, № 19.

А. Г. Горнфельд. Федор Иванович Тютчев. История русской литературы XIX в. под ред. Овсянико-Куликовского, т. III, стр. 447 — 460. М.

Георгий Чулков. Ф. И. Тютчев. Покрывало Изиды, стр. 44 — 54. М.; то же: Сочинения, т. V, стр. 9 — 18, 1912. М.

[**П. Бартенев**]. Из записной книжки издателя Русского Архива: об А. А. Фете и его кончине. Русск. Арх. I, 169.

C **П. В. Анненков.** Литературные воспоминания. Спб., стр. 160.

Вячеслав Иванов. По звездам, стр. 22 — 3, 25 — 6, 37 — 8, 41, 68, 70, 75, 81, 283.

Я. Ктитарев. Вопросы религии и морали в русской художественной литературе, стр. 14, 15, 142, 144, 150, 166, 173 — 90, 192, 202, 214.

Кн. Д. А. Оболенский. Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне. Русск. Стар. IV, 40.

Е. Поселянин. Памяти Ф. И. Тютчева. Русск. Арх. II, 701—703.

Н. М. Рожалин. Письма к Елагиной. Русск. Арх. II, 581, 596, 598 — 9, 601.

—— Архив М. П. Погодина. Отчет Моск. Публичного и Румянцевского Музеев за 1908 г., стр. 31. М.

—— Каталог выставки в память И. С. Тургенева, стр. 167—168. 1909. СПб.

1910

B **В. Андр. Круковский.** Поэзия Ф. И. Тютчева. Журн. Минист. Нар. Просвещения, X, 176 — 195.

Андрей Сиротинин. Тютчев у Кашубов. Русск. Арх. III, 381 — 84.

А. Фет. I. На книжке стихотворений Тютчева; II. Ф. И. Тютчеву; III. Ф. И. Тютчеву; IV. Перевод французского стихотворения Ф. И. Тютчева. Полное собрание стихотворений т. I, 88, 89; т. II, 263, 551; там же, т. II, 490.

C **К. С. Аксаков.** Письма из чужих краев в Москву. Русск. Арх. I, 143.

[**П. Бартенев**]. Из записной книжки Русского Архива. Русск. Арх. III, 685.

А. Белый. Символизм. Главы: Лирика и эксперимент. Опыт характеристики русского четырехстопного ямба. М.

Я. К. Грот. Дни карамзинского юбилея. Историческ. Вестник, III, 997 и 1001.

Павленков. Энциклопедический Словарь.

Алексей Плетнев. Парижские воспоминания. Русск. Стар. VIII, 292.

А. О. Смирнова. Записки. — Сборник „Эпоха Николая I", М., стр. 136, 137, 145, 154, 159.

А. Соколова. Император Николай I. Исторический Вестник, I, 109 — 110.

Л. Н. Толстой. Письма, собранные П. А. Сергеенко, 121.

Гр. Сергей Шереметев. Гр. М. Н. Муравьев и его дочь. Русск. Арх. I, 116.

—— Из записок адмирала Д. С. Арсеньева. Русск. Арх. III, 430.

——Архив М. П. Погодина. Отчет Московск. Публичн. и Румянц. Музеев за 1909 г. М., стр. 12, 23 и 25.

1911

A **Ф. И. Тютчев.** Письмо к княг. Е. Э. Трубецкой. Русск. Арх. II, 274.

B **Р. Ф. Брандт.** Материалы для исследования. Федор Иванович Тютчев и его поэзия. Известия Отделения русского языка и словесности Импе-

раторской Академии Наук, т. XVI, кн. 2, стр. 136—232, и кн. 3, стр. 1—65.

Рецензии: Журн. Минист. Народн. Просвещения, 1912, VI, 382. Русск. Библиофил VIII, 86.

В. Покровский. Федор Иванович Тютчев. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. Изд. 2-ое, дополненное, II + 86 стр. М.

В. Ф. Саводник. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева, стр. 4, 136, 162—211. М.

Резензии: 1) А. Искоз. Русск. Мысль, V, 231—2. 2) Русск. Филолог. Вестник, II. 3) Вестник Европы, VII. 4) Известия Одесского библиографического общества, т. I, вып. I. 5) Литературные прибавления к Ниве, IV. 6) Русские Ведомости, № 123, стр. 4. 7) Камско-Волжская Речь, № 155.

С **В. Ф. Булгаков**. У Льва Толстого в последний год его жизни. Дневник. М.

Ч. Ветринский (Вас. Е. Чешихин). Сороковые годы XIX в. История русской литературы XIX в. под ред. Овсянико-Куликовского, т. II, стр. 188—91.

В. Лазурский. Воспоминания о Л. Н. Толстом. М., стр. 45—47, 48.

И. И. Лапшин. Вселенское чувство, стр. 29, 40, 41. СПб. и М.

Сенатор К. Н. Лебедев. Из записок. Русск. Арх. II, 487, и III, 70.

М. Н. Похвиснев. Из дневника. Русск. Арх. I, 201, 209.

—— Общество Любителей Российской Словесности (1811—1911). Историческая записка и материалы за сто лет, стр. 50, 56, 72, 80, 96; приложения, стр. 45, 58, 73, 76, 82, 116, 132, 168 и 178. М.

—— Словарь членов Общества Любителей Российской Словесности при Московском Университете (1811—1911). М., стр. 290, II—292, II.

1912

А **Ф. И. Тютчев**. Полное собрание сочинений с критико-биографическим очерком, библиографическим указателем, примечаниями, вариантами, факсимиле и портретом, под редакцией П. В. Быкова.

XLVII + 694 стр.

Рецензии: 1) Вестник Европы, X, 360. 2) Русское Богатство, IX, 215. 3) Русская Мысль, XII, 425. 4) Исторический Вестник, XI. 5) Заветы, XII. 6) Современный Мир X, 336—7. 7) Нива, № 50. 8) Русский Библиофил, V, 87—89.

то же: приложение к журналу Нива за 1913 г.;

то же: 7-ое вновь просмотренное издание [год не означен].

В **С. Адрианов**. Критические наброски. Вестник Европы, X, 405—13.

В. Я. Брюсов. Ф. И. Тютчев. Критико-биографический очерк. Полное собр. сочин. Ф. И. Тютчева под ред. Быкова; то же: изд. 1913 г.; то же, 7-ое изд., стр. VII—XLVII.

„ „ Ф. И. Тютчев, смысл его творчества. Далекие и близкие, сборник статей и заметок о русских поэтах от Тютчева до наших дней, стр. 1—17 и указат. М.

Н. Кадмин. Ф. И. Тютчев. Очерки по истории русской литературы под ред. проф. А. К. Бороздина. М., стр. 250 — 57.

С. Толстой. Л. Н. Толстой о поэзии Тютчева. Толстовский ежегодник, стр. 143 — 48. М.

С **В. Я. Брюсов**. Обломок старых поколений. Русск. Мысль, XII, 116.

Ч. Ветринский (Вас. Е. Чешихин). Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. М. 160 — 61.

Кн. П. А. Вяземский. Письма. Старина и Новизна, кн. XIV, стр. 510 — 11, 513. М.

А. Горнфельд. О русских писателях, т. I, стр. 3 — 26. СПб.

Лев Зилов. Стихи кн. П. А. Вяземского, приписанные Ф. И. Тютчеву. Русск. Арх. II, 602 — 3.

П. С. Коган. Очерки по истории новейшей русской литературы, М., т. I. вып. III, стр. 3—37, 38, 39, 53, 54, 55, 58, 59, 66, 67.

И. И. Лажечников. Письма к Ф. А. Кони. Русск. Арх. III, 144.

А. А. Мазон. Материал для биографии и характеристики И. А. Гончарова. Русск. Стар. VI, 497.

Н. В. Недоброво. Несколько замечаний на книгу: В. И. Туманский. Стихотворения и письма. Известия Отделения Русск. Языка и Словесности Импер. Акад. Наук, т. XVII, кн. 3; то же: отд. оттиск, стр. 1—4.

„ „ Ритм, метр и их взаимоотношение. Труды и Дни, изд. Мусагет, стр. 20, 24, 26.

Н. К. Пиксанов. Три эпохи. Семинарий по новой литературе. СПб., стр. 73—4.

Петр Сабуров. Записки В. А. Сабурова. Русск. Арх. I, 470, 477.

Игорь Северянин. Громокипящий кубок. М.

П. Б[артенев]. Воцарение Екатерины Великой. Русск. Арх. II, 466.

—— Из записной книжки Русского Архива [I. Апухтин. Памяти Тютчева. II. Эпиграмма М. А. Дмитриева на брак И. С. Аксакова и А. Ф. Тютчевой]. Русск. Арх. I, 635, 638.

1913

В **А. Т[ыняков]**. Великий Незнакомец. Северн. Записки I, 88 — 105; то же: Тютчев. Сборник статей, 1922. СПб.

С. Л. Франк. Космическое чувство в поэзии Тютчева. Русская Мысль, XI, 1 — 31.

С **В. С. Аксакова**. Дневник, стр. 81, 83, 102. СПб.

И. В. Владиславлев. Русские писатели XIX — XX столет. Опыт библиографического пособия по новейш. русск. литературе, 152, II — 153, I, 1913. М.

Зеленецкий. Эпитеты литературной русской речи, стр. 6, 13, 14, 17, 22, 26 — 7, 41 — 2, 47, 50, 56, 58, 62, 73, 80, 81, 91, 93, 101 — 2, 114, 117 — 8, 120, 134, 135, 138, 144, 152, 162, 175.

Н. Л[ернер]. Русский Архив 1912 года, томы I — III; Русск. Библиофил, IV, 78 — 9; см. там же V, 130.

вел. кн. Николай Михайлович. Петербургский Некрополь, т. IV, стр. 316. СПб.

С. Е. Раич. Автобиография, сообщил Б. Модзалевский. Русск. Библиофил, VIII, стр. 10, 24 — 5, 27 — 8, 30—32: то же: отд. оттиск.

Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под ред. Бирюкова, т. XXI· стр. 193, 228. М.

—— Редкие и ценные издания, собранные В. М. Остроглазовым. Русск. Арх. I, 284 — 5.

Jean Chusewille. Lettres russes, La poésie contemporaine. Mercure de France, II, 435 — 9 (см. Bibliographie Franco-Slave. Русск. Библиофил, 1913, VIII, 99).

1914

А **Th. J. Tjutscheff.** Lettres à sa seconde épouse, née baronne de Pfeffel (1840 — 1853) с русским переводом. Старина и Новизна, кн. XVIII, 63 р. + 64 стр.

В **Д. С. Дарский.** Чудесные вымыслы. О космическом сознании в лирике Тютчева. X + 136 стр. М.

Рецензии: 1) Русская Мысль, 1915, IX. 2) Голос Минувшего, 1916, II.

С **В. Жирмунский.** Немецкий романтизм и современная мистика, стр. 197. СПб.

Н. М. Колобова. Природа в поэзии А. С. Пушкина. Пушкинист, истор.-литерат. сборник под ред. проф. С. А. Венгерова, I, стр. 74, 93, 122, 126 — 7, 137 — 8, 143, 155 — 7, 160.

А. Ф. Кони. Житейские встречи. Русск. Стар. II, 292—3.

И. Н. Розанов. Русская лирика (указатель). М.

—— Из записок Н. В. Исакова. Русск. Старина, I, 61.

—— Русская литература XX века под ред. проф. С. А. Венгерова, т. I, стр. 51, 71, 84, 111, 269.

—— Письмо Варнгагена фон-Энзе к графине Блудовой. Русск. Библиофил, II, 90 и 92.

H. Heine's Briefwechsel v. F. Hirth. Erster Band, S. 508, 529—31, 612. Münch. und Berl.

1915

А. **Ф. И. Тютчев.** Письма к В. И. Ламанскому. Русская Мысль, XI, 129—131.

Th. J. Tjutscheff. Lettres à sa seconde épouse, née baronne de Pfeffel (1854 — 1858) с русским переводом. Старина и Новизна, XIX, 104 — 276.

В. **Свящ. В. Беседа.** Религиозные мотивы в поэзии Тютчева. Странник, духовный журнал, III, 378-94.

Н. Кадмин (Н. Я. Абрамович). Ф. И. Тютчев. История русской поэзии, т. II, стр. 185 — 195. М., там же, стр. 261, 281, 282 и 316,

Д. С. Мережковский. Две тайны русской поэзии — Некрасов и Тютчев, 123 стр.

Рецензия: Бюллетени литературы и жизни. 1916, I, вып. I.

Федина. Флора и фауна в произведениях Фета и Тютчева. — Фет, стр. 96—109; там же, стр. 5, 7, 11—13, 15, 24-5, 69—73, 93, 95 и 120.

А. Цинговатов. В Россию можно только верить! (Заветы Ф. И. Тютчева), 18 стр. Рост.-на-Дону.

С **Е. Каменский.** Заботы цесаревича Александра Александровича о перевооружении русской армии и о помощи голодающим. Русск. Арх. III, 178.

Н. К. Пиксанов. Тургеневский сборник. Птг., стр. 211.

Ф. Сологуб. Искусство наших дней. Русская Мысль, XII.

И. С. Тургенев. Письма к граф. Ламберт, стр. 172. М.

Николай Энгельгардт. История русской литературы XIX столетия, т. II, стр. 99—110. Петр.

—— Мои воспоминания и размышления, сообщил Лев Георгиевский. Русск. Стар. II, 344.

—— Временник Пушкинского Дома, стр. 14—15, 40, 59 и 127. Петр.

1916

A **Th. J. Tjutscheff**. Lettres à sa seconde épouse, née baronne de Pfeffel (1859 — 1867) с русским переводом. Старина и Новизна, кн. XXI, pp. 155—243 + стр. 149 — 232.

Рецензия: Русск. Арх. 1916. I (4), **внутри обложки**.

B. **Б. Эйхенбаум**. Письма Ф. И. Тютчева к жене. В России и за границей, Русск. Мысль, III, стр. 16, I — 22, I.

C **К. Д. Бальмонт**. Лермонтов. Русское Слово, № 163.

Сергей Бобров. Записки стихотворца, стр. 21, 23 — 4, 30 — 32, 62, 85 — 7, 89 — 91.

Валерий Брюсов. Семь цветов радуги.

Вячеслав Иванов. Борозды и межи, стр. 121 — 7. М.

Владимир Рындзюн. О критике (диалог). Студенчество жертвам войны, сборник, изданный студенч. о-вом искусств и изящной литературы при И. М. У., стр. 39—40. М.

Игорь Северянин. Тост безответный.

П. Я. Чаадаев. Письмо кн. П. А. Вяземскому. Старина и Новизна, кн. XX, стр. 175.

Владимир Шмаков. Священная книга Тота, великие арканы Таро, абсолютные начала синтетической философии эзотеризма, опыт комментария, М. стр. 199.

П. Е. Щеголев. Неизданная статья Пушкина об альманахе „Северная Лира". Пушкин и его современники, вып. XXIII — XXIV, стр. 6.

Владимир Эрн. Философия Джоберти. Ученые Записки Императ. Московск. Университета, отд. историко-филологический, вып. XLIV, стр. 262 — 67. М.

1917

A **Ф. И. Тютчев**. Стихи, не вошедшие ни в одно из собраний сочинений: I. Гектор и Андромаха; II. Que l'homme est peu réel; III. Прекрасный день его... IV. Он, умирая, сомневался... Собрал и примечаниями снабдил Д. Д. Благой. Ипокрена, № 1, стр. 3 — 6. Харьк.

Th. J. Tjutscheff. 1) Lettres à sa seconde épouse, née baronne de Pfeffel (1868—1871). 2) Quelques lettres adressées à son beau frère baron de Pfeffel с русским переводом и с указателем имен личных и названий географических к письмам Тютчева. Старина и Новизна, кн. XXII, pp. 243 — 293 + стр. 232 — 292.

Ч. Ветринский. Французское стихотворение Ф. Тютчева. Вестник Европы, кн. 4 — 6, стр. 315—16.

C **Ред**. Совершилось. Русск. Старина, III, стр. VII.

1918

В **Леонид Гроссман**. Тютчев и сумерки династии. Русск. Мысль, I, 63 — 89; то же: Три современника, 1922. М.

Ал. Лаврецкий. Взыскующий благодати (Ф. И. Тютчев: поэт и поэзия), Слово о культуре — сборник критических и философских статей, стр. 61 — 79. М.

Рецензия: **Эйгес**. Журн. Народное Просвещение, № 84.

Влад. Фишер. Тютчев. Русская литература, ч. II, средина XIX в. М., стр. 203—215.

1919

А **Ф. И. Тютчев**. Стихотворения; собраны под редакц. и с объяснениями Валерия Брюсова. Литерат.-издательский отдел Наркомпроса, 48 стр. М.

С —— Поэты Пушкинской поры. Сборник стихов, под редакц. и со вступительн. статьей Ю. Н. Верховского, М. стр. 318 — 24.

1920

С **Н. Н. Дурново**. Заметки по истории русского литературного языка. Родительный падеж „ея“ и „ее“ у русских поэтов XVIII и XIX в. по их рифмам. Известия Отделения русского языка и словесности Российск. Академии Наук, т. XXIII, кн. 2, стр. 103, 106, 107.

Александр Кусиков. В Никуда, вторая книга строк, стр. 13. М.

—— Мураново, имение И. Ф. Тютчева. Художественная жизнь. Бюллетени художественной секции народн. комисс. по просвещению, стр. 13—14.

1922

А **Тютчевиана**. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева. Предисловие Георгия Чулкова, 53 стр. М.

Рецензии: **Д. Д. Благой**. Печать и Революция, VII, стр. 293—95.
В. Брюсов. Газета „Новости“ № 6 (21), стр. 3.

В **С. А. Абакумов**. Зрительный эпитет у Тютчева. Новое дело, научно-педагог. вестник раб. факульт. Казанск. Госуд. Университ. II.

Борис Аннибал. Стихотворение Тютчева „Есть в осени первоначальной“. Утренники, II.

Андрей Белый. Поэзия слова. Пушкин, Тютчев и Боратынский в зрительном восприятии природы. Петерб., 7 — 19 стр.

Д. Д. Благой. Письма Тютчева к Аксакову. Московский Понедельник, № 13, стр. 3,VI — VII.

Д. Д. Благой. Предсмертные стихи Тютчева, Рупор, № 5. стр. 10—11.

Ф. Т. т. ч. в. [Ф. И. Тютчев]. На новый 1816 год. Феникс, кн. I, стр. 5—6. М.

Георгий Чулков. Отроческое стихотворение Ф. И. Тютчева. Феникс, кн. I, 137 — 141.

С **П. Н. Сакулин**. Русская литература и социализм. М.

В **Ю. Н. Тынянов**. Тютчев и Гейне. Книга и Революция. № 4 (16).

Г. Ч[улков]. Письмо Ф. И. Тютчева к Н. Ф. Щербине. Феникс, I, стр. 151–2.

Леонид Гроссман. Три современника, Тютчев — Достоевский — Аполлон Григорьев, стр. 1 — 4 и 6 — 37. М.

Рецензия: **К. Локс**. Печать и Революция, VII. Стр. 295—96.

А. Н. Майков. Пародия на стихотворение Тютчева. с объяснениями Н. К. Козьмина. Радуга, альманах Пушкинского Дома, стр. 271 — 75.

В. А. Малаховский. Эпитет Тютчева. Камены. Сборн. истор.-литер. кружка при Госуд. Институте Нар. Образ. в Чите, I, стр. 17 — 30, Чита.

Г. И. Чулков. Ф. И. Тютчев и его эпиграммы. Былое, кн. 19-я, стр. 61 — 79.

„ „ Ф. И. Тютчев на смертном одре. Шиповник, № 1, стр. 148, I — 157, II.

„ „ Письмо Тютчева к Полонскому. Московский Понедельник, № 2, стр. 3, III — IV.

„ „ Несколько строк Тютчева. Однодневная газета Комитета Академических театров помощи голодающим, 28 — 29, V, стр. 2. М.

Николай Шаров. Стихотворения Г. Гейне в переводе Ф. И. Тютчева. Труды Белорусского Госуд. Университета в Минске, № 1, стр. 139 — 147. Минск.

Б. Эйхенбаум. Методика стиха. Глава: Пушкин, Тютчев, Лермонтов, стр. 76—90. Петерб.

—— Тютчев, сборник статей, составил Алекс. Тиняков, редакц. А. Л. Волынского, 112 стр. СПб.

Рецензии: 1) **Д. Д. Благой.** Печать и Революция, VII, стр. 292—93; 2) Книга и Революция 7 (19) стр. 52, I—II; там же, см. стр. 76.

С **М. Азадовский** Неизвестный поэт-сибиряк (Е. Милькеев), Камены, Сборн. истор.-литерат. кружка при Гос. Инст. Нар. Обр. I, 1922, Чита стр. 49, 53, 54—8, 62, 63.

С **Игорь Глебов.** Русская поэзия в русской музыке, 2-е изд., стр. 120 и 146. Петр.

Рецензии: **Эйгес.** Печать и Револ. 1923, III, стр. 273.

Проф. Н. Ефимов. История русской литературы в годы революции. Печать и Револ. VII, стр. 157, 160.

1923

В **Георгий Чулков.** Тютчев и Гейне. Искусство, Журнал Росс. Акад. Худож., Наук. № 1. 356—364, см. еще стр. 422, 423 и 424.

—— И. А. Гончаров и И. С. Тургенев, по неизд. материалам Пушк. дома с предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта [письма Гончарова к Тютчеву]. Стр. 19, 57, 58, 61, 83, 95—6. Петерб.

С **С. И. Бернштейн.** О методологическом значении фонетического изучения рифм (к вопросу о Пушкинской орфоэпии). Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. М. Петр. стр. 330, 332—342, 347, 349.

Д. Д. Благой. Тургенев-редактор Фета. Печать и Революция, кн. III, стр. 46—48, 51—52. См. там же стр. 304 и 327.

Н. К. Пиксанов. Два века русской литературы. М., стр. 134—136, 201.

Проф. Б. М. Соколов. Очерки развития новейшей русской поэзии. I. В преддверии символизма. IV, 88, 89, 90 - 106. Сарат.

А. Тиняков. Русская литература и революция, 13—14 стр. Орел.

М. Цявловский. Книги и статьи по истории русской литературы XIX — нач. XX столет., вышедшие в свет с июля 1921 по ноябрь 1922 г. Сборник „Литературные отклики", стр. 63—4. М.

Д. Благой.

УКАЗАТЕЛЬ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.